

СТИВЕН

БЕЗНАДЕГА

КИНГ

Annotation

Добро пожаловать в Безнадегу!

В городок, где безраздельно правят силы Зла и оживают самые невероятные человеческие страхи...

В городок, где уличное движение регулирует маньяк — убийца...

В городок, где на дорожном указателе распята убитая кошка...

В тихий городок, где смерть подстерегает на каждом шагу...

Стивен Кинг

Безнадёга

Картеру Уитни

Выражаю особую благодарность Ричу Хаслеру из «Магма майнинг корпорейшн», Уильяму Уинстону, священнику епископальной церкви, Чаку Веррилли, моему давнишнему (и многострадальному, мог бы он добавить) редактору, и Табите Кинг, моей жене и главному критику. А теперь, когда все они названы, Постоянный Читатель, вместе со мной вы можете сказать большое спасибо им за удачи, а уж за промахи поругать меня.

С. К.

Пейзаж его поэзии — все та же пустыня...

Салман Рушди

«Сатанинские стихи»

— О Господи! Пресвятой Иисус!

— Что такое, Мэри? Что?

— Разве ты не видел?

— Не видел что?

Она повернулась к нему. В яростном солнечном свете, заливающим пустыню, он увидел, как кровь отхлынула от лица Мэри, на бледной коже особенно четко проступили пятна ожогов на щеках и над бровями, где не смог помочь даже самый сильный солнцезащитный крем.

— На том знаке ограничения скорости.

— И что там?

— Дохлая кошка, Питер. Прибитая или приклеенная, кто ее знает.

Он нажал на педаль тормоза. Мэри схватила его за плечо:

— Только не вздумай разворачиваться.

— Но...

— Что «но»? Может, хочешь сфотографировать? Не пойдет, парень. Если я увижу ее еще раз, меня стошнит.

— Кошка белая? — В зеркало заднего обзора Питер видел тыльную сторону знака, того самого знака ограничения скорости, о котором говорила Мэри, но ничего больше. Когда они проезжали мимо, он смотрел в другую сторону, на каких-то птиц, кружащих над ближайшим холмом. Не все же время таращиться на дорогу. В Неваде федеральное шоссе 50 прозвали самой пустынной автострадой Америки, и, по мнению Питера Джексона, попали в десятку. Правда, он вырос в Нью-Йорке, поэтому бескрайние просторы и отсутствие автомобилей давили на него сильнее, чем на уроженца той же Невады.

— Нет, полосатая, — отозвалась Мэри. — А какая разница?

— Я подумал, что в пустыне чудят сатанисты. Мэриэл говорила, что люди тут странные.

— Впечатлительные, — поправила его Мэри. — Цитирую: «Центральная Невада полна впечатлительных людей». И Гэри подтвердил ее слова. А поскольку мы никого не встретили после того, как пересекли границу с Калифорнией...

— Но в Фэллоне...

— Заправки не в счет. Хотя даже там... — На лице Мэри отразились непонимание и беспомощность. В последнее время такое случалось редко, хотя раньше, в первые месяцы после выкидыша, выражение это не сходило с ее лица. — Почему они живут здесь, Питер? Я еще понимаю тех, кто обитает в Вегасе или Рино... даже в Уиннемакке или Уэндовере...

— Те, кто приезжает из Юты, называют Уэндовер Пьяньюдовером, — улыбнулся Питер. — Гэри рассказывал...

— Но остальная часть штата... — Мэри его словно и не услышала. — Люди, которые там живут... Зачем они пришли туда? Почему остались на этом месте? Да, я родилась и выросла в Нью-Йорке, возможно, я чего-то не понимаю, но...

— Так ты уверена, что кошка не белая? И не черная? — Питер быстро глянул в зеркало заднего обзора, но они мчались со скоростью семьдесят миль в час, так что знак давно

растворился среди песка, мескитовых деревьев и коричневых холмов. Зато позади наконец-то появился еще один автомобиль. Ветровое стекло его так и сверкало в солнечных лучах. Их разделяла миля. Может, две.

— Нет, полосатая, я же сказала. Отвечай на мой вопрос. Кто они, здешние налогоплательщики, и что их тут держит?

Питер пожал плечами:

— Налогоплательщиков тут всего ничего. Фэллон — самый крупный город, расположенный на шоссе 50, и основное занятие местных жителей — сельское хозяйство. В путеводителе сказано, что они построили дамбу и теперь у них есть вода для полива. А выращивают они главным образом мускусные дыни. Я думаю, где-то рядом есть военная база. Через Фэллон проходит междугородный автобусный маршрут.

— Я бы уехала. Забрала свои дыни и уехала.

Правой рукой он коснулся ее левой груди:

— Это прекрасная пара дынь, мэм.

— Спасибо на добром слове. Дело не в Фэллоне. Я бы уехала из любого штата, где куда ни глянь — ни дома, ни дерева, а к знакам ограничения скорости приколачивают кошек.

— Видишь ли, зона восприятия — дело тонкое. — Питер тщательно подбирал слова. Иногда (сейчас был как раз такой случай) он не знал, шутит Мэри или говорит серьезно. — Ты вот родилась в мегаполисе, поэтому Большая пустыня в твою зону просто не укладывается. В мою, кстати, тоже. Одного здешнего неба и бесконечного горизонта достаточно, чтобы у меня поехала крыша. Я с самого утра чувствую, как все это давит на меня.

— И на меня. Еще как давит.

— Ты сожалеешь, что мы поехали? — В зеркале заднего обзора он увидел, что расстояние до автомобиля, ехавшего сзади, сократилось. Это не грузовик, который они видели на выезде из Фэллона, а легковушка. И несется как бешеная.

Мэри задумалась, потом качнула головой:

— Нет. Хорошо, что мы повидались с Мэриэл и Гэри... И озеро Тахо...

— Прекрасное озеро, правда?

— Восхитительное. Даже здесь... — Мэри посмотрела в окно. — В пустыне есть своя прелесть, этого у нее не отнимешь. Наверное, я запомню ее на всю оставшуюся жизнь. Но...

— ...мурашки бегут по коже, — закончил за нее Питер. — Если ты из Нью-Йорка.

— Чертовски верно, — согласилась Мэри. — С урбанистической зоной восприятия. Даже если бы мы поехали по другой автостраде, все равно увидели бы одну пустыню.

— Это точно. — Он вновь посмотрел в зеркало заднего обзора. Очки, которые он надевал, садясь за руль, блеснули на солнце. Их настигала патрульная машина, мчавшаяся со скоростью никак не меньше девяноста миль в час. Питер прижался к обочине, правые колеса съехали с асфальта, подняв шлейф пыли.

— Пит? Ты чего?

Еще один взгляд в зеркало. Хромированная решетка радиатора, сверкавшая так ярко, что Питеру пришлось прищуриться, стремительно надвигалась на них... Но машина вроде бы белая, значит, не полиция штата.

— Стараюсь вжаться в землю. Может, и не заметят. За нами коп, и он торопится. Возможно, преследует...

Патрульная машина просвистела мимо. «Акуру», принадлежащую сестре Питера,

основательно трянуло. Действительно, машина белая, но изрядно покрытая пылью. С названием города на дверце, прочитать которое Питер не успел. Без... и что-то там дальше. Может, Бездна. Вполне подходящее название для города, затерянного на просторах Невады.

— ...Того парня, что прибил кошку к знаку ограничения скорости, — закончил Питер.

— Но почему он едет так быстро без включенной мигалки?

— А от кого ему освобождать дорогу?

— Как от кого? — Вновь непонимание и беспомощность на ее лице. — От нас.

Питер открыл рот, чтобы ответить, но тут же закрыл его. А ведь Мэри права. Коп видел их ровно столько же, сколько и они его, может, и дольше, так почему он не включил мигалку, не просигналил фарами? На всякий случай. Разумеется, у Питера и самого хватило ума прижаться к обочине, чтобы не мешать копу, но...

Внезапно у патрульной машины вспыхнули тормозные огни. Питер автоматически вдавил в пол педаль тормоза, хотя уже сбросил скорость до шестидесяти миль, а патрульная машина умчалась достаточно далеко, и столкнуться они никак не могли. Патрульная машина тем временем перешла на встречную полосу.

— Что это он вытворяет? — спросила Мэри.

— Кто его знает.

Но Питер, разумеется, знал: коп сбрасывал скорость. С восьмидесяти пяти или девяноста миль, на которых тот проскочил мимо, она упала до пятидесяти. Хмурясь, не понимая, что происходит, притормозил и Питер. Стрелка спидометра на машине Дейдры качнулась к цифре 40.

— Питер! — В голосе Мэри послышалась тревога. — Питер, мне это не нравится!

— Все нормально, — успокоил ее Питер.

Но так ли это? Он смотрел на патрульную машину, ползущую по встречной полосе, и гадал, в чем же дело. Попытался рассмотреть копа, что сидел за рулем, но заднее стекло покрывал плотный слой пыли.

Тормозные огни, тоже запыленные, вновь сверкнули: коп еще сбросил скорость. Теперь она не превышала тридцати миль в час. На дорогу, прямо под колеса патрульной машины, вынесло перекасти-поле. Шины расплющили его по асфальту. А то, что осталось от перекасти-поля, почему-то напомнило Питеру кисть с переломанными пальцами. Его охватил страх, даже ужас, причину которого он не мог понять.

Дело в том, что Центральная Невада полна впечатлительных людей. Так сказала Мэриэл, и Гэри это подтвердил. А впечатлительные люди ведут себя именно так. То есть странно.

Разумеется, все это чушь собачья, ничего странного тут нет, во всяком случае, очень уж странного, но все же...

Опять блеснули тормозные огни. Питер в ответ автоматически нажал на тормоз, потом посмотрел на спидометр и увидел, что скорость упала до двадцати пяти миль.

— Чего он хочет, Пит?

Теперь намерения копа уже не составляли для него тайны.

— Вновь оказаться позади.

— Почему?

— Понятия не имею.

— Почему он просто не остановится на обочине, если хочет именно этого?

— Не знаю.

— Так ты намерен...

— Естественно, я обгоню его. — И неожиданно для себя Питер добавил: — В конце концов, мы не прибавляли эту чертову кошку к знаку ограничения скорости.

Он надавил на педаль газа и начал настигать патрульную машину, плетущуюся со скоростью двадцать миль в час.

Мэри с силой сжала его плечо, короткие ногти впились в кожу через синюю тенниску.

— Не надо.

— Мэри, ничего другого нам не остается.

Пока они препирались, «акура» Дейдры поравнялась с белым «каприсом», а потом оставила его позади. Питер покосился влево, но через два стекла практически ничего не увидел. Понял только, что коп — мужчина крупный. И еще ему показалось, что он смотрит в их сторону. А вот надпись на дверце Питер прочитал: «БЕЗНАДЕГА. ПОЛИЦЕЙСКИЙ УЧАСТОК». Золотые буквы под гербом города: всадник и шахтер, пожимающие друг другу руки.

Безнадега, подумал Питер. Все лучше, чем Бездна. Намного лучше.

Как только он обогнал патрульную машину, она тут же вернулась на свою полосу и, прибавив скорость, прилепилась к заднему бамперу «актуры». Так они и ехали тридцать или сорок секунд (для Питера эти секунды тянулись гораздо дольше). А потом замигали синие огни на крыше «каприса». У Питера засосало под ложечкой, но он не удивился. Отнюдь.

2

Рука Мэри все еще сжимала плечо Питера, когда он свернул на обочину.

— Что ты делаешь? Что ты делаешь, Питер?

— Останавливаюсь. Он включил мигалки и сел нам на хвост.

— Мне это не нравится. — Мэри нервно огляделась: пустыня, холмы и бездонное синее небо. — Что мы сделали?

— Возможно, превысили скорость. — Питер смотрел в боковое зеркало.

Он прочитал надпись на украшающей бампер наклейке: «ОСТОРОЖНО! ДВИЖУЩИЙСЯ ОБЪЕКТ ОБЫЧНО БЛИЖЕ, ЧЕМ ВАМ КАЖЕТСЯ». И тут же открылась дверца, а под ней показалась нога в хаки. Здоровенная нога. Затем ее обладатель вылез из кабины, захлопнул дверцу и надел на голову шляпу (в кабине для шляпы места бы не хватило, предположил Питер). А-ля медвежонок Смоки^[1].

Мэри оглянулась, и глаза ее удивленно распахнулись.

— Святой Боже, да у этого парня габариты футболиста^[2].

— Как минимум, — согласился Питер.

Взяв за точку отсчета крышу патрульной машины (пять футов от земли), он прикинул, что рост копа, шагающего к «акуре» Дейдры, никак не меньше шести футов и пяти дюймов. А вес — за двести пятьдесят фунтов. Может, и за триста.

Мэри отпустила плечо Питера и вжалась в дверцу, стремясь до максимума увеличить расстояние между собой и гигантом. На бедре у копа болталась кобура, из которой торчала рукоятка револьвера, такого же огромного, как и сам коп, а вот руки его были пусты: ни блокнота, ни книжечки штрафных квитанций. Питеру это не понравилось. Он не понимал, что сие означает, но ему это явно не нравилось. После получения водительского удостоверения его четырежды штрафовали за превышение скорости и один раз — за избыток

алкоголя в крови (после рождественской вечеринки на факультете три года назад). И ни разу коп не подходил к нему с пустыми руками. Сердце Питера, которое и так билось быстрее обычного, застучало сильнее. Оно еще не выскакивало из груди, но он чувствовал, что скоро дойдет и до этого.

Ты ведешь себя глупо, и ты это знаешь, сказал он себе. Речь идет о превышении скорости, ни о чем большем. Установленный ограничительный знак — шутка, и все знают, что это шутка, но парень, несомненно, обязан оштрафовать определенное число нарушителей. А что касается превышения скорости, штрафовать за это лучше всего приезжих. Ты это знаешь. Поэтому... Как назывался альбом старины ван Хэлена? «Жуй их и улыбайся»?

Когда коп остановился рядом с «акурой», пряжка его пояса оказалась на уровне глаз Питера. Коп не наклонился, он поднял руку (тоже внушительных размеров) ладонью вверх и несколько раз сжал и разжал пальцы, показывая, что желает взглянуть на документы водителя.

Питер снял круглые, без оправы, очки, сунул их в нагрудный карман и опустил стекло. Рядом часто-часто дышала Мэри, словно она напрыгалась через веревочку или натрахалась.

Коп не спеша присел, и в поле зрения Джексонов возникло его огромное бесстрастное лицо. Тень от шляпы падала копу на лоб. Питер отметил, что кожа у него розовая, словно обгоревшая, значит, коп, как и Мэри, не в ладах с солнцем. Выражения ярко-серых глаз Питер понять не смог. Не было в них никаких эмоций. Зато он унюхал запах. Вроде бы лосьон после бритья «Олд спайс».

Коп быстро глянул на водителя, затем его взгляд прошелся по кабине «акуры»: сначала Мэри (замужем, белая, милая мордашка, хорошая фигура, молодая, особых примет нет), потом заднее сиденье, заваленное камерами, сумками, разным хламом. Хлама пока набралось не слишком много: из Орегона они выехали два дня назад, из которых полтора провели у Гэри и Мэриэл Седерсон, слушая старые пластинки и предаваясь воспоминаниям.

Глаза копа остановились на выдвинутой пепельнице. Питер сообразил, что его интересуют окурки «косяков», коп пытается уловить запах «травки» или гашиша, и облегченно вздохнул. Не пыхал он уже лет пятнадцать, «кокса» вовсе не нюхал и практически бросил пить после той приснопамятной рождественской вечеринки. С наркотиками он сталкивался лишь на рок-концертах, когда до его ноздрей долетал дым чьей-нибудь самокрутки. Мэри же вообще ничего подобного не пробовала и иногда называла себя наркодевственницей. В пепельнице коп мог увидеть только две скатанные в шарики обертки от жвачки, а на заднем сиденье не валялись ни банки из-под пива, ни бутылки из-под вина.

— Патрульный, я, видимо, превысил скорость...

— Увлечлись малек? — добродушно спросил коп. — Бывает, бывает. Сэр, я бы хотел взглянуть на ваше водительское удостоверение и на регистрационный талон.

— Конечно. — Питер достал бумажник из заднего кармана брюк. — Автомобиль не мой. Моей сестры. Мы перегоняем его в Нью-Йорк. Из Орегона. Сестра училась в Риде. Рид-колледж, это в Портленде.

Питер понимал, что не говорит, а тараторит, но ничего не мог с собой поделать. Такое повторялось при каждой встрече с копом: у него буквально начинался словесный понос, словно в багажнике лежал труп или похищенный ребенок. Питер вспомнил, что точно так же говорил, говорил и говорил, когда коп остановил его на Лонг-Айленде после рождественской вечеринки, ля-ля-ля-ля, а коп в это время молчал, занимаясь своим делом: сначала

внимательно просмотрел его документы, потом вытащил синий пластиковый мешочек — комплект для определения наличия алкоголя в крови.

— Мэри, тебя не затруднит достать из бардачка регистрационный талон? Он в конверте вместе со страховкой Ди.

Мэри не шевельнулась. Уголком глаза Питер видел, что она застыла словно статуя. Сам же он раскрыл бумажник и начал рыться в нем в поисках водительского удостоверения. Оно должно лежать в одном из отделений с пластиковыми окошками. Так нет же, не лежит!

— Мэри? — повторил он нетерпеливо, с нотками испуга в голосе. А если он потерял это гребаное водительское удостоверение? Выронил в квартире Гэри, когда перекладывал содержимое карманов (во время путешествия карманы всегда набиты черт знает чем) из одних джинсов в другие? Хотя не мог, конечно, выронить, такого с ним еще не случалось, но... — Ну же, Мэри! Достань этот треклятый регистрационный талон! Пожалуйста.

— Сейчас, сейчас.

Она наклонилась вперед, словно старый, заржавевший механизм, внезапно пробужденный к жизни электрическим импульсом, и открыла бардачок. Начала в нем шуровать, выгребла всякую ерунду: полпачки печенья, кассету Бонни Рэйт, зажеванную магнитолой Дейдры, карту Калифорнии. Питер видел капельки пота, выступившие на левом виске Мэри. Взмокли и корни ее черных волос, хотя кондиционер исправно гнал в салон холодный воздух.

— Я не... — И тут же паника в ее голосе сменилась облегчением. — Вот он.

В этот момент Питер заглянул в отделение для визитных карточек и обнаружил водительское удостоверение. Он не помнил, что клал его туда (с какой стати его туда класть?), но оказалось оно именно там. С фотографии на него смотрел не старший преподаватель английского языка Нью-Йоркского университета, а какой-то безработный (а то и объявленный в розыск убийца). Однако в том, что сфотографирован именно он, Питер, сомнений быть не могло. Настроение у него заметно улучшилось. Документы нашлись, есть все-таки Бог на небесах, и в мире царит полный порядок.

Кроме того, подумал Питер, протягивая копу водительское удостоверение, это не Албания, знаете ли. Может, это и не наша зона восприятия, но уж точно не Албания.

— Питер?

Он повернулся, взял конверт, который Мэри держала в руке, подмигнул ей. Она попыталась улыбнуться в ответ, но без особого успеха. И тут порыв ветра окатил их автомобиль песком. Песчинки маленькими иголками впились в лицо Питера, он зажмурился. Как же ему захотелось в этот момент оказаться в паре тысяч миль от Невады, хоть к северу, хоть к югу.

Питер протянул регистрационный талон на автомобиль Дейдры копу, но тот все еще изучал водительское удостоверение.

— Вижу, вы донор внутренних органов? — произнес коп, не отрывая глаз от удостоверения. — Вы действительно думаете, что это разумное решение?

Питер оторопел.

— Ну, я...

— Это регистрационный талон на автомобиль, сэр? — Коп быстро сменил тему. Теперь он смотрел на лист канареечно-желтой бумаги.

— Да.

— Пожалуйста, передайте его мне.

Питер протянул талон через окно. Теперь коп держал в одной руке водительское удостоверение Питера, а в другой — регистрационный талон на автомобиль Дейдры. Он долго смотрел то на один документ, то на другой. Почувствовав, как что-то прикоснулось к его бедру, Питер вздрогнул, но тут же понял, что это рука Мэри. Он положил на нее свою руку и сжал.

— Ваша сестра? — нарушил затянувшуюся паузу коп и поднял на них ярко-серые глаза.

— Да...

— Ее фамилия Финни. Ваша — Джексон.

— Дейдра год была замужем, между средней школой и колледжем, — ответила Мэри. Спокойно, уверенно, без признаков паники. Питер поверил бы в это спокойствие, если б не пальцы, вжимающиеся в его бедро. — Она оставила фамилию мужа. Только и всего.

— Год, говорите? Между средней школой и колледжем? Вышла замуж. *Тэк.*

Он вновь уставился на документы. Питер видел, как ходит из стороны в сторону верхушка шляпы, которая так хорошо смотрелась на симпатяге медвежонке.

Нахлынувшее было облегчение испарилось без следа.

— Между средней школой и колледжем, — повторил коп, не поднимая головы, а в мозгу Питера вдруг раздались другие, не произнесенные вслух слова: *Вижу, вы донор внутренних органов. Вы действительно думаете, что это разумно?*

Мэри перевернула руку, теперь ее ногти впивались в ладонь Питера. Сердце у него сжалось, он вновь почувствовал себя нашкодившим ребенком, который точно знает, что за ним водится грешок.

— В чем... — начал он.

Коп, что ехал в патрульном автомобиле, приписанном к полицейскому участку города Безнадеги, встал. Сначала исчезла голова, потом рубашка с блестящей бляхой и, наконец, портупея. Теперь Питер видел лишь тяжелую пряжку ремня, торчащую из кобуры рукоятку револьвера да складки материи цвета хаки у ширинки.

А в голосе, раздавшемся над крышей «акуры», не слышалось вопросительных интонаций.

— Выходите из машины, мистер Джексон.

Питер потянул на себя ручку, и коп отступил назад, чтобы дверца открылась. Мэри так сильно сжала руку Питера, что тот непроизвольно повернулся к ней. Обожженные участки кожи на ее щеках и на лбу теперь выделялись особенно ярко, потому что лицо Мэри посерело. Глаза широко распахнулись.

Не выходи из машины, беззвучно произнесли ее губы.

Я обязан, так же беззвучно ответил ей Питер и поставил ногу на асфальт федерального шоссе 50. Какое-то время Мэри все так же судорожно сжимала его руку, потом Питер высвободился и вылез из кабины. Коп смотрел на него сверху вниз. *Шесть футов и семь дюймов,* подумал Питер, *никак не меньше.* И внезапно перед ним, как в ускоренной съемке, пронеслись последующие события: гигант коп, достающий револьвер и нажимающий на спусковой крючок, высокоученые мозги Питера Джексона, летящие брызгами на крышу «акуры», Мэри, вытряхиваемая из кабины, брошенная лицом вниз на багажник, коп, насилующий ее прямо на шоссе, под ярким солнцем пустыни, в шляпе а-ля медвежонок

Смоки, надвинутой на лоб, и кричащий: *Тебя интересовали органы доноров, женщина? Вот тебе орган! Вот тебе!*

— В чем дело, патрульный? — Во рту у Питера пересохло. — Думаю, я имею право знать.

Коп повернулся и направился к багажнику «акуры». Не оглядываясь, словно его не интересовало, последует Питер за ним или нет. Питер последовал, ощущая, что ноги его от волнения стали ватными.

Коп остановился в двух шагах от заднего бампера. Когда Питер присоединился к нему, коп вытянул руку с указующим перстом. Питер проследил за ним взглядом и увидел, что на автомобиле Дейдры нет пластины с номерным знаком, лишь чистенький прямоугольник, который эта пластина прикрывала.

— О черт! — В возгласе Питера слышалось раздражение, в душе же он почувствовал безмерное облегчение. Все-таки у копа была причина остановить их. Питер поднял глаза и только тут заметил, что водительская дверца закрыта. Ее захлопнула Мэри. Он же так волновался... не знал, что его ждет... короче, не слышал стука.

— Мэри! Эй, Мэри!

Она высунулась из своего окошка и посмотрела на него.

— У нас отвалилась эта чертова пластина с номерным знаком! — крикнул Питер, разве что не смеясь.

— Что?

— Нет, не отвалилась, — поправил его коп из Безнадеги.

Он вновь присел и медленно, осторожно, плавно сунул руку под задний бампер. А затем пошуровал там, с обратной стороны чистого прямоугольника. Взгляд его в это время был устремлен к горизонту. У Питера возникло странное ощущение, что остановил их не коп, а мужчина с рекламного щита «Мальборо».

— Ага! — Коп встал, сжав в кулак руку, что шарил за бампером.

Он протянул ее Питеру и раскрыл ладонь. На ней лежал (такой крохотный в сравнении с розовой площадкой) кусок заржавевшего болта. С блестящим перепиленным торцом.

Питер посмотрел на остатки болта, потом на копа:

— Я не понимаю.

— Вы останавливались в Фэллоне?

— Нет...

Тут открылась дверца со стороны пассажирского сиденья, и песок заскрипел под кроссовками Мэри, направляющейся к ним.

— Конечно, останавливались. — Она посмотрела на кусочек железа, лежащий на большой ладони (во второй руке коп все еще держал регистрационный талон Дейдры и водительское удостоверение Питера), потом перевела взгляд на лицо копа.

Испуг прошел, во всяком случае, улеглась охватившая ее паника, что порадовало Питера. Он уже успел девять раз обругать себя идиотом, но не мог не признать, что некоторые особенности в поведении копа

(вы действительно думаете, что это разумно?)

давали на то веские основания.

— Закусочная на автозаправке, Питер, разве ты не помнишь? Ты сказал, что бензина нам хватит до Эли, поэтому мы взяли по стакану содовой, чтобы не просить разрешения попользоваться туалетом. — Мэри взглянула на копа и попыталась улыбнуться. Питеру она

казалась маленькой девочкой, старающейся выдавить улыбку из папочки, когда тот вернулся с работы в скверном настроении. — Туалеты там очень чистые.

Коп кивнул.

— Вы останавливались на «Заправься по-быстрому» или на «Коноко» Берка?

Мэри вопросительно посмотрела на Питера.

Тот развел руками:

— Не помню. Черт, я с трудом вспоминаю, что мы вообще останавливались.

Коп через плечо бросил кусок болта в пустыню, где ему и предстояло пролежать миллион лет, пока им не заинтересуется какая-нибудь не в меру любопытная птичка.

— Готов спорить, что болтающихся неподалеку детей вы запомнили. Скорее подростков. Во всяком случае, один или двое на детей никак не тянули. Те, что помладше, катались на досках или роликах.

Питер кивнул и подумал о Мэри, которая спрашивала его, зачем люди пришли сюда, в пустыню, и почему остались.

— Наверняка вы были на «Заправься по-быстрому». — Питер посмотрел на копа в надежде увидеть на одном из карманов форменной рубашки нашивку с фамилией, но не увидел. Так что пока он оставался для них просто копом, который выглядел совсем как мужчина с рекламных щитов «Мальборо». — У Элфи Берка они больше не крутятся. Он их разогнал. Подлые поганцы.

Мэри вскинула голову, и Питеру показалось, что он уловил улыбку в уголках ее рта.

— Так это банда? — спросил Питер, не понимая, куда клонит коп.

— Можно сказать и так, хотя Фэллон для подростковых банд маловат. — Коп поднес водительское удостоверение Питера поближе к глазам, посмотрел на фотографию, потом на Питера, но удостоверение не отдал. — Большинство этих мерзавцев выгнали из школы. А хобби у них — срезать пластины с номерными знаками других штатов. Ищут острых ощущений. Полагаю, с вашего автомобиля они срезали пластину, пока вы покупали прохладительные напитки или пользовались туалетом.

— Вы об этом знаете, а они по-прежнему срезают пластины? — удивилась Мэри.

— Фэллон не мой город. Я заезжаю туда редко. У них одни порядки, у меня — другие.

— Что же нам делать без пластины? — спросил Питер. — Я хочу сказать, теперь хлопот не оберешься. Автомобиль зарегистрирован в Орегоне, а моя сестра перебралась в Нью-Йорк. Рид она ненавидела...

— Вот как? — удивился коп. — Да перестаньте!

Питер почувствовал на себе взгляд Мэри, понял, что его последняя фраза повеселила ее, но ему самому предаваться веселью было пока рановато.

— Она говорила, учиться там — все равно что пытаться отправиться на занятия с концерта «Грейтфул дэд»^[3]. Короче, она улетела в Нью-Йорк. А мы с женой подумали, что неплохо было бы отправиться в Портленд, а потом перегнать в Нью-Йорк ее автомобиль. Вещи свои Дейдра уложила в багажник. В основном это одежда... — Он вновь тараторил, но на сей раз заставил себя говорить медленнее. — Так что же мне делать? Мы ведь не можем проехать всю страну без заднего номерного знака.

Коп не торопясь зашагал к капоту «акуры». Водительское удостоверение Питера и канареечно-желтый регистрационный талон Дейдры он нес в одной руке. Перепоясывающий его ремень поскрипывал при каждом шаге. Обойдя автомобиль спереди, коп остановился, заложив руки за спину. Питеру он показался похожим на посетителя художественной

галереи, застывшего перед заинтересовавшим его экспонатом. Подлые поганцы. Видать, сильно они его достали.

Коп уже шагнул к ним. Мэри придвинулась к Питеру, ее страх ушел. На здоровяка она взирала с интересом, не более того.

— Передняя номерная пластина в порядке, — возвестил коп. — Переставьте ее назад. Тогда вы без проблем доберетесь до Нью-Йорка.

— Хорошо, — кивнул Питер. — Дельная мысль.

— У вас есть ключ и отвертка? Я свои инструменты оставил на верстаке. — Коп улыбнулся. Улыбка совершенно преобразила его лицо. — Ах да, возьмите. — Он протянул Питеру водительское удостоверение и регистрационный талон.

— В багажнике вроде бы есть мешок с инструментами. — В голосе Мэри слышалось облегчение, то же самое испытывал и Питер. — Я его видела, когда клала туда косметичку. Лежит за запаской.

— Позвольте вас поблагодарить, — улыбнулся Питер копу.

Тот кивнул. На Питера он, впрочем, не смотрел. Его серые глаза изучали далекие горы.

— Это моя работа.

Питер направился к дверце водителя, гадая, а чего, собственно, они с Мэри испугались.

Все это ерунда, сказал он себе, вынимая ключи из замка зажигания. Помимо ключей, на кольце болтался брелок с улыбающейся рожицей. Дейдра называла его мистер Лыба-Улыба, и эта рожица являлась ее фирменным знаком. Большинство писем Дейдры украшали счастливые желтые рожицы, изредка их заменяли зеленые, с опущенными уголками рта. Это означало, что у сестры выдался неудачный день. Положа руку на сердце можно сказать, что он совсем и не боялся. И Мэри тоже...

Чушь собачья, ложь. Еще как боялся, а Мэри... Мэри просто находилась на грани истерики.

Ладно, может, у нас не все в порядке с головой, думал Питер, возвращаясь с ключами к багажнику. *Но не убивать же нас за это.* А Мэри уже стояла рядом с копом. Питер едва верил своим глазам: ее макушка едва доставала до грудной клетки этого здоровяка.

Коп открыл багажник. Слева лежали вещи Дейдры, прикрытые от дорожной пыли пластиковыми мешками, посередине — косметичка Мэри и два их чемодана, втиснутые между вещами Дейдры и запаской. *Хотя величать эту совершенно лысую шину запаской — слишком большая честь*, подумал Питер. *На ней можно доехать разве что до ближайшей мастерской, да и то если повезет.*

Питер заглянул в узкий зазор между шиной и чемоданом. Ничего.

— Мэри, я не вижу...

— Вон он, — указала Мэри. — Серый мешок. Завалился за запаску.

Он мог бы просунуть руку в щель, но решил, что проще вытащить запаску. Питер уже прислонял ее к бамперу, когда услышал, как ойкнула Мэри. Словно ее ущипнули или ткнули пальцем под ребра.

— Эге, — раздался ровный, спокойный голос копа. — И что же это такое?

Мэри и коп смотрели в багажник. На лице копа отражалось легкое любопытство. У Мэри же глаза в ужасе вылезли из орбит. Губы дрожали. Заглянул в багажник и Питер. Что-то лежало в нише под запаской. Что-то полностью ею прикрытое. Питер сразу понял: ему совершенно не хочется знать, что именно там лежит. И у него вновь засосало под ложечкой. Да еще возникло ощущение, будто сфинктер парализовало и он вот-вот обделается. Ягодицы

непроизвольно сжались, но Питеру все еще казалось, что это происходит не с ним. И вообще это сон, по-другому и быть не может.

Здоровяк коп быстро глянул на него серо-стальными, ровным счетом ничего не выражавшими глазами, наклонился и достал из ниши мешок, большой мешок, с галлон, набитый зеленовато-коричневой травой. Он был запечатан липкой лентой. Украшала мешок желтая наклейка. Мистер Лыба-Улыба. Идеальная эмблема для поклонников «травки», к которым относилась и сестра Питера, ее жизненные приключения следовало бы назвать «Путешествие по американским клоакам с «колесами» и «косяком». Она залетела обкурившись, под кайфом согласилась выйти замуж за Роджера Финни и, Питер это знал наверняка, покинула Рид только потому, что наркоту там предлагали на любом углу, всем и каждому, а устоять Дейдра не могла. Насчет этого она говорила откровенно, и перед отъездом из Портленда Питер обшарил всю «акуру» в поисках «травки»: вдруг Дейдра что-то забыла или припрятала. Мэри, кстати, прощупала одежду Дейдры, не объясняя причины: они оба все понимали без слов. Но им и в голову не пришло заглянуть под запаску.

Чертова запаска!

Огромная лапища копа сжала мешок с «травкой», словно помидор. Вторую он сунул в карман и достал швейцарский армейский нож.

— Патрульный, — промямлил Питер. — Патрульный, я понятия не имею, каким...

— Ш-ш-ш, — остановил его коп и надрезал мешок.

Питер почувствовал, как Мэри дергает его за рукав. Он нашел и сжал ее руку. Перед его мысленным взором возникло миловидное лицо Дейдры. Светлые вьющиеся локоны, падающие на плечи. И глаза, всегда чуть затуманенные, отстраненные.

Маленькая глупая сучка, подумал Питер. Благодарю Бога, что тебя здесь нет, иначе я бы тебе сейчас врезал.

— Патрульный... — подала голос Мэри.

Коп поднял руку, призывая ее помолчать, затем поднес мешок к лицу, уткнулся носом в разрез и принялся. Глаза его на мгновение закрылись. Потом коп открыл глаза и опустил мешок.

— Дайте мне ключи от автомобиля, сэр.

— Патрульный, я могу все объяснить...

— Дайте мне ключи.

— Вы только выслу...

— Вы оглохли? Дайте мне ключи.

Коп лишь слегка повысил голос, но и этого хватило, чтобы Мэри заплакала. Питеру не оставалось ничего другого, как положить ключи от автомобиля Дейдры на ладонь копа и обнять дрожащие плечи жены.

— Боюсь, вам придется проехаться со мной, — продолжил коп. Он перевел взгляд с Питера на Мэри, потом вновь на Питера. Вот тут до Питера и дошло, что же именно тревожило его в этих серых глазах. С одной стороны, они яркие, как первый утренний луч, а с другой — мертвые.

— Пожалуйста, — всхлипнула Мэри. — Это ошибка. Его сестра...

— Садитесь в машину. — Коп указал на белый «каприс». Синие огни все еще мигали на его крыше. — Сюда, пожалуйста, мистер и миссис Джексон.

На заднее сиденье они втиснулись с трудом (другого и быть не могло, подумал Питер, этот здоровяк как можно дальше отодвинул переднее). На полу, за водительским креслом, лежали пачки бумаги (на спинке сиденья красовалась вмятина, оставленная могучей спиной водителя). Пару пачек, не уместившихся внизу, положили у заднего стекла. Питер поднял верхний листок с засохшим кофейным кольцом: кто-то поставил чашку, и кофе пролился. Листовка, выпущенная какой-то общественной организацией, вероятно, к одному из своих сборищ. На листовке был изображен ребенок, сидящий на пороге. Изумленный, ничего не понимающий (пожалуй, в тот момент те же чувства испытывал и сам Питер). Кофейное кольцо окружало голову ребенка, словно нимб.

Заднее и переднее сиденья разделяла металлическая сетка. Ручки, открывающие окна и дверцы, отсутствовали. Питеру уже начало казаться, что он — герой фильма (на память сразу пришел «Полуночный экспресс»), и эти детали только усугубили возникшее чувство. Питер пришел к выводу, что он наговорил уже слишком много, поэтому теперь ему, да и Мэри, лучше помолчать, во всяком случае, до тех пор, пока они не окажутся в том месте, куда решил отвезти их патрульный. Питера так и подмывало сообщить копу, что тот допустил чудовищную ошибку: он — старший преподаватель английского языка в Нью-Йоркском университете, его специализация — послевоенная американская литература, недавно он опубликовал научную статью «Джеймс Дики и новая южная реальность», вызвавшую живые, хотя и противоречивые отклики в академических кругах, и самое главное — он уже много лет не курил «травку». Ему страстно хотелось сказать, что, возможно, по стандартам Центральной Невады, образования у него с избытком, но в принципе он хороший парень.

Питер взглянул на Мэри. Глаза ее были полны слез, и его охватил стыд: что же это я все про себя да про себя. Жена ведь тоже попала в эту передрыгу, и следовало об этом помнить.

— Питер, я так боюсь, — прошептала или, скорее, простионала она.

Он наклонился и поцеловал ее в щеку. Кожа у Мэри была холодная, как глина.

— Все будет хорошо. Это недоразумение, мы его уладим.

— Ты уверен?

— Абсолютно.

Посадив их на заднее сиденье патрульной машины, коп вернулся к «акуре». Минуты две он стоял, уставившись в открытый багажник. Не перекладывал вещи, не прощупывал их, просто стоял, заложив руки за спину, словно зачарованный увиденным. Затем вздрогнул, как человек, задремавший в кресле, а потом внезапно проснувшийся, захлопнул багажник «акуры» и направился к «капрису». Патрульная машина осела на левый бок, как только коп сел за руль, пружины водительского сиденья протяжно закрипели, а его спинка с такой силой придавила Питеру колени, что он скривился от боли.

С этой стороны следовало посадить Мэри, подумал он, но теперь слишком поздно говорить об этом. Как и о многом другом.

Заурчал двигатель. Коп включил первую передачу и выехал на асфальт. Мэри повернулась, чтобы посмотреть, как «акура» уменьшается в размерах. Когда же она перевела взгляд на Питера, слезы, стоявшие в ее глазах, уже потекли по щекам.

— Пожалуйста, послушайте меня, — обратилась она к коротко стриженному светлому затылку. Перед тем как сесть в машину, коп снял шляпу, и Питер отметил, что расстояние между крышей и макушкой не превышало дюйма. — Пожалуйста, постарайтесь понять, хорошо? *Это не наш автомобиль.* Вы должны это понять, я уверена, вы поймете, потому что видели регистрационный талон. Машина принадлежит сестре моего мужа. Эта женщина —

наркоманка. Она...

— Мэри... — Питер сжал руку жены, но она вырвала ее.

— Нет! Я не собираюсь сидеть весь день в полицейском участке, может, даже в камере, отвечая на глупые вопросы, лишь из-за того, что твоя сестра такая эгоистка. Как она могла забыть... Ну ее к черту!

Питер откинулся на спинку сиденья. Давление на колени не снижалось, но он решил, что это можно пережить, и повернулся к запыленному окну. От «акуры» их уже отделяла миля или две, а впереди он видел что-то большое, стоящее на обочине встречной полосы. Автомобиль. Судя по габаритам, грузовик.

Мэри смотрела уже не в стриженный затылок, а в зеркало заднего обзора, надеясь поймать взгляд копа.

— Половина мозговых клеток Дейдры сторела, а вторая половина пребывает в Изумрудном городе. Есть даже такой профессиональный термин — «измененная личность», вы наверняка встречали подобных людей, патрульный, даже в здешних краях. То, что вы нашли под запаской скорее всего «травка», в этом вы совершенно правы, но это *не наша* «травка»! Разве вы не понимаете?

Теперь Питер видел, что на обочине стоит не грузовик, а кемпер^[4]. Не из тех, что размерами напоминают динозавров, но тоже достаточно большой. Кремового цвета, с широкой зеленой полосой по борту. А пониже ветрового стекла его хозяева той же зеленой краской написали: «ЧЕТЫРЕ СЧАСТЛИВЫХ СТРАННИКА» — так они окрестили свой дом на колесах. Запыленный кемпер как-то неестественно прижался к земле.

Причину Питер обнаружил, когда они приблизились к нему: все колеса кемпера были спущены. На спущенных колесах он действительно чуть ли не лег днищем на землю, но как можно было сразу проколоть все колеса? Кто-то засыпал дорогу шипами? Или стеклом?

Питер взглянул на Мэри, но та не отводила глаз от зеркала заднего обзора.

— Если бы это мы положили мешок с «травкой» под запаску, — говорила она, — если бы «травка» принадлежала нам, тогда с какой стати Питер стал бы вынимать запаску? Вы же это понимаете? Я хочу сказать, он мог бы добраться до инструментов, не вынимая запаски, просунул бы руку между ней и чемоданом.

Они проехали мимо кемпера. Боковая дверь закрыта, но защелка откинута. Лесенка выпущена. А у нижней ступеньки лежала в пыли кукла. Ветерок играл ее платьем.

Глаза Питера закрылись. Он не мог сказать наверняка, закрыл ли он их или они закрылись сами по себе. Невелика разница. Думать он мог лишь об одном: патрульный проскочил мимо потерпевшего крушение кемпера, словно и не заметил его... или как будто уже знал, что он тут стоит.

На ум пришли слова старой песенки: «...Здесь что-то случилось... сказал бы кто, что именно...»

— Мы же не кажемся вам глупцами? — гнула свое Мэри. Кемпер начал уменьшаться в размерах... как ранее уменьшалась в размерах «акура» Дейдры. — Или обкурившимися? Вы же не думаете, что мы...

— Заткнись. — Коп говорил тихо, но, чтобы услышать злобу в его голосе, музыкального слуха не требовалось.

Мэри сидела, наклонившись вперед, вцепившись пальцами в металлическую сетку. А тут ее руки упали, и она в ужасе повернулась к Питеру. К такому обращению Мэри не привыкла. Еще бы, жена старшего преподавателя, поэтесса, стихи которой публиковались в

двадцати журналах, член дискуссионного женского клуба, собиравшегося дважды в неделю. Питеру оставалось только гадать, когда в последний раз ей предлагали заткнуться. Если вообще предлагали.

— Что? — Возможно, Мэри хотела, чтобы ее голос звучал агрессивно, даже угрожающе, но в нем не слышалось ничего, кроме недоумения. — Что вы сказали?

— Я арестовал вас и вашего мужа по обвинению в хранении марихуаны с намерением ее продать, — ответил коп. Механический голос, как будто говорит не человек, а робот.

Питер смотрел теперь прямо перед собой. На приборном щитке, рядом с компасом и дисплеем радара, он увидел маленького пластикового медвежонка. Висел он на резинке, привязанной к шее. Его пустые нарисованные глаза уставились на Питера.

Это кошмар, подумал он, прекрасно понимая, что происходит все не во сне, а наяву. *Иначе просто быть не может. Я знаю, что не сплю, но как такое может случиться в реальной жизни?*

— Вы шутите, — пискнула Мэри. Но по голосу чувствовалось: она понимает, что это не шутка. Глаза ее вновь наполнились слезами. — Конечно, вы шутите.

— Вы имеете право молчать, — ответил коп все тем же механическим голосом. — Если вы предпочтете не молчать, все, сказанное вами, может быть использовано против вас в суде. Вы имеете право на адвоката. Я намереваюсь вас убить. Если вы не можете позволить себе адвоката, он будет предоставлен вам судом. Вы поняли ваши права? Я достаточно ясно их объяснил?

Мэри смотрела на Питера огромными, полными ужаса глазами, молчаливо спрашивая, слышал ли он, какая жуткая фраза проскользнула среди тех, что касались их прав. Питер кивнул. Он все слышал. Питер положил руку на ширинку в уверенности, что обнаружит там мокрое пятно. Но нет, он не обдулся. Еще нет. Питер обнял Мэри и почувствовал, как она дрожит под его рукой. Вновь и вновь мысли его возвращались к кемперу. Дверь не защелкнута, кукла, лежащая в пыли, слишком много спущенных колес. Да еще дохлая кошка, которую Мэри увидела на знаке ограничения скорости.

— Вы поняли ваши права?

Веди себя естественно, приказал себе Питер. *Едва ли этот тип отдает себе отчет в том, что говорит, поэтому веди себя естественно.*

Но как можно вести себя естественно, сидя на заднем сиденье патрульной машины, которую ведет безумец, заявивший, что собирается тебя убить?

— Вы поняли ваши права? — повторил механический голос.

Питер открыл рот, но с его губ не сорвалось ни звука.

Тогда коп повернулся к ним. Лицо его, розовое от солнца, побледнело. Глаза чуть ли не вылезали из орбит. Он прикусил нижнюю губу, словно пытаясь подавить приступ ярости, и кровь тоненькой струйкой потекла по подбородку.

— *Вы поняли ваши права?* — проревел коп, не отрывая от них глаз, забыв о том, что автомобиль несется по дороге со скоростью семьдесят миль в час. — *Вы поняли ваши гребаные права или нет? Поняли или нет? Да или нет? Да или нет? Отвечайте мне, умненькие нью-йоркские евреи!*

— Я понял! — вырвалось у Питера. — Мы оба все поняли, только следите за дорогой. Ради Бога, следите за дорогой!

Коп с бледным лицом и кровью, текущей по подбородку, продолжал смотреть на них сквозь металлическую сетку. «Каприс», подавшийся было влево, на полосу встречного

движения, теперь возвращался на свою полосу.

— Обо мне не волнуйтесь. — Голос копа вновь зазвучал дружелюбно. — Незачем волноваться. У меня глаза на затылке. По правде говоря, у меня глаза везде. Вам следует это хорошенько запомнить.

И он резко отвернулся от них, сбросив скорость до пятидесяти пяти миль в час. Сиденье, на котором сидел коп, еще сильнее придавило колени Питера.

Он взял руку Мэри в свои. Она прижалась лицом к его груди, и он чувствовал рыдания, которые она пыталась сдержать. Через ее плечо Питер смотрел вперед, сквозь металлическую сетку. Медвежонок раскачивался, подвешенный на резинке.

— Я вижу через дыры, как через глаза, — добавил коп. — У меня в них вся голова.

Больше он не произнес ни слова, пока «каприс» не въехал в город.

5

Десять последующих минут тянулись для Питера Джексона очень долго. Давление туши копа на его колени увеличивалось с каждым оборотом секундной стрелки. Ноги затекли, Питер не знал, сможет ли сделать хоть один шаг, когда закончится эта ужасная поездка. Мочевой пузырь мог вот-вот лопнуть. Болела голова. Питер понимал, что никогда в жизни они с Мэри не попадали в столь жуткую ситуацию, но он не мог адекватно оценить ее. Всякий раз, когда Питер начинал подходить к осознанию того, чем все это может закончиться, в его голове словно что-то щелкало и возвращало его к началу. Они отправились в обратный путь, в Нью-Йорк. Их там ждали. Кто-то поливал цветы в их квартире. Всего этого случиться с ними не могло, не могло, и все тут.

Мэри подтолкнула Питера, скосив глаза в окно. Указатель с единственным словом: «БЕЗНАДЕГА». И стрелка направо.

Если коп и притормозил перед поворотом, то самую малость. Автомобиль начало заносить, и Питер увидел, как замерла Мэри. Еще секунда, и она закричала бы. Он прикрыл ей рот рукой, прошептал на ухо: «Он справится, я в этом уверен, мы не перевернемся». Но эта уверенность появилась у него лишь после того, как он почувствовал, что их больше не тащит в сторону. Коп удержал «каприс» на дороге. Теперь они мчались по узкой полосе асфальта, на которой не было разделительной линии.

Еще миля, и они проехали большой щит с надписью: «ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ! ЦЕРКОВНЫЕ ОБЩИНЫ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ БЕЗНАДЕГИ ПРИВЕТСТВУЮТ ВАС». Питер смог прочитать начальные слова «ЦЕРКОВНЫЕ ОБЩИНЫ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ», хотя кто-то и закрасил их желтой краской из пульверизатора. Той же краской этот кто-то написал корявыми буквами: «ДОХЛЫЕ СОБАКИ». Снизу следовал список церковных общин и общественных организаций, но читать его Питер не стал. На щите висела мертвая немецкая овчарка. Ее задние лапы на дюйм или два не доставали до земли, потемневшей от крови собаки.

Руки Мэри впились в Питера. Он наклонился к ней, вдыхая нежный аромат духов, смешанный с тяжелым запахом вызванного страхом пота. Питер коснулся губами уха жены.

— Не говори ни слова, не произноси ни звука, — прошептал он. — Кивни, если поняла меня.

Мэри чуть кивнула, и Питер снова выпрямился.

Они миновали трейлерный парк^[5], обнесенный деревянным забором. Большинство

передвижных домов, видимо, знавало лучшие времена. На горячем ветру пустыни лениво трепыхалось белье. На одном из трейлеров красовалась надпись:

***Я — УВАЖАЮЩИЙ ОРУЖИЕ, ЛЮБЯЩИЙ ВЫПИТЬ, ЧИТАЮЩИЙ
БИБЛИЮ, НЕ ТЕРПЯЩИЙ КЛИНТОНА СУКИН СЫН. НА ПСА
ВНИМАНИЯ НЕ ОБРАЩАЙТЕ, ОСТЕРЕГАЙТЕСЬ ХОЗЯИНА.***

На крыше старого автобуса, стоящего у дороги, чернела тарелка спутниковой антенны. Рядом с ним Питер увидел табличку, выкрашенную белой краской. Проступавшая через нее ржавчина местами напоминала кровавые потеки:

***ЭТОТ ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫЙ УЗЕЛ — СОБСТВЕННОСТЬ
РЭТТЛСНЕЙК-ТРЕЙЛЕР-ПАРКА. НЕ ПОДХОДИТЬ! ТЕРРИТОРИЯ
ПАТРУЛИРУЕТСЯ ПОЛИЦИЕЙ.***

За трейлерным парком виднелся длинный армейский ангар с ржавыми стенами и крышей. Надпись на торце гласила: «БЕЗНАДЕГСКАЯ ГОРНОРУДНАЯ КОМПАНИЯ». На потрескавшемся асфальте стояло около дюжины легковушек и пикапов. Чуть позже «каприс» проехал мимо кафе «Роза пустыни».

Теперь они находились на территории города Безнадеги, штат Невада, который состоял из двух улиц, пересекающихся под прямым углом (над перекрестком висел светофор, посылающий на все четыре стороны мигающие желтые сигналы), и двух деловых кварталов. Кафе и казино «Клуб сов», бакалейный магазин, прачечная-автомат, бар с надписью на витрине: «К ВАШИМ УСЛУГАМ ИГРОВЫЕ АВТОМАТЫ», скобяной и продуктовый магазины, кинотеатр «Американский Запад». Ни один из магазинов не мог похвастаться наплывом покупателей, а кинотеатр, похоже, давным-давно закрылся. Во всяком случае, афиши на нем отсутствовали.

На другой улице, протянувшейся с запада на восток (или с востока на запад), стояли те же оштукатуренные дома и трейлеры. За исключением патрульной машины и перекасти-поля ничего движущегося Питер в городе не обнаружил.

Я бы тоже поспешил убратъся с улицы, чтобы не встречаться с этим парнем, подумал Питер. *Обязательно убрался бы.*

За городом им открылся кольцевой вал высотой никак не меньше трехсот футов, на который серпантинном плавно поднималась усыпанная щебенкой дорога шириной в четыре полосы. Во многих местах вал прорезали глубокие траншеи. *Словно морщины на старой коже,* подумал Питер. Неподалеку от траншей сгрудились грузовики, в сравнении с валом казавшиеся прямо-таки детскими игрушками. Стояли они около какого-то длинного сооружения, построенного над транспортером.

Тут коп вновь заговорил, впервые после того, как сообщил им, что в голове у него полно дырок.

— Карьер Рэттлснейк номер два. Известен также под названием Китайская шахта. — Патрульный был похож на гида, любящего свою работу. — Номер два открыли в пятьдесят первом году, а с шестьдесят второго это был самый большой в Соединенных Штатах, а то и во

всем мире разрез, где медная руда добывалась открытым способом. Потом руда кончилась. Карьер вновь открыли в позапрошлом году. Решили использовать новую технологию, которая позволяла с выгодой извлекать металл из отвалов. Наука, а? Это же надо!

Однако в карьере не наблюдалось никакого движения. Лишь грузовики, замершие, как догадался Питер, у обогатительного комплекса, да пикап на обочине засыпанной щебенкой дороги. Стоял и транспортер.

Коп ехал через центр города. Когда они проезжали под мигающим светофором, Мэри дважды сжала руку Питера. Он проследил за ее взглядом и увидел три велосипеда. Они стояли на седлах посреди улицы, в квартале от перекрестка, и колеса их (Питер отметил, что шины были надуты) неторопливо вращались.

Мэри повернулась к мужу, глаза ее раскрылись еще шире. Теперь уже Питер сжал ее руку.

— Ш-ш-ш.

Коп подал сигнал левого поворота (это было довольно забавно, учитывая то, что транспорт в городе отсутствовал полностью) и свернул на маленькую, недавно заасфальтированную стоянку, с трех сторон окруженную кирпичными стенами. Яркие белые полосы разделяли гладкий, без единой трещины асфальт на аккуратные прямоугольники. На дальней стене висел щит с надписью: «ТОЛЬКО ДЛЯ СОТРУДНИКОВ МУНИЦИПАЛИТЕТА И СЛУЖЕБНЫХ АВТОМОБИЛЕЙ. ПОЖАЛУЙСТА, УВАЖАЙТЕ ЭТУ СТОЯНКУ».

Только в Неваде кто-то может требовать уважения к автостоянке, подумал Питер. В Нью-Йорке надпись звучала бы иначе: «АВТОМОБИЛИ, НЕ ИМЕЮЩИЕ РАЗРЕШЕНИЯ НА СТОЯНКУ, БУДУТ УКРАДЕНЫ, А ИХ ВЛАДЕЛЬЦЫ — СЪЕДЕНЫ».

Машин на стоянке было не больше пяти. На дверце старого ржавого «форда» виднелась надпись: «НАЧАЛЬНИК ПОЖАРНОЙ ОХРАНЫ». Рядом стояла еще одна патрульная машина, она была в лучшей форме, чем «форд» главного городского пожарника, но явно постарше, чем «каприс», в который усадили Питера и Мэри. Патрульный поставил машину в один из белых прямоугольников, выключил двигатель и принялся легонько барабанить пальцами по рулю, что-то насвистывая себе под нос. Питеру мелодия показалась знакомой. Вроде бы «Последний поезд в Кларксвилл».

— Не убивайте нас. — Голос Мэри дрожал. — Делайте что угодно, только не убивайте нас.

— Заткни свою еврейскую пасть, — ответил коп, не поворачивая головы.

— Мы не евреи, — услышал Питер свой голос. Он был не испуганный, а скорее сварливый, злой. — Мы... э... пресвитериане. А с чего вы привязались к этим евреям?

Мэри в ужасе посмотрела на мужа, потом через сетку на копа, пытаясь понять, как тот воспринял слова Питера. Поначалу коп просто сидел, наклонив голову и барабанил пальцами по рулю. Потом схватил шляпу и вылез из машины. Питер чуть подался вперед, чтобы увидеть, как коп будет надевать шляпу. Тень копа по-прежнему оставалась квадратной, но она уже не жалась к его ногам. Питер взглянул на часы. Почти половина третьего. Меньше часа тому назад их с женой волновало только одно: где им остановиться на ночь? А тревожился Питер лишь из-за того, что у него кончились таблетки от изжоги.

Коп наклонился и открыл заднюю левую дверцу:

— Пожалуйста, выходите из машины.

Питер и Мэри с трудом выползли из «каприса» и застыли под ярким солнцем, не сводя

глаз с высокого мужчины в форменной рубашке цвета хаки, перетянутой широким кожаным ремнем, и в шляпе а-ля медвежонок Смоки.

— Сейчас мы обойдем здание муниципалитета. Выходим со стоянки и поворачиваем налево. А по мне, так вы — евреи. У вас большие носы, это верный признак того, что вы из них.

— Патрульный... — начала было Мэри.

— Нет. Идите. На тротуаре повернете налево. Не испытывайте мое терпение.

Они двинулись вперед. Каждый шаг громко отдавался на черном асфальте. Питер продолжал думать о маленьком медвежонке на приборном щитке «каприса». Кто дал его копу? Любимая племянница? Дочь? Патрульный не носил обручального кольца, Питер это заметил, когда наблюдал, как коп барабанит пальцами по рулю, однако отсутствие кольца вовсе не означало, что он не женат. Питера не удивило бы, если бы у женщины, вышедшей замуж за этого человека, возникло желание с ним развестись.

Откуда-то сверху доносилось монотонное поскрипывание. Питер поднял голову и понял, что это скрипит флюгер на крыше бара «Пивная пена». Флюгер изображал улыбающегося гнома с мешком золота под мышкой.

— Налево, тупица, — беззлобно бросил коп. — Ты знаешь, где у тебя лево? Вас, нью-йоркских пресвитериан, учат, где право, а где лево?

Питер повернул налево. Они с Мэри шагали бок о бок, взявшись за руки. Вскоре они подошли к трем каменным ступеням, которые вели к двойным дверям из тонированного стекла. Над ними белела вывеска: «МУНИЦИПАЛИТЕТ БЕЗНАДЕГИ». Ниже, на левой створке двери, перечислялись должностные лица и службы, работавшие в здании: мэр, школьный комитет, пожарная охрана, полиция, отдел здравоохранения, служба социальной защиты, департамент шахт, пробирная палата. А в самом низу имелась такая надпись: «ПО ВСЕМ ВОПРОСАМ ПРИЕМ ПО ПЯТНИЦАМ С ЧАСУ ДНЯ (ПО ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ДОГОВОРЕННОСТИ)».

Коп остановился у ступеньки и с любопытством оглядел Джексон. Хотя температура на улице подбиралась к ста градусам^[6], он даже не вспотел. А сверху доносилось все то же мерное поскрипывание.

— Ты — Питер.

— Да, Питер Джексон. — Питер облизал пересохшие губы.

— А ты — Мэри.

— Совершенно верно.

— Так где же Пол? — добродушно спросил коп. Ржавый гном продолжал со скрипом вращаться на крыше бара.

— Кто? — переспросил Питер. — Я вас не понимаю.

— Как же вы сможете спеть «Пять сотен миль» или «Улетая на реактивном самолете» без Пола^[7]? — спросил коп и открыл правую створку двери. Их окатило волной кондиционированного воздуха. Питер еще успел отметить, какой он прохладный, когда закричала Мэри. Ее глаза быстрее приспособились к сумраку внутри здания, поэтому она раньше мужа увидела девочку лет шести, лежащую на маленькой площадке за дверью, у ведущей вверх лестницы. Две соломенные косички, широко раскрытые невидящие глаза, неестественно вывернутая голова. Питер сразу понял, чья кукла лежала рядом с кемпером, что стоял на обочине со спущенными колесами. Надпись «ЧЕТЫРЕ СЧАСТЛИВЫХ СТРАННИКА», украшавшая кемпер, явно относилась к прошедшему времени. В этом Питер

нисколько не сомневался.

— Господи! — вырвалось у копа. — Совсем про нее забыл! Но вы ведь тоже не в состоянии все упомнить. Как бы ни старались!

Мэри вновь закричала, прижала руки ко рту и попыталась метнуться вниз, подальше от двери.

— Нет, так не пойдет. — Коп поймал ее за плечо и втолкнул внутрь здания, в маленький холл. Мэри отчаянно замахала руками, чтобы устоять на ногах, не упасть на ребенка в джинсах и цветастой рубашечке.

Питер двинулся следом за женой, но коп остановил его обеими руками, дверь он теперь придерживал бедром. Одной рукой коп обнял Питера за плечи. Судя по выражению лица, это был добродушный, дружелюбный человек. Более того, находящийся в здравом уме. Словно ангелы на какой-то момент взяли верх над демонами. Питер уже решил, что в итоге все обойдется, и поначалу даже не осознал, что ему в живот упирается ствол огромного револьвера копа. Питер вдруг вспомнил о своем отце, который в разговоре с ним иной раз тыкал ему в грудь пальцем, дабы до сына лучше дошли родительские наставления вроде, например, такого: «Никто не сможет забеременеть, Пити, если один из вас останется в штанах».

— Мне без разницы, еврей ты или индус. — Коп прижал к себе Питера, еще крепче обнял его левой рукой за плечи, а правой передвинул предохранитель. — В Безднадеге мы не придаем этому никакого значения.

Он нажал на спусковой крючок по меньшей мере три раза. Может, и больше, но Питер Джексон услышал только три выстрела. Приглушенных его животом, но все равно очень громких. Питеру обдало жаром грудь, и он почувствовал, как что-то полилось ему на ноги. Услышал крик Мэри, но тот донесся из далекого далека.

А теперь я проснусь в своей постели, подумал Питер, когда у него подогнулись ноги и мир поплыл перед глазами. *Теперь я...*

На том все и кончилось. В последний момент перед мысленным взором Питера возник медвежонок на приборном щитке, рядом с компасом. Болтающийся на резинке. С нарисованными глазами. Глаза превратились в дыры, из них выплеснулась тьма, и Питер покинул этот мир.

Ральф Карвер ушел на самое дно и не хотел подниматься на поверхность. Он чувствовал, что там его поджидает боль, физическая боль... Похмелье, и, видать, знатное, если голова у него раскалывалась даже во сне. Но было что-то еще. Что-то связанное с

(Кирстен)

и сегодняшним утром. Что-то связанное с

(Кирстен)

и их отпуском. Видно, он налился в стельку, думал Ральф, Элли, естественно, спустила на него всех собак, но все равно непонятно, почему так муторно на душе...

Крик. Кто-то кричал. Но далеко.

Ральф попытался уйти еще глубже, зарыться в ил, но тут чьи-то руки схватили его за плечо и начали трясти. Каждое встряхивание отдавалось в его бедной похмельной голове чудовищным приступом боли.

— Ральф! Ральф, очнись! Ты должен очнуться!

Его трясла Элли. Он опаздывает на работу? Как он может опаздывать на работу? Он же в отпуске.

Затем загремели выстрелы, отвратительно громкие, пронизывающие окружающую его тьму, словно яркие лучи света. Три, а после паузы еще один.

Ральф рывком сел, не понимая, где он находится и что происходит, зная только, что его голова ужасно болит и раздулась до невероятных размеров. Что-то липкое, то ли джем, то ли кленовый сироп, заливало одну щеку. Эллен смотрела на него, один ее глаз был широко раскрыт, а второй буквально исчез под огромным «фонарем».

Крики. Где-то. Женщина. Внизу. Может...

Ральф попытался встать, но колени не желали выпрямляться. Он упал с кровати, на которой сидел (только это была не кровать, а койка), на руки и на те же колени. Вновь боль пронзила голову, да такая, что на мгновение Ральф подумал, будто она сейчас расколется, как куриное яйцо. Потом он посмотрел на свои руки, посмотрел сквозь упавшие на глаза волосы. Руки обе были в крови, но левая куда краснее правой. Глядя на них, он внезапно все вспомнил

(Кирстен о Господи Элли держи ее)

И закричал сам, закричал, глядя на свои окровавленные руки, закричал, потому что память услужливо подсказала ему то, о чем он пытался забыть, уйдя на дно. Кирстен упала с лестницы...

Нет. Ее толкнули.

Этот безумец, который привез их сюда, толкнул с лестницы его семилетнюю дочь. Элли бросилась за ней, но этот ненормальный ублюдок ударом кулака сбил ее с ног. Однако Элли просто упала на ступени, а Кирстен полетела вниз, широко раскрыв изумленные глаза. Она даже не поняла, что происходит, подумал Ральф. Он верил, отчаянно хотел верить, что все произошло слишком быстро и девочка ничего не почувствовала. Кирстен ударилась о лестницу, ее ноги сначала оказались выше головы, потом ниже, и тут раздался этот ужасный звук, словно ветвь сломалась под тяжестью налипшего на нее снега, и все в Кирстен разом

переменилось, Ральф это увидел до того, как она застыла у нижней ступеньки. На пол упала уже не маленькая девочка, а кукла с головой, набитой соломой.

Не думай об этом, не думай, не смей думать.

Да только он не мог. Как она падала... как застыла со свернутой набок головой.

Ральф видел: на его левую руку капает свежая кровь. Вероятно, что-то произошло с его головой. Но что? Коп ударил и его? Может, и ударил, но чем? Рукояткой своего чудовищного револьвера? Возможно, но этого Ральф не помнил. Помнил сальто, которое проделала его девочка, помнил, как она скользила по ступеням, как застыла на полу с неестественно вывернутой головой, и здесь его воспоминания обрывались. Господи, разве этого мало?

— Ральф! — Элли, тяжело дыша, дергала его за рукав. — Ральф, встань! Пожалуйста, встань!

— Папа! Папа, давай! — Голос Дэвида, но доносится издалека. — Мама, он очнулся? У него опять течет кровь, да?

— Нет... нет, он...

— Да, течет, я вижу отсюда. Папа, с тобой все в порядке?

— Да. — Ральф оперся на кушетку и невероятным усилием воли заставил себя подняться. Левый глаз заливала кровь. Веко словно долго держали в гипсовом растворе. Он хотел протереть глаз левой рукой и скривился от боли: над глазом кожи не осталось, сплошная рана. Ральф попытался повернуться на голос сына. Его качнуло. Словно он на яхте, а в борт ударила большая волна. Элли успела его поддержать, помогла шагнуть вперед.

— Она мертва, да? — Сиплый голос едва вырывался из горла, забитого кровью. Ральф не мог поверить тем словам, которые произносили его губы, но глубоко в душе понимал, что со временем поверит. И это ужасало его больше всего. То, что он поверит. — Кирстен мертва?

— Я думаю, да. — Теперь уже качнуло Элли. — Возьмись за прутья, Ральф. Ты свалишь меня.

Они находились в тюремной камере. В шаге от себя Ральф видел решетчатую дверь. Прутья выкрасили в белый цвет, но не слишком аккуратно, в некоторых местах краска застыла потеками. Ральф шагнул вперед и схватился за прутья. Сквозь решетку он видел письменный стол, стоящий посреди квадрата пола, словно единственная сценическая декорация в минималистской пьесе. На столе лежали какие-то бумаги, двустволка, россыпь патронов. Старомодное деревянное кресло на роликах вдвинуто между тумбами. На сиденье выцветшая синяя подушка. Ральф поднял голову. Под потолком лампа, забранная сеткой. Внутри мертвая мошкара.

Камеры располагались по трем стенам этого помещения. Одна большая, посередине, вероятно, предназначенная для пьяниц, пустовала. Ральф и Элли Карвер сидели в камере поменьше. Вторая такая же небольшая камера справа от них также пустовала. Две камеры тех же размеров были расположены у стены напротив. В одной находился Дэвид, одиннадцатилетний сын Карверов, и мужчина с седыми волосами. Только эти волосы Ральф и видел, потому что мужчина сидел на койке, низко опустив голову. Когда внизу вновь закричала женщина, седовласый даже не шевельнулся, а Дэвид повернул голову к четвертой стене с открытой дверью, ведущей на лестницу, уходящую вниз.

(Кирстен, падающая Кирстен, звук ломающейся шеи)

Элли встала рядом с мужем, обняла его за талию. Ральф рискнул отцепить одну руку от прутьев, нашел руку жены и сжал ее.

Теперь с лестницы доносились шаги и звуки борьбы. К ним тащили женщину, но она рвалась назад.

— Мы должны ему помочь! — кричала она. — Мы должны помочь Питеру! Мы...

Крик оборвался, как только ее с силой втолкнули в комнату. Женщина в вылинявших джинсах и синей футболке влетела в нее с такой скоростью, что, ударившись бедром об стол, сдвинула его с места. И тут вдруг яростно заорал Дэвид. Ральф и не подозревал, что его сын может так кричать.

— Ружье, леди! — вопил Дэвид. — Возьмите ружье, застрелите, застрелите его, леди, застрелите!

Седой мужчина наконец-то вскинул голову. Лицо его было старым, темным от загара, под глазами тяжелые мешки.

— Возьмите ружье! — прохрипел мужчина. — Ради Бога, возьмите!

Женщина в джинсах и футболке посмотрела на мальчика, потом обернулась к двери, за которой слышались тяжелые шаги.

— Возьмите! — ворвался в уши Ральфа крик стоявшей рядом Элли. — Он убил нашу дочь, он убьет нас всех, возьмите!

Женщина в джинсах и футболке схватила ружье.

2

А как хорошо все шло до Невады.

Четыре счастливых странника стартовали в Огайо, держа курс на озеро Тахо. Там Элли Карвер и дети намеревались десять дней плавать, ездить по округе, осматривая достопримечательности и давая таким образом возможность Ральфу вдоволь поиграть в казино. В Неваду они выезжали в четвертый раз и второй раз — на озеро Тахо. Ральф всегда придерживался железного правила: прекращать игру, если проигрыш составит тысячу долларов или выигрыш — десять тысяч. В трех предыдущих поездках он ни разу не добрался до установленных им самим рубежей. В первой поездке его проигрыш составил пятьсот долларов, во второй — восемьсот, зато в прошлом году он увез в Колумбус более трех тысяч долларов. Поэтому на обратном пути они останавливались в «хилтонах» и «шератонах», вместо того чтобы спать в кемпере в трейлерных парках, и старшие Карверы трахались каждую ночь. Ральф полагал, что это неплохое достижение для тех, кому под сорок.

— Ты, наверное, устала от казино, — предположил он в феврале, когда они с женой заговорили о предстоящем отпуске. — Может, на этот раз поедem в Калифорнию? Или в Мексику?

— Если мы там что и найдем, так это дизентерию, — ответила тогда Элли. — Невелика радость — смотреть на Тихий океан между пробежками в casa de роороо^[8], или как они его там называют.

— А что ты скажешь насчет Техаса? Детям будет интересно взглянуть на Аламо^[9].

— Слишком жарко, слишком исторично. А вот на озере Тахо прохладно даже в июле. И если ты не будешь просить у меня денег, когда кончатся твои...

— Ты же знаешь, что я никогда себе такого не позволяю, — возмущенно ответил Ральф. И действительно не позволял. Разговор этот происходил на кухне их дома в Уэнтурте, неподалеку от Колумбуса, за столом, заваленным красочными буклетами с описанием

различных маршрутов. Тогда они и не подозревали, что игра уже началась и первым проигрышем станет их дочь. — Я говорил тебе...

— Что ты бросишь играть, как только почувствуешь привыкание, — закончила за мужа Эллен. — Я знаю, помню, верю. Тебе нравится Тахо, мне нравится Тахо, детям нравится Тахо. Так что поедem на озеро Тахо.

В итоге они забронировали номера в гостинице и еще сегодня (неужели сегодня еще продолжалось?) ехали по федеральному шоссе 50, самому пустынному шоссе Америки, держа путь на запад, к горам. Кирстен играла с Мелиссой Дорогушей, своей любимой куклой, Эллен спала, Дэвид сидел рядом с Ральфом и смотрел в окно, уперевшись локтем в колено и положив подбородок на кулак. Чуть раньше он читал Библию, подаренную ему новым приятелем, пастором (Ральф очень надеялся, что преподобный Мартин не гомик. Конечно, он женат, однако это еще ни о чем не говорит), но теперь она лежала на боковой полочке, с закладкой на той странице, которую не дочитал мальчик. Ральфу хотелось спросить у сына, что тот думает о прочитанном, но он знал: с тем же успехом можно спрашивать у столба, что тот думает. Дэвид (в крайнем случае Дэви, но никак не Дэйв) был мальчиком странным, непохожим на родителей. Да и на сестру тоже. Его неожиданный интерес к религии («путешествие Дэвида за Богом», как говорила Эллен) укладывался в череду этих странностей. Однако Дэвид не упрекал отца за то, что тот любит азартные игры, может иной раз выругаться и не бреется по уик-эндам, и это вполне устраивало Ральфа. Сына он любил, а странности предпочитал оставлять без внимания, полагая, что с годами все образуется.

Ральф уже открыл рот, чтобы спросить Дэвида, не хочет ли тот поиграть в «Двадцать вопросов» (после того как утром они миновали Эли, смотреть было не на что, и Ральфа мучила скука), когда вдруг почувствовал, что кемпер повело в сторону и в мерное шуршание шин по асфальту вкрался какой-то хлопающий звук.

— Папа? — В голосе Дэвида звучала озабоченность, но не паника. — Что-то не так?

— Разберемся. — Ральф нажал на педаль тормоза. — Похоже, возникли сложности.

Теперь, стоя у решетки и глядя на ошеломленную женщину в синей футболке, возможно, единственную их надежду на спасение от этого кошмара, он думал: *Я-то имел в виду спущенное колесо и понятия не имел, с чем нам придется столкнуться.*

Крик причинял ему боль, но Ральф закричал, не отдавая себе отчета, насколько схожи их с сыном интонации:

— *Застрелите его, леди! Застрелите его!*

3

Как говорила потом Мэри Джексон, никогда раньше не державшая в руках ни пистолета, ни винтовки, схватиться за ружье ее заставила фраза здоровяка копа: *Я намереваюсь вас убить*, вставленная им в предупреждение Миранды^[10].

И он говорил на полном серьезе. Именно так.

Мэри резко повернулась. Светловолосый коп-здоровяк стоял на пороге, глядя на нее ярко-серыми пустыми глазами.

— Застрелите его, леди, застрелите его! — закричал мужчина из камеры справа от Мэри. Он стоял рядом с женщиной, у которой полностью заплыл один глаз. А у самого мужчины левую часть головы покрывала корка запекшейся крови.

Коп бросился к ней, сапоги его грохотали по деревянному полу. Мэри подалась назад, к решетке большой камеры, что находилась напротив двери, взвела оба курка и приставила приклад к плечу. Она не собиралась предупреждать его. Коп хладнокровно пристрелил ее мужа, и она не собиралась предупреждать его о том, что будет стрелять, если он приблизится к ней.

Ральф тормозил и при этом легонько поворачивал руль вправо-влево. Он чувствовал, что кемпер тянет в сторону. Ему говорили, что есть только один способ удержать кемпер на дороге, если спустило колесо: вести его зигзагом. Хотя у Ральфа сложилось ощущение, что они лишились не одного колеса.

В зеркало заднего обзора Ральф взглянул на Кирстен, которая перестала играть с Мелиссой Дорогушей и теперь прижимала куклу к груди. Кирсти знала: что-то случилось, только не могла понять, что именно.

— Кирстен, сядь! — крикнул он. — Пристегнись!

Только к тому времени опасность миновала. Ральф сумел сбросить скорость до нуля, свернул на обочину, выключил двигатель и вытер пот со лба тыльной стороной ладони. Он похвалил себя за то, что неплохо справился с трудной задачей. Даже вазочка с цветами, что стояла на столике, и та не упала. Элли и Кирсти собрали эти цветы рано утром неподалеку от мотеля, пока они с Дэвидом грузили вещи и рассчитывались за ночлег.

— Ты прекрасный водитель, папа, — похвалил его Дэвид.

Эллен уже сидела, оглядываясь по сторонам.

— Зачем мы остановились, Ральф? И почему нас так трясло?

— Мы... — Он не договорил, уставившись в боковое зеркало. Сзади их настигала патрульная машина с включенной мигалкой. Визжа тормозами, машина остановилась в сотне ярдов, и из нее вылез коп невероятных размеров. Таких великанов Ральфу еще не доводилось встречать. Увидев, как коп выхватил револьвер, Ральф почувствовал, что у него учащенно забилося сердце.

Коп повернулся направо, потом налево, держа револьвер на высоте плеча и нацелившись стволом в безоблачное небо. Затем медленно сделал полный поворот на триста шестьдесят градусов и, вновь оказавшись лицом к кемперу, посмотрел прямо в боковое зеркало, словно хотел встретиться взглядом с Ральфом. Коп поднял обе руки над головой, резко опустил их, вновь поднял и снова опустил. Эта пантомима трактовалась однозначно — *оставайтесь в салоне, оставайтесь там, где сейчас находитесь*.

— Элли, закрой заднюю дверцу. — Ральф нажал кнопку на своей дверце, блокируя замок. Дэвид, который не спускал глаз с отца, проделал то же самое со своей дверцей.

— Что? — Эллен вопросительно посмотрела на мужа. — Что происходит?

— Не знаю, но позади нас коп, и он очень встревожен.

Коп наклонился и что-то поднял с асфальта. Вроде бы длинную полосу сетки, на которой в солнечном свете вспыхивали отдельные точки, словно блески на вечернем платье. Коп потащил сетку к патрульной машине, подозрительно оглядываясь по сторонам и держа револьвер наготове.

Эллен заперла заднюю и боковую дверцы салона и подошла к мужу:

— Что происходит?

— Говорю тебе, не знаю. Но то, что я вижу, мне определенно не нравится. — Он указал на боковое зеркало.

Эллен наклонилась, упершись руками в колени, и вместе с Ральфом наблюдала, как коп бросил сетку на переднее сиденье, захлопнул дверцу и боком, спиной к машине, держа револьвер перед собой обеими руками, двинулся к дверце водителя.

Кирстен подбежала сзади и начала тыкать Мелиссой Дорогушей в отставленные ягодицы матери.

— Попка, попка, попка, — пропела девочка. — Мы любим большую мамину попку.

— Перестань, Кирсти.

Обычно Кирстен выполняла любое указание со второго или с третьего раза, но тут интонации материнского голоса заставили ее сразу же утомиться. Девочка повернулась к брату, который не отрывался от своего зеркала, подошла к нему и попыталась взобраться на колени. Дэвид мягко, но решительно поставил ее на ноги.

— Не сейчас, Пирожок.

— А в чем дело? Что там у вас стряслось?

— Ничего не стряслось. — Дэвид смотрел в зеркало.

Коп забрался в патрульную машину и двинулся к кемперу. Вылез, держа револьвер в руке, правда направив дуло в асфальт. Посмотрел направо, налево, потом подошел к окну Ральфа. В кемпере водитель сидит гораздо выше, чем в легковом автомобиле, но коп-гигант (ростом шесть футов семь дюймов) все равно смотрел на Ральфа сверху вниз.

Коп крутанул свободной рукой. Ральф наполовину опустил стекло.

— Что случилось, патрульный?

— Сколько вас?

— Какое...

— *Сэр, сколько вас?*

— Четверо. — Вот тут в сердце Ральфа закрался страх. — Моя жена, двое детей и я. У нас спустило колесо...

— Нет, сэр, у вас спустили все колеса. Вы проехали по дорожному ковру.

— Я не...

— Это полоса проволоки, утыканная сотнями острых штырей. Мы используем такие штуковины, чтобы остановить любителей быстрой езды... У них сразу пропадает желание жать на акселератор.

— Как эта сетка могла оказаться на дороге? — негодуя спросила Эллен.

— Я открою заднюю дверцу моей машины, ту, что рядом с кемпером. Когда вы увидите, что она открыта, я хочу, чтобы вы покинули ваш автомобиль и перебрались в мою машину. Быстро.

Коп чуть приподнялся, увидел Кирстен, которая держалась за ногу матери, и улыбнулся девочке:

— Привет, кроха.

Кирстен улыбнулась в ответ.

Коп перевел взгляд на Дэвида и кивнул мальчику.

— Кого вы опасаетесь, сэр? — спросил Дэвид.

— Плохого человека, — ответил коп. — Это все, что вам сейчас надо знать, сынок. Очень плохого человека. *Тэк!*

— Патрульный... — начал было Ральф.

— Сэр, позвольте заметить, что у меня такое ощущение, будто я мишень в тире. Речь идет об опасном преступнике, он умеет обращаться с винтовкой, а этот кусок дорожного ковра указывает на то, что он где-то неподалеку. Сложившуюся ситуацию мы сможем обсудить позже, вы меня понимаете?

Тэк? Что бы это значило? Имя преступника?

— Да, но...

— Вы первый, сэр. Девочку возьмите на руки. Потом мальчик. Ваша жена — последняя. Будет тесновато, но вы все уместитесь на заднем сиденье.

Ральф отцепил ремень безопасности и встал.

— Куда мы поедем?

— В Безнадегу. Это горняцкий городок примерно в восьми милях отсюда.

Ральф кивнул, поднял стекло и подхватил Кирстен на руки. Она смотрела на него испуганными глазами. Чувствовалось, что девочка готова расплакаться.

— Папа, это мистер Большой Теневик? — спросила она.

Весть о существовании чудища, звали которое мистер Большой Теневик, Кирстен принесла из школы. Ральф так и не узнал, кто рассказал его впечатлительной семилетней дочери о таинственном обитателе шкафов и темных коридоров, но если бы он его нашел (почему Ральф предположил, что это именно мальчик, однако кто еще мог рассказывать о чудищах на залитом солнцем школьном дворе?), то без сожаления задушил бы. Потребовалось два месяца, чтобы Кирстен более или менее успокоилась и перестала бояться, что за ней придет мистер Большой Теневик. И вот на тебе.

— Нет, нет, не мистер Большой Теневик, — поспешил успокоить ее Ральф. — Скорее почтальон, который встал с левой ноги.

— Папа, но ведь это ты работаешь на почте, — напомнила ему девочка, когда он уже нес ее к двери салона кемпера.

— Да. — Он обратил внимание, что Элли поставила Дэвида перед собой, положив руки ему на плечи. — Это шутка.

— Как постучать и не войти?

— Вот-вот.

Через окно Ральф увидел, что коп уже открыл заднюю дверцу патрульной машины. Он также отметил, что открытая дверь салона кемпера перекроет зазор между его бортом и дверцей патрульной машины, создав как бы защитную стену. Оно и к лучшему, подумал Ральф. Конечно, к лучшему. Если только этот тип не целится в нас сзади. Святой Боже, ну почему мы не поехали в Атлантик-Сити^[11]?

— Папа? — заговорил Дэвид, его умный, но несколько странноватый сын, который прошлой осенью, после случившегося с его другом Брайеном, начал ходить в церковь. Не в воскресную школу, не на молодежные четверги, просто в церковь. А по воскресеньям еще и в дом пастора, чтобы поговорить со своим новым другом. По словам Дэвида, они только разговаривали, а после случившегося с Брайеном Ральф полагал, что мальчику необходим компетентный собеседник. Он лишь хотел, чтобы со своими вопросами Дэвид обращался к матери или к нему, а не к постороннему человеку, пусть и пастору, пусть и женатому, но который все-таки... — Папа? С тобой все в порядке?

— Да, конечно.

Ральф не был уверен, что это на самом деле так, он не очень-то понимал, зачем они все это проделывают, но разве можно ответить иначе своему ребенку? Если бы у самолета, в

котором они летели бы с Дэвидом, отказали двигатели, подумал Ральф, он бы обнял мальчика за плечи и сказал, что по пути вниз все будет в порядке.

Ральф открыл дверь, и она ударилась о дверцу патрульной машины.

— Быстро, быстро. — Коп нервно оглядывался. — Не будем терять времени.

Ральф осторожно спустился по ступеням. Кирстен сидела у него на согнутой левой руке. Только он ступил на землю, как она уронила куклу.

— Мелисса! — закричала Кирстен. — Я уронила Мелиссу Дорогушу. Подними ее, папочка!

— Нет, в машину, в машину! — гаркнул коп. — Я сам подниму куклу!

Ральф скользнул в кабину, правой рукой пригнув голову Кирстен, чтобы та не ударилась. За ними последовал Дэвид, потом Эллен. На полу у окна лежали какие-то бумаги. Едва Эллен убрала правую ногу, как коп захлопнул дверцу и побежал вокруг патрульной машины.

— Лисса! — истерически завопила Кирстен. — Он забыл про Лиссу.

Эллен потянулась было к ручке, чтобы открыть дверцу и подобрать Мелиссу Дорогушу. Даже этот псих с винтовкой не стал бы в нее стрелять, увидев, что она хочет поднять с земли куклу. Однако ручка отсутствовала.

Водительская дверца открылась, коп прыгнул на сиденье, спинка вдавилась в колени Ральфа. К счастью, ноги Кирстен находились между его ног. Но девочка не могла усидеть на месте, вертелась, тянулась руками к матери.

— Моя кукла, мамочка, моя кукла! Мелисса!

— Нет времени, — бросил коп. — Не могу. Тэк.

Он развернулся, зацепив обочину, и помчался на восток, оставив за собой шлейф пыли. Задние колеса чуть занесло, но коп выровнял машину. Только тут Ральф понял, как быстро все произошло. Еще десять минут тому назад они ехали в своем кемпере в противоположную сторону. Ральф как раз собирался предложить Дэвиду сыграть в «Двадцать вопросов», не потому, что ему этого очень хотелось, а от скуки.

Зато теперь ему было совсем не скучно!

— Мелисса До-о-о-орогуша! — завизжала Кирстен, а потом расплакалась.

— Успокойся, Пирожок, — повернулся к ней Дэвид. Так он ласково называл свою младшую сестренку. Откуда взялось это прозвище, никто не знал. Эллен думала, что Дэвид так укоротил Сладкий Пирожок, но, когда как-то вечером она спросила об этом мальчика, тот лишь пожал плечами и улыбнулся:

— Нет, просто Пирожок. Пирожок, и все.

— Но Лисса вся испачкалась. — Кирстен подняла на брата мокрые от слез глаза.

— Мы вернемся, заберем ее и почистим, — успокоил ее Дэвид.

— Обещаешь?

— Конечно. Я даже помогу тебе вымыть ей волосы.

— Моим любимым шампунем?

— Конечно. — И он чмокнул ее в щечку.

— А если придет плохой дядька? — спросила Кирстен. — Такой же плохой, как мистер Большой Теневик? Если он утащит Мелиссу Дорогушу?

Дэвид прикрыл рот рукой, чтобы скрыть улыбку.

— Не придет. — Мальчик посмотрел в зеркало заднего обзора, пытаясь поймать взгляд копа. — Не придет?

— Нет, — ответил коп. — Человек, которого мы ищем, не таскает кукол. — Ровный, бесстрастный, деловой голос.

Подъезжая к указателю поворота на Безнадегу, коп притормозил, а поворачивая, прибавил скорость. Ральфа бросило на дверцу. Он уже испугался, что машина перевернется, но нет, коп знал, что делает. Теперь они мчались на юг, и впереди вырастал гигантский вал, кое-где прорезанный траншеями, похожими на шрамы.

— Так кто он? — спросила Эллен. — Кто этот тип? И каким образом к нему попала эта штука? Не помню, как она называется.

— Дорожный ковер, мама, — ответил ей Дэвид. Он водил пальцем по сетке, разделявшей переднее и заднее сиденья. Задумчивый, озабоченный, без тени улыбки.

— Таким же образом, как и оружие, из которого он стреляет, и машина, на которой он ездит, — ответил водитель. Они как раз проскочили Рэттлснейк-трейлер-парк, а затем здание Безнадегской горнорудной компании. Впереди, над перекрестком, мигал желтый светофор. — Он коп. И вот что я вам скажу, Карверы: иметь дело с чокнутым копом — удовольствие маленькое.

— Откуда вам известна наша фамилия? — поинтересовался Дэвид. — Вы же не спрашивали у моего отца водительское удостоверение. Так откуда вы знаете нашу фамилию?

— Прочитал, когда твой отец открыл дверь. — Коп взглянул в зеркало заднего обзора. — На маленькой табличке над столом. «ГОСПОДИ, БЛАГОСЛОВИ НАШ ДОМ НА КОЛЕСАХ. КАРВЕРЫ!». Умно!

Что-то в словах копа обеспокоило Ральфа, но в тот момент он не придавал этому особого значения. Страх его продолжал расти с того самого момента, как коп с необычайной легкостью выдернул их из дома на колесах, а теперь вез неизвестно куда. *Странный страх*, подумал Ральф, *какой-то сухой (ладони-то не вспотели), но страх*.

— Коп, — неожиданно для себя вслух произнес Ральф, думая о фильме, который как-то в субботу взял напрокат в соседнем видеосалоне. Не так уж и давно. «Коп-Маньяк» — так он назывался. На футляре поверх названия шла рекламная надпись: «ВЫ ИМЕЕТЕ ПРАВО ЗАМОЛЧАТЬ. НАВСЕГДА». Забавно, какие глупые мысли иной раз лезут в голову. Только сейчас Ральф не находил в этом ничего забавного.

— Коп, правильно, — ответил коп. По голосу чувствовалось, что он улыбается.

Неужели? — спросил себя Ральф. *И как же звучит улыбка?*

Он ощущал, что Эллен смотрит на него, но не решался встретиться с ней взглядом. Не знал, что они смогут прочесть в глазах друг друга, а выяснять это ему не хотелось.

Коп, однако, улыбался. В этом у Ральфа сомнений не было.

Но почему? Что забавного в вырвавшемся из-под контроля копе-маньяке, или в шести проколотых колесах, или в семье из четырех человек, зажатой на заднем сиденье патрульной машины, на дверцах которой отсутствуют ручки, или в любимой кукле моей дочери, оставшейся лежать в пыли в восьми милях отсюда? Что мог найти в этом забавного остановивший их полицейский?

Ральф не знал. А по голосу копа чувствовалось, что тот улыбается.

— Вы ведь сказали, этот тип служит в дорожной полиции? — спросил Ральф, когда они проезжали под светофором.

— Посмотри, мамочка! — внезапно воскликнула Кирстен, на какое-то время позабывшая о Мелиссе Дорогуше. — Велосипеды! Велосипеды на улице, и они стоят на головах! Вон там. Смешно, правда?

— Да, моя сладкая, я их вижу, — ответила Эллен. Похоже, стоящие на седлах велосипеды не вызвали у нее такого же приступа веселья, как у дочери.

— В дорожной полиции? Я этого не говорил. — По голосу вновь чувствовалось, что здоровяк за рулем улыбается. — Он городской коп.

— Правда? А сколько же копов в этом маленьком городке?

— Было еще два, — улыбка в голосе стала еще очевиднее, — но я их убил.

Он повернул голову, и Ральф увидел, что коп вовсе не улыбается. Он *ухмыляется*. Во все тридцать два зуба. Ральф отметил, что они у него тоже огромные.

— Теперь к западу от Пекоса^[12] закон — это я.

У Ральфа отвисла челюсть. А коп все ухмылялся и вел машину, повернувшись затылком к лобовому стеклу. Так, не оборачиваясь, он плавно затормозил у муниципалитета Безнадеги.

— Карверы, — со значением произнес он, продолжая ухмыляться, — добро пожаловать в Безнадегу.

5

Часом позже коп бежал к женщине в джинсах и футболке, грохоча по деревянному полу ковбойскими сапогами, ухмылка уже исчезла, и Ральф почувствовал, как его охватывает дикая радость. Коп настигал женщину, но той удалось — просто повезло, едва ли она сделала это сознательно — оказаться по другую сторону стола, выиграв тем самым драгоценные секунды. Ральф видел, как она взвела курки двустволки, лежавшей на столе, как поднесла приклад к плечу в тот самый момент, когда ее спина уперлась в прутья решетки самой большой в комнате камеры, как ее палец лег на спусковые крючки.

Коп-здоровяк торопился, но ничто не могло его спасти.

Застрелите его, леди, мысленно молил женщину Ральф. *Не для того, чтобы спасти нас, а потому, что он убил нашу дочь. Разнесите в клочья его гребаную башку.*

За мгновение до того, как Мэри нажала на спусковые крючки, коп упал на колени перед столом, низко наклонив голову, словно собрался молиться. Двойной выстрел в замкнутом помещении прогремел громче грома. Пламя вырвалось из обоих стволов. Ральф услышал, как торжествующе закричала его жена. Но она поторопилась. Шляпу а-ля медвежонок Смоки снесло с головы копа, однако сам он остался невредим. Ружье было заряжено крупной дробью, для охоты на дичь, а не на птицу. Дробины вонзились в стену, по пути превратив шляпу в решето. Если б они попали копу в живот, его разорвало бы пополам. От осознания этого Ральфу стало еще горше.

Коп-здоровяк навалился на стол и с силой толкнул его к камере, предназначавшейся, как решил Ральф, для пьяниц. К камере и женщине, прижавшейся к решетке. Толкнул вместе с креслом, вдвинутым между тумбами. Спинку кресла мотало из стороны в сторону, ролики скрипели. Женщина попыталась загородиться ружьем, но не успела. Спинка врезалась ей в бедра, живот, вдавив ее в решетку. Женщина вскрикнула от боли.

Коп-здоровяк раскинул руки, словно Самсон, готовящийся сокрушить храм, и с двух сторон ухватился за крышку стола. Хотя от грохота ружейных выстрелов у Ральфа еще звенело в ушах, он услышал, как у копа под мышками треснули швы форменной рубашки цвета хаки. Коп оттащил стол назад.

— Брось его! — рывкнул он. — Брось ружье, Мэри!

Женщина оттолкнула от себя кресло, подняла ружье и вновь взвела курки. Она

всхлипывала от боли и напряжения. Ральф увидел, как Элли зажала уши, когда палец черноволосой женщины вновь лег на спусковые крючки. Но на этот раз раздался лишь сухой щелчок. От разочарования у Ральфа перехватило дыхание. Он знал, что женщина держит в руках не помповик и не автоматическую винтовку, но почему-то надеялся, что ружье выстрелит, был абсолютно уверен, что оно должно выстрелить, что Господь Бог перезарядит его, явив им чудо.

Коп второй раз двинул стол к камере. Если бы не кресло, Ральф это видел, женщина смогла бы нырнуть между тумбами. Но кресло вновь врезалось ей в живот, заставив согнуться пополам.

— Брось его, Мэри, брось! — вопил коп.

Но женщина не выпускала из рук ружья. Когда коп вновь оттащил стол (*Почему он просто не бросится на нее*, подумал Ральф. *Он же знает, что это чертово ружье не заряжено*), патроны уже рассыпались по полу, и женщина перехватила ружье за стволы. Потом наклонилась вперед и опустила его вниз, как дубинку. Коп попытался уклониться от удара, но тяжелый ореховый приклад обрушился на его правую ключицу. Коп ахнул. То ли от боли, то ли от изумления, Ральф не мог понять, но звук этот вызвал восторженный рев в камере Дэвида. Мальчик стоял, вцепившись руками в прутья, с бледным, покрытым потом лицом и сверкающими глазами. Кричал не только он, но и седовласый мужчина.

Коп вновь оттащил стол — видимо, удар по ключице ему не повредил — и вновь толкнул его вперед. Опять спинка кресла впечатала женщину в прутья решетки. Из ее рта вырвался крик.

— Брось ружье! — заорал коп. Его интонации показались Ральфу странными, он было решил, что мерзавцу все-таки досталось, но потом понял: коп просто смеется. — Брось, а не то я размажу тебя по решетке, обещаю тебе, размажу!

Черноволосая женщина, Мэри, вновь замахнулась ружьем, но уже не столь решительно. Футболка с одной стороны вылезла из джинсов, и Ральф увидел на белой коже ярко-красные отметины. А уж на спине, в этом он не сомневался, конфигурация прутьев точно отпечаталась такими же красными полосами.

Мэри несколько мгновений постояла с поднятой двустволкой, затем отбросила ее в сторону. Двустволка заскользила по полу к камере Дэвида. Мальчик впился в нее взглядом.

— Не трогай, сынок, — остановил его седовласый мужчина. — Она разряжена, пусть себе лежит.

Коп искоса глянул на Дэвида и седовласого, затем, широко улыбаясь, посмотрел на женщину, прижавшуюся спиной к решетке. Отодвинув стол, он обошел его и пинком отбросил кресло. Протестующе закрипели ролики, кресло покатилося к пустой камере рядом с Ральфом и Эллен. Коп обнял черноволосую женщину за плечи. Смотрел он на нее чуть ли не с нежностью. Она же ответила ему черным от ненависти взглядом.

— Ты можешь идти? — участливо спросил коп. — Ничего не сломано?

— Какая тебе разница? — выплюнула женщина. — Убей меня, если хочешь, и покончим с этим.

— Убить тебя? Убить? — На лице копа отразилось искреннее изумление человека, который в жизни мухи не обидел. — Я не собираюсь убивать тебя, Мэри! — Он прижал ее к себе, обвел взглядом Ральфа и Эллен, Дэвида и седовласого. — Господи, да нет же! Зачем мне убивать тебя, когда начинается самое интересное.

Мужчине, физиономия которого украшала обложки журналов «Пипл», «Тайм» и «Премьер» (когда он женился на актрисе с изумрудами), который появлялся на первой странице «Нью-Йорк таймс» (когда он стал лауреатом Национальной книжной премии^[13] за роман «Радость») и на развороте «Взгляда изнутри» (когда его арестовали за избивание третьей жены, предшественницы актрисы с изумрудами), захотелось отлить.

Сбросив обороты двигателя, он остановил мотоцикл у самой обочины шоссе 50, ни на дюйм не съехав с асфальта. Хорошо, что шоссе пустынное, поскольку, к примеру, в Большом Бассейне^[14] человеку ни за что не разрешат оставить мотоцикл на дороге, даже если он когда-то трахал самую знаменитую актрису Америки и ходили разговоры о его выдвижении на Нобелевскую премию в области литературы. Но если кто и пытался, то водитель первого же грузовика почитал за честь поддеть мотоцикл бампером, чтобы тот покатился кувырком. А попробуйте поднять семисотфунтовый «харлей-дэвидсон», особенно если вам пятьдесят шесть лет и вы не в лучшей форме. Просто попробуйте.

Я бы не смог, подумал мужчина, глядя на красно-кремовый «харлей-софтейл», городской мотоцикл с превосходными обводами, и вслушиваясь в мерное постукивание двигателя. Из других звуков до его ушей долетали лишь завывание горячего ветра пустыни да скрежет песка по кожаной куртке, купленной в нью-йоркском универмаге «Барни» за тысячу двести долларов.

В этой куртке его собирался заснять гомик-фотограф из журнала «Интервью», если, конечно, такой журнал существовал.

Думаю, эту часть мы опустим, не так ли?

— Я не возражаю, — ответил на незаданный вопрос мужчина, снял шлем, положил его на седло «харлея» и потер щеки, такие же горячие, как ветер, да вдобавок еще и обожженные, подумав при этом, что никогда еще он не испытывал такой усталости и безысходности.

На негнущихся ногах литературный лев спустился с невысокого откоса и отошел на несколько шагов. Его длинные седые волосы падали на плечи и на воротник кожаной куртки, чуть поскрипывали сапоги, также купленные в «Барни». Он посмотрел направо, налево: дорога была пуста. В миле или двух к западу на шоссе что-то стояло, то ли грузовик, то ли кемпер, но, если там и были люди, без бинокля они едва ли смогли бы увидеть, что великий человек справляет малую нужду. А если и увидят, то что такого? В конце концов без этого никто не может обойтись.

Джон Эдуард Маринвилл, которого в «Харперс базар» называли «писателем, каким всегда хотел быть Норман Мейлер», про которого Шелби Фут однажды написал, что он «единственный ныне здравствующий американский писатель масштаба Джона Стейнбека», расстегнул ширинку и вытащил природную самописку. Мочевой пузырь у него чуть ли не лопался, но почти минуту он простоял с сухим крантиком в руке.

Наконец полилась моча, и устилающие землю сухие, пропыленные листья мескитового

деревя заблестели зеленым.

— Восславим Иисуса, спасибо тебе, Господи! — проревел мужчина голосом Джимми Суэггарта. Этот трюк всегда пользовался успехом на вечеринках. Однажды Том Вулф так зашелся смехом, когда он заговорил голосом известного евангелиста, что Джонни даже забеспокоился, не хватит ли удар коллегу по перу. — Вода в пустыне, это ли не чудо! Хеллоу, Джулия!

Он иногда думал, что именно эта его трактовка «аллилуйи», а отнюдь не ненасытная страсть к выпивке, наркотикам и молодым женщинам побудила знаменитую актрису столкнуть его в бассейн во время пресс-конференции в отеле «Бел-Эйр», на которую он явился вдребезги пьяный, а потом отбыть вместе с изумрудами.

Закатываться его звезда начала раньше, но тот инцидент стал отметкой, миновав которую этот закат уже не мог остаться незамеченным широкой общественностью. У него не просто выдался плохой день или плохой год, вся жизнь вошла в черную полосу. Фотография Джонни, вылезающего из бассейна в белом костюме, с широченной пьяной улыбкой на лице, появилась в специальном выпуске «Сомнительные достижения», выпущенном журналом «Эсквайр». Потом о нем неоднократно писал «Спай», журнал, который любил потрясти грязное бельишко бывших кумиров.

Но в тот день, когда Джонни стоял лицом на север и писал, отбрасывая вправо длинную тень, эти мысли жалили его не так больно, как обычно. И уж точно не так, как в Нью-Йорке. Пустыня настраивала на более мажорный лад. Джонни видел себя литературным Элвисом Пресли, состарившимся, потерявшим форму, но все равно участником тусовки, хотя ему давным-давно следовало сидеть дома. А значит, не так уж все и плохо.

Он расставил ноги пошире, чуть наклонился, отпустил пенис и обеими руками начал массировать поясницу. Ему как-то сказали, что благодаря массажу обеспечивается максимальное опорожнение мочевого пузыря. У него сложилось впечатление, что так оно и есть, но Джонни знал, что ему придется еще раз справить малую нужду, прежде чем он прибудет в Остин, который был следующей его остановкой на долгом пути в Калифорнию. Простата у него, конечно, не такая, как раньше. Джонни понимал, что надо бы ее проверить, да и не только ее, но вообще пройти полное обследование всех внутренних органов. Надо бы, но, с другой стороны, кровью он не писает, а кроме того...

Ну хорошо. Он просто боялся, вот что скрывалось за «кроме того». За последние пять лет пострадала не только его литературная репутация, и отказ от «колес» и спиртного несколько не помог, хотя Джонни очень на это надеялся. В определенном смысле стало даже хуже. Джонни познал на себе, чем чревата трезвость: ты помнишь все, чего должен бояться. Он боялся, что доктор, засунув палец в задницу литературного льва, обнаружит не просто увеличение размеров предстательной железы. Он боялся, что доктор найдет простату черной и пораженной раком... как у Френка Заппы^[15]. А если рак не притаился в простате, он может притаиться где-то еще.

Например, в легких, почему нет? Двадцать лет он выкуривал ежедневно по две пачки «Кэмел», потом десять лет — по три пачки «Кэмел лайт», словно «Кэмел лайт» могли чем-то помочь, прочистить бронхи, выгладить трахею, открыть залитые смолой альвеолы. Чушь собачья. Последние десять лет он не курил вовсе, ни обычные сигареты, ни сигареты с пониженным содержанием никотина, но все равно до полудня не мог прокашляться, а иногда и ночью просыпался, зайдясь в кашле.

Или в желудке! Действительно, почему бы нет? Желудок такой мягкий, розовый,

доверчивый, если уж где заводится болезнь, так только там. Джонни вырос в семье мясоедов. Причем бифштекс там предпочитали есть с кровью, ничего парового не признавали. Джонни любил острые соусы и жгучий перец. Он не уважал фрукты и овощные салаты и ел их, лишь когда его донимали запоры. Вот так он питался всю свою гребаную жизнь, не изменил этой привычке и сейчас и собирался и дальше есть только то, что ему нравится, во всяком случае, до того момента, как его упекут в больницу и начнут кормить вкусной и здоровой пищей через пластиковую трубочку.

В мозгу? Возможно. Вполне возможно. Опухоль, а может (вот уж особенно веселая идея), и болезнь Альцгеймера, свойственная глубоким старикам.

В поджелудочной железе? Ну, по крайней мере тут все закончится быстро. Экспресс-обслуживание, без задержки.

Сердечный приступ? Цирроз печени? Инсульт?

Скорее да, чем нет. Логичное предположение.

В многочисленных интервью Джонни выставлял себя человеком, не задумывающимся о смерти, но в душе-то понимал, что все это треп. На самом деле смерть *ужасала* его, и в результате он всю жизнь сдерживал свое воображение, которое постоянно рисовало ему различные варианты с неизбежным финалом. Поздно ночью, не в силах уснуть, он особенно живо представлял себе подкрадывающуюся к нему смерть. Отказываясь пойти к врачу, пройти обследование, не позволяя заглянуть внутрь своего организма, он, разумеется, не возводил преграду перед всеми этими болезнями, что могли точить или, возможно, уже точили его, но, держась подальше от докторов и их дьявольских приборов, Джонни *обретал возможность не знать*. Точно так же можно не иметь дел с призраком, который прячется под кроватью или шныряет по темным углам, если не выключать в спальне свет. И ни один доктор в мире, похоже, не знал, что для таких людей, как Джонни Маринвилл, лучше бояться, чем знать наверняка. Особенно если дверь в твой организм открыта любой болезнью.

Включая СПИД, подумал Джонни, продолжая оглядывать пустыню. Он старался соблюдать осторожность. Во-первых, не трахался так часто, как раньше, сказывался возраст. Во-вторых, последние восемь или десять месяцев действительно был осторожен, поскольку, как только он отказался от спиртного, исчезли провалы в памяти. А годом раньше, до того, как Джонни бросил пить, он пять или шесть раз просыпался рядом с совершенным незнакомцем. Всякий раз Джонни поднимался и шел в ванную, чтобы взглянуть на унитаз. Однажды там плавал презерватив, то есть все обошлось. В других случаях — ничего. Разумеется, он или его дружок (дружок-подружка, так точнее) могли ночью спустить презерватив в канализацию, но где уверенность, что так оно и было? Особенно если ты допилился до провала в памяти. А СПИД...

— Это дерьмо проникает внутрь и *ждет*, — констатировал Джонни и отвернулся от порыва ветра, припорошившего пылью его щеку, шею и болтающийся конец. Последний уже с минуту прекратил делать что-то полезное.

Джонни тряхнул его и убрал в трусы.

— Братья, — обратился он к далеким, дрожащим в мареве горам голосом известного проповедника, — как сказано в Книге ефесян, глава третья, стих девятый, как бы ты ни прыгал и ни скакал, последние две капли падают в штаны. Так написано и так...

Он уже поворачивался, застегивая ширинку и произнося вслух слова главным образом для того, чтобы отогнать очередной приступ плохого настроения (в последнее время эти приступы, словно стервятники, так и вились вокруг него), но вдруг застыл, замолчав на

полуслове.

За его мотоциклом стояла патрульная машина, на крыше которой в ярком солнечном свете лениво перемигивались синие огни.

3

Идею, которая могла стать последним шансом Джонни Маринвилла, подсказала ему его первая жена.

Нет, речь не шла о публикации его очередного опуса, тут проблем не возникало. Он мог продолжать заниматься, чем занимался, пока ему удавалось: а) укладывать слова на бумагу; б) посылать их своему агенту. Достаточно один раз утвердиться в качестве литературного льва, чтобы обязательно нашелся издатель, который с радостью опубликует твои слова, даже если они лишь жалкая тень бывшего или просто полное дерьмо. Джонни именно в этом видел самую отвратительную черту американского литературного сообщества: его члены позволяли тебе болтаться в петле на ветру, медленно задыхаясь, в то время как сами стояли вокруг с коктейлями в руках и хвалили себя за доброту, проявленную к бедному старику.

Нет, Терри дала ему не последний шанс опубликоваться, она подсказала Джонни, каким образом он может создать что-то значительное, оставить после себя еще один след. Написать книгу, которая будет мгновенно исчезать с прилавков... а на что потратить причитающиеся ему денежки, он знал.

Более того, Терри понятия не имела, что натолкнула его на столь блестящую идею, поэтому Джонни мог не упоминать ее на странице, отведенной выражению благодарности, ежели у него не будет на то желания. Но он полагал, что скорее всего упомянет. Трезвость имела немало отрицательных сторон, но она помогала человеку помнить о добрых деяниях других.

На Терри он женился в двадцать пять лет. Ей тогда исполнился двадцать один год, и она училась на первом курсе Вассара^[16]. Колледж Терри так и не закончила. Их семейная жизнь продолжалась почти двадцать лет, Терри родила ему троих детей, все они давно выросли. Один, Бронуин, даже поддерживал с ним отношения. Остальные двое... ну, если они перестанут задирать нос, Джонни готов протянуть им руку. Злопамятностью он никогда не отличался.

И Терри, похоже, это знала. После пяти лет общения исключительно через адвокатов они рискнули вернуться к прямому диалогу, сначала посредством писем, а потом и телефона. Поначалу они вели себя предельно осмотрительно, опасаясь мин, которые могли остаться в руинах города их любви, но с годами стремление к общению окрепло. Терри проявляла постоянный интерес к делам своего бывшего мужа, что не слишком ему нравилось. Но при этом в ее голосе постоянно звучала искренняя доброжелательность, которую Джонни находил успокаивающей. Эдакая холодная рука, лежащая на пылающий лоб.

После того как он бросил пить, их контакты участились, но опять же через посредника, в роли которого выступали письмо или телефон. И Джонни, и Терри, казалось, без слов понимали, что личная встреча может разрушить те хрупкие узы, которые теперь связывали их. Но разговоры на трезвую голову также таили в себе немалую опасность, грозя иной раз перейти в пикировку язвительными фразами. Терри хотела, чтобы Джонни вернулся к «Анонимным алкоголикам»^[17], и заявила ему, что он вновь запьет, если не прислушается к ее

совету. А за спиртным последуют наркотики, как за сумерками приходит ночь.

Джонни ответил, что у него нет желания провести остаток жизни в церковных подвалах, общаясь с бывшими забулдыгами, которые радостно уверяют друг друга, будто сила воли — это прекрасно... а потом разъезжаются на старых развалюхах по своим домам, где их никто не ждет, кроме кошек.

— К «Анонимным алкоголикам» ходят те, кто раздавлен жизнью и не знает, чем себя занять, — говорил ей Джонни. — Поверь мне, я там бывал. Или почитай Джона Чивера. Он написал о них всю правду.

— Джон Чивер нынче много не пишет, — ответила Терри. — Думаю, тебе тоже известно почему.

Терри иногда могла уколоть его, сомневаться в этом не приходилось.

А три месяца тому назад она одарила его этой идеей, промелькнувшей в обычном разговоре, касающемся планов детей на будущее, ее планов и, само собой, его планов. Первые месяцы этого года Джонни убил на двести страниц исторического романа о Джее Гулде^[18]. Наконец он понял, что у него получается (перепевы с Гора Видала), и выбросил все в корзину. Вернее, сварил. Крайне недовольный собой, Джонни положил дискеты в микроволновую печь и на десять минут включил ее на максимальный режим. Вонь пошла невообразимая, и в итоге пришлось выкидывать микроволновку.

Обо всем этом он и рассказал Терри. Закончив свое повествование, Джонни сел в кресло, прижал телефонную трубку к уху и закрыл глаза, ожидая ее очередного совета: правильно, не надо тебе иметь дела с «Анонимными алкоголиками», зато пора поискать хорошего психоаналитика.

Вместо этого Терри сказала, что ему следовало положить дискеты в кастрюльку из керамики или жаростойкого стекла и воспользоваться конвекционной печкой. Джонни знал, Терри шутит, к тому же шутит насчет него, но мысль о том, что она уважает принятое им решение и не видит в нем признаков отрыва от реальности, подействовала успокаивающе, опять же как холодная рука на разгоряченный лоб. Терри, конечно, его не одобряла, но он и не искал одобрения.

— Впрочем, откуда тебе знать, что и для чего нужно на кухне. — Вот тут он громко расхохотался. — И что ты теперь намерен делать, Джонни? Есть какие-нибудь мысли на этот счет?

— Ни одной.

— А может, тебе обратиться к документальной прозе? На какое-то время забыть о романе?

— Это же глупо, Терри. Ты знаешь, что документальных вещей я не пишу.

— Ничего такого я не знаю, — резко ответила она, мол, не дури мне голову. — За первые два года нашей совместной жизни ты написал с дюжину очерков. И опубликовал их. За хорошие деньги. В «Лайфе», «Харперсе», даже парочку в «Нью-Йоркере». Тебе-то забыть легко, не ты ходил по магазинам и оплачивал счета. А тогда твои гонорары пришлились как нельзя кстати.

— А-а. Очерки из так называемого цикла «Сердце Америки». Точно. Я не забыл их, Терри. Просто выбросил из памяти. Они даже не изданы отдельной книгой.

— Потому что ты не разрешил их издать, — уколола его Терри. — Поскольку, по твоему разумению, они не соответствовали тому бессмертному облику, какой должен остаться в памяти потомков.

Джонни предпочел промолчать. Иной раз он просто ненавидел ее память. Сама-то она писать не умела, ее опусы на семинарах, где они и познакомились, не следовало показывать даже преподавателю, если она что и опубликовала, так это письма к редактору, но вот помнила Терри все, до мельчайших подробностей. Тут уж с ней мало кто мог сравниться.

— Ты меня слушаешь, Джонни?

— Слушаю.

— Я безошибочно угадываю, когда тебе не нравится то, что я говорю, так как только в этих случаях ты замолкаешь. Становишься очень уж задумчивым.

— Я тебя слушаю. — И он вновь замолчал, надеясь, что Терри переменит тему. Но она, естественно, не переменила.

— Ты написал три или четыре очерка, потому что кто-то попросил тебя об этом. Не помню, кто...

Чудо, подумал Джонни. Терри чего-то не помнит.

— ...И я думала, ты на этом и остановишься, но начали поступать просьбы от других издателей. Меня это не удивило. Ты писал отличные очерки.

Все это время Джонни молчал, стараясь вспомнить, действительно ли они были так хороши. На все сто процентов доверять Терри в вопросах творчества он не мог, но ее мнение не следовало и отметать. Как беллетрист она не поднималась выше уровня «Проснувшись на рассвете, я увидел птичку, и мое сердце радостно забилося», но вот критиком Терри была серьезным, способным воспринять не только букву, но и дух написанного. Именно это противоречие, ее желание писать прозу и ее способность к точному критическому анализу, стало одной из причин, привлечших к ней его внимание (основная, однако, заключалась в другом: в те годы Терри, пожалуй, вполне могла бы претендовать на титул «Мисс Бюст Америки»).

А вот из всего цикла очерков по прошествии стольких лет он мог вспомнить только один — «Смерть во второй смене». Об отце и сыне, работавших на сталеплавильном заводе в Питтсбурге. У отца случился сердечный приступ, и он умер на руках у сына на третий день четырехдневной командировки Джонни Маринвилла на этот завод. Сначала-то он хотел писать о сталелитейном производстве, но разом отказался от своего первоначального замысла и написал сентиментальный очерк, ни единым словом не погрешив против истины. Труд его не остался незамеченным. Редактор, который готовил материал для публикации в «Лайф», шесть недель спустя прислал Джонни письмо, в котором сообщил, что по числу откликов очерк «Смерть во второй смене» занял почетное четвертое место за все время существования журнала.

Тут память начала услужливо подбрасывать названия других очерков. «Кормящие огонь», «Поцелуй на озере Саранак». Ужасные названия, но... *четвертое место по числу откликов.*

Гм-м-м-м.

Где теперь могут быть эти очерки? В «Библиотеке Маринвилла» в Фордхэме^[19]? Черт, да они могут лежать и на чердаке его коттеджа в Коннектикуте. Почему бы не взглянуть на них вновь? Их можно было бы отредактировать... или... или...

В его мозгу начала формироваться любопытная идея.

— У тебя еще сохранился твой мотоцикл, Джонни?

— Что? — Погруженный в свои мысли, Джонни не понял, о чем это она.

— Твой мотоцикл. На котором ты ездил.

— Конечно. Стоит в том гараже в Уэстпорте, которым мы, бывало, пользовались. Ты его

знаешь.

— Джиббис?

— Да, Джиббис. Теперь владелец сменился, но раньше он назывался «Джиббис гэредж».

Перед мысленным взором Джонни возник яркий образ: он и Терри, днем, полностью одетые, яростно обжимаются за «Джиббис гэредж». На Терри тогда еще были синие обтягивающие шорты. Ее мать, конечно, не могла одобрить такой наряд, но, на его взгляд, в этих шортиках, купленных на какой-нибудь распродаже, Терри выглядела как королева. Попка аккуратненькая, а ноги... ноги не просто спускались до щиколоток, но тянулись до Арктура и дальше. Каким образом они вообще оказались там, среди ржавого железа, выброшенных покрышек и подсолнухов? Он это забыл. Зато помнил, как его пальцы сжимали великолепную грудь Терри, губы целовали ее шею, а она, обеими руками обхватив его за талию, притягивала Джонни к себе, чтобы его затвердевший член сильнее вжался в ее живот.

Он опустил руку между ног и не удивился тому, что обнаружил. Жив еще курилка, жив!

— ...написать новые, а может, и книгу.

Джонни вернул руку на подлокотник кресла.

— А? Что?

— Ты не только старый, но еще и глухой?

— Нет. Я вспомнил, чем мы как-то раз занимались за Джиббисом.

— А-а. В подсолнухах, да?

— Совершенно верно.

Последовала долгая пауза. Терри раздумывала, следует ли развивать эту тему. Джонни надеялся, что решение будет принято положительное, но он ошибся.

— А что, если тебе проехаться по стране на своем мотоцикле, пока у тебя еще хватает сил завести двигатель и ты снова не начал пить?

— Ты с ума сошла? Я не сидел в седле уже три года, Терри, и у меня нет ни малейшего желания ездить на мотоцикле. К тому же со зрением у меня нелады...

— Так наденешь очки!

— И рефлексy не такие, как прежде. Это еще вопрос, умер ли Джон Чивер от алкоголизма, но вот Джон Гарднер определенно отправился в поездку на мотоцикле и по дороге сцепился с деревом. Стычка закончилась не в его пользу. Случилось это в Пенсильвании. Я ездил по той дороге.

Терри не слушала. Она относилась к тем немногим людям, которые умели не слушать его, отдавая предпочтение собственным мыслям. Наверное, это была вторая причина, по которой они развелись. Ему не нравилось, когда его игнорируют.

— Ты пересечешь всю страну на мотоцикле и соберешь материал для нового цикла очерков, — гнула она свое. Голос Терри звучал очень бодро. — Если добавить к ним лучшие из написанных ранее, сведя их в первую часть, то получится приличных размеров книга. «Американское сердце. 1966–1996. Очерки Джона Эдуарда Маринвилла». — Она захихикала. — Кто знает, может, о тебе вновь напишет Шелби Фут. Ты его ценил больше других, так ведь? — Она помолчала, дожидаясь комментария. А когда его не последовало, вновь спросила, слушает ли он ее.

— Да, слушаю. Извини, Терри, но мне надо идти. У меня встреча.

— С новой подружкой?

— С ортопедом.

— Береги себя, Джонни. И советую тебе подумать о возвращении к «Анонимным алкоголикам». Хуже-то не будет.

— Это точно. — Но думал он о Шелби Футе, однажды назвавшем его единственным ныне здравствующим американским писателем масштаба Джона Стейнбека. И Терри права, среди всех похвал эту он выделял особо.

— Полностью с тобой согласна. — Она помолчала. — Джонни, с тобой все в порядке? У меня такое ощущение, будто мыслями ты где-то далеко.

— Все отлично. Передай детям привет.

— Всегда передаю. Они отмахиваются, но я передаю. Пока.

Джонни не глядя положил трубку на рычаг, а когда телефонный аппарат свалился на пол, даже не повернулся. Джон Стейнбек со своей собакой пересек страну в кемпере. А он, Джонни, практически не ездил на своем «харлей-дэвидсон-софтейле» с объемом цилиндров 1340 кубических сантиметров. Не «Американское сердце». Тут Терри не права, и не только потому, что несколько лет назад на экраны вышел фильм Джеффа Бриджа с таким названием. Не «Американское сердце», а...

— «Путешествие с «харлеем»^[20], — пробормотал Джонни.

Нелепое название, смешное название... но разве оно хуже, чем «Смерть во второй смене» или «Кормящие огонь»? Пожалуй, название сработает, привлечет внимание. Джонни привык доверять своей интуиции, а тут он чувствовал, что попал в точку. Он сможет пересечь всю Америку на своем кремово-красном «софтейле» от Коннектикута на Атлантическом побережье до Калифорнии, той ее части, что граничит с Тихим океаном. Книга очерков может заставить критиков по-новому взглянуть на Маринвилла, может даже попасть в список бестселлеров, если... если...

— Если она будет написана с открытым сердцем. — Сердце Джонни стучало, как паровой молот, но впервые его это не пугало. — Так, как писал Стейнбек.

Он поднял телефонный аппарат с пола и набрал номер своего агента.

— Билл, я вот тут сижу, думаю об эссе, которые я написал в молодости, и у меня возникла фантастическая идея. Поначалу ты, возможно, решишь, что я сбрендил, но, прошу тебя, выслушай до конца.

4

Когда Джонни поднялся по песчаному откосу на дорогу, он увидел копа, который стоял позади «харлея» и переписывал в блокнот его номерной знак. Этот коп был гигантом, ростом никак не меньше шести футов и шести дюймов, а весом за двести семьдесят фунтов.

— Добрый день, патрульный. — Джонни посмотрел вниз и заприметил маленькое темное пятнышко у промежности джинсов. *Как бы ты ни прыгал и ни скакал*, подумал он, *последние две капли падают в штаны*.

— Сэр, вам известно, что парковать транспортное средство на федеральной дороге запрещено? — спросил коп, не поднимая головы.

— Нет, но я не думаю...

...что это может создать какие-либо проблемы на такой пустынной дороге, как федеральное шоссе 50, хотел закончить Джонни, тем самым пренебрежительным тоном, каким привык разговаривать с обслугой, но увидел нечто, заставившее его передумать: кровь на правом манжете и рукаве рубашки копа, много крови, теперь уже засыхающей. Наверное,

он только что убирал с дороги тушу большого зверя, лося или оленя, сбитого лихачом. Отсюда и кровь, и плохое настроение. А рубашку-то можно выкидывать. Такое пятно не отстирать.

— Сэр? — резко бросил коп.

Номер он уже записал, но продолжал смотреть на мотоцикл, сдвинув светлые брови, рот его превратился в узкую полоску. Коп словно не хотел видеть владельца мотоцикла, и без того на душе тошно.

— Ничего, патрульный, — ровным, нейтральным голосом ответил Джонни. Действительно, зачем злить этого здоровяка, если у него и так выдался плохой день.

— Закон также запрещает справлять физиологическую нужду в пределах видимости с федеральной дороги, — добавил коп, по-прежнему не поднимая головы, с блокнотом в одной руке и взглядом, остановившимся на задней номерной пластине мотоцикла. — Вы это знали?

— Нет, очень сожалею. — Джонни так и подмывало расхохотаться, но он сдержался.

— А такой закон есть. Я собираюсь вас отпустить... — коп первый раз посмотрел на Джонни, и его глаза широко раскрылись, — ...ограничившись предупреждением, но...

Он замолчал, а глаза его так и остались распахнутыми, словно у ребенка, мимо которого по улице шествует цирк с клоунами и акробатами. Такой взгляд был Джонни не в диковинку, только он никак не ожидал увидеть его в Неваде. И самое поразительное, что так смотрел на него гигантский коп со скандинавскими корнями, который мог читать разве что «Шутки с вечеринок» в «Плейбое» да журнал «Оружие и амуниция».

Поклонник, подумал Джонни. В пустыне между Эли и Остином наткнуться на почитателя своего таланта — это нечто.

Ему не терпелось поведать об этом Стиву Эмесу, с которым он намеревался встретиться вечером в Остине. Черт, да он еще днем позвонит Стиву по сотовому телефону... если здесь есть сотовая связь. Скорее всего ее нет. Кто ставит в пустыне узловые станции? Правда, батарейка в его трубке полностью заряжена, он вчера подзарядил ее, но со Стивом не разговаривал после отъезда из Солт-Лейк-Сити. По правде говоря, не любил Джонни сотовых телефонов. Он не верил, что они вызывают рак, все это вымыслы желтой прессы, но...

— Святой Боже, — пробормотал коп. Его правая рука с залитым кровью рукавом поднялась к правой щеке. — Святой Боже.

— Что случилось, патрульный? — спросил Джонни, сумев-таки подавить улыбку. В одном он ничуть не изменился: нравилось ему, знаете ли, когда его узнают. Господи, как же ему это нравилось.

— Вы... Джон Эдуард Маринвилл! — выдохнул коп. Он робко улыбнулся, и Джонни тут же мысленно произнес: *О, мистер полисмен, какие у вас большие зубы.* — Я хочу сказать, ведь это вы, правда? Вы написали «Радость»! И, о черт, «Песнь молота»! Я стою рядом с человеком, написавшим «Песнь молота»! — И вот тут коп особенно тронул Джонни: протянул руку и коснулся его кожаной куртки, чтобы доказать себе, что писатель действительно стоит перед ним и происходит все это наяву. — Святой Боже!

— Да, я Джонни Маринвилл, — скромно признал Джонни (к этому тону он прибегал только в подобных случаях). — Хотя должен признаться, что впервые меня узнал человек, который видел, как я справляю малую нужду у обочины дороги.

— Да забудьте вы об этом. — Коп схватил руку Джонни.

За мгновение перед тем, как их руки соприкоснулись, Джонни заметил, что ладонь копа также в крови и его линия жизни и линия любви скрыты буровато-красной пленкой. Джонни все еще улыбался, пока они жали друг другу руки, но чувствовал, что уголки его рта начинают опускаться. *Кровь попадет на меня, думал он. А до Остина помыть руки негде.*

— Вы же один из моих любимых писателей, — говорил коп. — Я хочу сказать, Господи, «Песнь молота» — это что-то потрясающее... Я знаю, критикам ваш роман не понравился, но что они понимают?

— Мало что, — согласился Джонни.

Ему очень хотелось, чтобы коп побыстрее отпустил его руку, но гигант, похоже, относился к тем людям, которые очень ценят непосредственный контакт. И Джонни чувствовал силу копа. Если бы здоровяк захотел сжать ему руку, то любимый писатель копа отстукивал бы следующую книгу левой рукой, по крайней мере первые два месяца.

— Мало что, как это верно сказано! «Песнь молота» — лучшая книга о Вьетнаме, которую я когда-либо читал. Куда до нее Тиму О'Брайену, Роберту Стоуну...

— Как приятно это слышать, большое вам спасибо.

Коп ослабил хватку, и Джонни осторожно высвободил руку. Он хотел взглянуть на нее, посмотреть, много ли на ней крови, но решил, что момент неподходящий. Коп же засовывал блокнот в задний карман брюк, не отрывая от Джонни широко раскрытых глаз. Он словно боялся, что Джонни исчезнет, если он мигнет.

— А как вы здесь очутились, мистер Маринвилл? Господи! Я-то думал, вы живете далеко на Востоке!

— Да, живу, но...

— И это неподобающее транспортное средство для... э... я должен прямо сказать: для *национального достояния*. Вы хоть знаете, сколько мотоциклистов попадает в аварии? Я — волк и могу вам это сказать, потому что каждый месяц получаю циркуляры из Национального совета по безопасности движения. Один на каждые четыреста шестьдесят водителей транспортных средств. Звучит вроде бы обнадеживающе, но при этом надо помнить, сколько вообще водителей каждый день попадает в дорожно-транспортные происшествия. *Двадцать семь тысяч.* Это уже совсем другое дело. Заставляет задуматься, так ведь?

— Да, — ответил Джонни, подумав при этом: *Он сказал что-то насчет волка или я ослышался?* — Эта статистика очень даже... очень даже... — *Очень даже что? Давай, Маринвилл, доводи фразу до конца. Если ты смог провести целый час с той сукой из женского журнала, а потом не приложиться к бутылке, уж к этому-то парню подход ты найдешь. Он лишь тревожится за твою жизнь, ничего больше.* — Очень даже впечатляет.

— Так что вы поделяетесь в наших краях? Да еще на столь небезопасном средстве передвижения?

— Собираю материал. — Взгляд Джонни упал на запятнанный кровью правый рукав копа, но он заставил себя поднять глаза на его обожженное солнцем лицо. Едва ли у этого парня могут возникнуть какие-либо трудности с водителями или нарушителями общественного порядка. Он кого угодно переломит пополам. А вот кожа у него неподходящая для этого климата.

— Задумали написать новый роман? — оживился коп.

Джонни посмотрел на его грудь, но нашивка с фамилией там отсутствовала.

— Новую книгу, скажем так. Позвольте задать вопрос, патрульный.

— Конечно, пожалуйста, но вопросы должен задавать я, у меня их миллион. Никогда не думал, что посреди пустыни я встречу... Святой Боже!

Джонни заулыбался. Жарко, конечно, и надо бы уехать до того, как Стив сядет ему на хвост... у него нет никакого желания всякий раз видеть в зеркале заднего обзора большой грузовик, это убивает вдохновение, но коп такой искренний, так трогательно восторгается встречей, проявляет неподдельный интерес к его творчеству.

— Раз уж вы знакомы с моими предыдущими работами, что вы можете сказать о книге очерков из жизни современной Америки?

— Которую напишете вы?

— Я. Дорожные впечатления, знаете ли. Собранные под заголовком... — Джонни глубоко вздохнул. — «Путешествие с «харлеем».

Он ожидал, что на лице копа отразится недоумение, что тот расхохочется, восприняв его слова как хорошую шутку. Но коп лишь опять взглянул на номерной знак мотоцикла, потер подбородок (квадратный, раздвоенный, как у героя какой-нибудь книги комиксов Берни Райтсона), сдвинул брови и задумался. Джонни воспользовался случаем и посмотрел на свою руку. Точно, вся кисть в крови в тех местах, где к ней прикасались пальцы копа. Приятного мало.

Потом коп перевел взгляд на Джонни и поразил его, произнеся именно те слова, что вертелись в голове у Джонни последние два дня монотонной поездки по пустыне.

— Может сработать, но на обложке должна быть ваша фотография на вашем драндулете. *Серьезная* фотография, чтобы читатели знали, что вы не собирались посмеяться над Джоном Стейнбеком... да и над собой тоже.

— Именно так! — Джонни с трудом удержался, чтобы не хлопнуть здоровяка копа по плечу. — В этом главная опасность. Не дай Бог люди подумают, что это какая-то... злая шутка. Обложка должна продемонстрировать серьезность намерений... Возможно, стоит добавить мрачности... Если, к примеру, оставить один мотоцикл? Фотография мотоцикла, естественно, темного. Стоящего посреди автотрассы... может, даже здесь, в пустыне. На разделительной полосе шоссе 50... с тенью, отбрасываемой в сторону...

Какой абсурд — дискутировать с копом, только что предупреждавшим его, что нельзя писать на перекасти-поле, но Джонни это нравилось.

И вновь коп произнес именно то, что Джонни хотел услышать.

— Нет! Господи, нет! Фотографировать надо вас!

— В общем, я того же мнения. Чтобы сфотографировали меня, скажем, в тот момент, когда я завожу мотоцикл. Как бы между прочим... как бы между прочим, но...

— Но в фотографию должны поверить, — закончил за него коп. — Чтобы ни у кого не возникло сомнений в том, что вы действительно проехали на мотоцикле всю Америку, а не сели на него, дабы попозировать для фотографа. Поэтому никаких улыбок. Не смейте улыбаться в объектив, мистер Маринвилл.

— Улыбки не будет, — подумав, согласился Джонни. *Этот парень — гений.*

— И не помешает некоторая отстраненность. Взгляд вдаль. Словно вы думаете о тех милях, которые оставили за собой...

— Да, и о милях, которые еще лежат впереди. — Джонни взглянул на горизонт, чтобы вжиться в образ, и вновь увидел большой автомобиль, припаркованный на обочине в миле или двух отсюда. С годами Джонни приобрел дальнзоркость, солнце уже не так слепило глаза, поэтому он почти наверняка мог сказать, что это кемпер. — Милях реальных и

метафорических.

— Да, и тех, и других, — кивнул коп. — «Путешествие с «харлеем». Мне нравится. Завлекательное название. Знаете, я прочитал все, что вы уже написали, мистер Маринвилл. Романы, эссе, поэмы... черт, весь ваш послужной список.

— Благодарю, — растроганно ответил Джонни. — Мне так приятно это слышать. Вы и представить себе не можете, как приятно. Последний год был для меня трудным. Я даже стал сомневаться в себе, в целях, которые ставил перед собой.

— Мне немного знакомо это состояние. Вам это может показаться странным, все-таки я простой коп, но оно мне знакомо. Да если б вы знали, какой иной раз у меня выдается день... Мистер Маринвилл, вы можете дать мне автограф?

— Разумеется, с удовольствием. — Джонни вытащил свой блокнот из заднего кармана джинсов. Открыл его, пролистал. Какие-то фразы, направления, номера дорог, маршруты движения (последние рисовал Стив Эмес, который быстро понял, что его знаменитый клиент знает, как водить мотоцикл, но совершенно не ориентируется на трассе). Наконец он нашел чистую страницу. — Как вас зовут, патру...

Тут его прервал громкий протяжный вой, от которого сердце Джонни ушло в пятки... Мало того что выл дикий зверь, он выл к тому же совсем близко. Блокнот вывалился из руки Джонни, и он повернулся так быстро, что едва не потерял равновесие. В пятидесяти ярдах от них, на обочине, стояла какая-то тварь на тонких лапах, с впалыми боками, серой свалывшейся шерстью и болячкой на правой передней лапе, но Джонни едва ли все это заметил. Потому что смотрел на морду зверюги, на ее желтые глаза, одновременно глупые и хитрые.

— Мой Бог, — выдохнул он. — Что это? Это...

— Койот, — подтвердил его догадку коп. — Некоторые люди называют их волками пустыни.

Так вот что он имел в виду, подумал Джонни. Что-то насчет встречи с койотом, волком пустыни. А я его неправильно понял. Мысль эта в какой-то мере успокоила его, хотя сомнения в том, что он правильно истолковал слова копа, остались.

Коп направился к койоту. Шаг, другой, после паузы — третий. Койот не сдвинулся с места, но начал дрожать всем телом. Из-под тощего бока потекла моча. Порыв ветра разбил струйку в пелену капель.

После четвертого шага койот поднял морду к небу и вновь завыл, отчего по коже Джонни побежали мурашки.

— Это надо прекратить, — крикнул он вслед копу. — Ужас какой-то.

Коп не отреагировал. Он смотрел на койота, желтые глаза которого теперь не отрывались от копа.

— *Тэк*, — вырвалось у копа. — *Тэк ах лах*.

Койот по-прежнему сверлил его взглядом, словно понял эту индейскую абракадабру. Очередной порыв ветра подхватил блокнот и сбросил его на откос, где он привалился к торчащему из песка булыжнику. Джонни этого не заметил. Какой там блокнот, какой автограф.

Все это войдет в книгу, подумал он. Все, что я повидал раньше, — ерунда, а вот этот эпизод войдет. Это прозвучит. Еще как прозвучит.

— *Тэк*, — повторил коп и резко хлопнул в ладоши. Койот повернулся и помчался прочь. Джонни не ожидал, что на столь тонких лапах можно так быстро бегать. Здоровяк в хаки

подождал, пока серая шерсть койота сольется с серостью пустыни. Много времени это не заняло.

— Господи, какие же они отвратительные! — воскликнул коп. — А в последнее время их стало больше, чем вшей в одеяле. Утром или в полдень, когда самая жара, их не увидишь. Зато во второй половине дня... вечером... ночью... — Он покачал головой.

— Что вы ему сказали? — спросил Джонни. — Я такого никогда не слышал. Что-то индейское? На языке какого-то племени?

Здоровяк коп рассмеялся:

— Не знаю я ни одного индейского языка. Эти слова значения не имеют. Просто детский лепет.

— Но он же вас слушал!

— Нет, он смотрел на меня. — Коп нахмурился, словно удивляясь, что нашелся человек, решившийся спорить с ним. — Я украл его глаза, ничего больше. Дыры его глаз. Думаю, все эти разговоры о приручении животных — болтовня, но когда дело доходит до волков пустыни... ну, если вы крадете их глаза, не важно, что вы говорите. Обычно они не опасны, кроме, разумеется, бешеных. И главное, чтобы они не почуяли запаха страха. Или крови.

Джонни глянул на правый рукав копа и подумал: *не эта ли кровь привлекла койота?*

— Но им нельзя противостоять, когда они сбились в стаю. Особенно если у стаи сильный вожак. Тогда они не ведают страха. Они будут гнать оленя, пока у того не разорвется сердце. Иногда ради забавы. — Коп помолчал. — Или человека.

— Однако, — только и смог сказать Джонни. — Это... интересно.

— Интересно, правда? — Коп улыбнулся. — Наука о пустыне. Скрижали пустующей земли. Звучание открытого пространства.

Джонни смотрел на него открыв рот. Вдруг его приятель-полицейский заговорил, как поэт.

Он пытается произвести на меня впечатление, ничего больше... это типичный монолог коктейль-пати, только без коктейля. Я это видел и слышал тысячу раз.

Возможно. Но раньше он без этого обходился. Издалека вновь донесся знакомый вой. Однако был не тот койот, что убежал от них, Джонни в этом не сомневался. Вой донесся с другой стороны, скорее всего в ответ на вой первого койота.

— Похоже, пора сматываться отсюда! — воскликнул коп. — Вам бы лучше убрать вот это. — Он повернулся к мотоциклу и показал на левую багажную сумку. Джонни увидел, что из нее торчит кусок его нового пончо, ярко-оранжевого, чтобы в ненастье водители автомобилей заметили его издалека.

Как я мог не увидеть, что пончо торчит из сумки, когда остановился, чтобы облегчиться? подумал Джонни. *Такого просто не могло быть.* И еще. Он останавливался на заправке в Претти-Найсе, а потом открывал эту багажную сумку, чтобы достать карту Невады. Проверил, сколько миль до Остина, сложил карту и убрал ее. Затем защелкнул замки. Это он хорошо помнил, а теперь сумка была открыта.

Джонни не мог пожаловаться на отсутствие интуиции. Лучшими своими произведениями он был обязан именно интуиции, а не планомерной подготовке к их написанию. Спиртное и наркотики притупили интуицию, но не уничтожили ее, и она вернулась, пусть не в полной мере, но вернулась, когда он отказался и от первого, и от второго. Вот и теперь, глядя на краешек пончо, Джонни слышал задребезжавший в голове колокольчик тревоги.

Это сделал коп.

Деяние совершенно бессмысленное, но интуиция подсказывала ему, что именно так все и произошло. Коп раскрыл багажную сумку и вытащил пончо, пока Джонни, стоя спиной к дороге, справлял малую нужду. А потом, во время их разговора, коп стоял так, чтобы Джонни не мог увидеть торчащее из сумки пончо. Похоже, этот парень не потерял головы, встретив любимого автора. Может, коп не так уж и любил его романы, эссе, поэмы. Потому что, похоже, он преследовал определенную цель.

Какую цель? Что мне подсказывает интуиция? Какую цель?

Джонни не знал, и это ему очень не нравилось. А еще ему не нравились странные слова, брошенные копом койоту.

— Ну? — Коп улыбался, и улыбка эта еще больше встревожила Джонни. Не было в ней восторга благодарного читателя. От этой улыбки веяло холодом, даже презрением.

— Что «ну»?

— Вы собираетесь закрыть сумку? *Тэк!*

У Джонни екнуло сердце.

— *Тэк?* Что это значит?

— Я не говорил *тэк*. Это вы сказали *тэк*.

Продолжая улыбаться, коп сложил руки на груди.

Как же мне хочется выбраться отсюда, подумал Джонни.

Да уж, дружеская встреча, похоже, близка к завершению. И если ему ничего не остается, как выполнить приказ, пусть будет так. Маленькая интерлюдия, которая так хорошо началась, заканчивается не столь уж забавно... словно туча нашла на солнце и вокруг сразу все стало сумрачно, зловеще.

А если, спросил себя Джонни, *этот тип хочет причинить мне вред? Он наверняка пропустил пару банок пива.*

Что ж, ответил он сам себе, *может, и хочет. Что я могу изменить. Разве только пожаловаться местным койотам.*

Возбужденное воображение мгновенно нарисовало отвратительную картину: коп роет яму в пустыне, а в тени патрульной машины лежит тело человека, который был лауреатом Национальной книжной премии и трахал самую знаменитую киноактрису Америки. Конечно, эту картину он отмел сразу. Не из страха, а от неизвестно откуда взявшейся уверенности, что такого просто не может быть. Таких, как он, не убивают. Они иной раз кончают жизнь самоубийством, но от чьей-то руки, к примеру, от руки чокнутого копа, они не погибают. Если такое и случается, то лишь в бульварных романах.

Правда, с Джоном Ленноном это все-таки случилось, но...

Джонни направился к багажной сумке, и до его ноздрей донесся исходящий от копа запах. На мгновение Джонни вспомнил отца, отчаянно веселого, любящего крепкое словцо забулдыгу, от которого всегда пахло, как сейчас от копа: на поверхности — лосьон после бритья «Олд спайс», под ним — запах пота.

Джонни увидел, что оба замка открыты, поднял крышку, чувствуя запах пота и «Олд спайс»: коп стоял у него за спиной. Джонни уже начал убирать пончо, когда заметил, что лежит на его дорожных картах. Он, конечно, остолбенел, но в общем-то не очень и удивился, ожидая чего-то подобного. Джонни обернулся к копу. Тот смотрел в багажную сумку.

— О, Джонни. — Коп с сожалением покачал головой. — Это печально. Очень печально.

Он протянул руку и достал из сумки мешок размером с галлон, лежавший на стопке

карт. Джонни не пришлось принюхиваться, чтобы понять, что насыпан в мешок отнюдь не чай. А на мешке, словно в насмешку, красовалась круглая желтая наклейка с улыбающейся рожицей.

— Это не мое. — На Джонни навалилась такая усталость, что он даже не стал возмущаться. — Это не мое, и вы это знаете. Потому что именно вы положили сюда этот мешок.

— Да, конечно, во всем виноваты копы, — покивал здоровяк. — Совсем как в твоих красно-либеральных книгах, правильно? Парень, да от тебя за версту несло «травкой». Ты его провонял! *Тэк!*

— Послушайте... — начал Джонни.

— В машину, красный! В машину, гомик! — Голос негодовал, но серые глаза смеялись.

Это шутка, подумал Джонни. Какая-то безумная шутка.

И тут с юго-запада донесся вой нескольких койотов. А когда коп повернулся посмотреть, где они воют, и заулыбался, Джонни почувствовал, что из груди его вот-вот вырвется крик, и плотно сжал губы, чтобы подавить его. По выражению лица копа Джонни понял: шутки кончились. Безумие копа не вызывало сомнений. И, Господи, какой же он здоровенный.

— Мои дети пустыни! — воскликнул коп. — Как мелодично они поют!

Он улыбнулся, посмотрел на мешок, который держал в руке, покачал головой и расхохотался. Джонни стоял, не сводя с него глаз. Уверенность, что таких, как он, не убивают, внезапно исчезла без следа.

— *Путешествие с «харлеем»*, — передразнил его коп. — Можно ли придумать для книги более глупое название? А сама идея еще глупее. Просто кража литературной находки Джона Стейнбека... писателя, которому ты в подметки не годишься... меня это *бесит*.

И, прежде чем Джонни понял, что происходит, вспышка боли полыхнула в его голове. Он почувствовал, что валится назад с прижатыми к лицу руками, ощутил горячую кровь, хлынувшую между пальцами, подумал: *Со мной все в порядке, я не упаду, со мной все в порядке*, а в следующее мгновение уже лежал на боку на асфальте и орал во все горло. Нос под его пальцами уже не казался прямым, он лежал на левой щеке. В восьмидесятых у Джонни искривилась перегородка, спасибо кокаину, который он нюхал без всякой меры. Джонни вспомнил, что его доктор рекомендовал выправить ее до того, как он врежется в столб или вращающаяся дверь стукнет его по носу. Доктор также предупреждал, что перегородка может сломаться сама по себе. Ничего этого не произошло, перегородку сломали другим, не названным доктором способом. Обо всем этом Джонни думал, продолжая кричать.

— Вернее, это приводит меня в ярость. — И коп пнул его в левое бедро. Боль пронзила тело, мышцы ноги онемели. Джонни катался по дороге, держась теперь за ногу, а не за нос, царапая щеку об асфальт шоссе 50 и крича, крича, крича. В рот попадал песок, он кашлял, отплевывался, чтобы вновь зайтись в крике.

— Я просто голову теряю от ярости. — Коп пнул Джонни в задницу, поближе к пояснице. Такой боли он не мог вытерпеть, должен был лишиться чувств, но не лишился. Продолжал корчиться на белой разделительной полосе, заходясь в крике, с хлещущей из носа кровью. А вдали, в сгущающейся тени, отбрасываемой горами, были койоты.

— Поднимайся, — бросил коп. — На ноги, лорд Джим!

— Не могу, — всхлипнул Джонни, подтянул ноги к груди и обхватил руками живот,

принимая защитную позу, знакомую ему со съезда Демократической партии в Чикаго в 1968 году, а может, и раньше, со времен лекции, на которой он побывал в Филадельфии, перед первыми «рейсами свободы»^[21] в Миссисипи. Джонни собирался поехать туда не столько ради великой идеи, сколько за материалом, на основе которого создавалась великая проза, но в конце концов что-то помешало. Вероятно, его игрунчик, вскочивший при виде задранной юбки.

— На ноги, кусок дерьма. Ты теперь в моем доме, доме волка и скорпиона, и не советую тебе забывать об этом!

— Я не могу, вы сломали мне ногу. Господи Иисусе, как же вы избили меня...

— Нога у тебя не сломана, и ты еще не знаешь, что значит избить человека. А теперь вставай.

— Я не могу. Действительно...

Громыхнул выстрел, пуля рикошетом отскочила от асфальта, и Джонни взвился вверх еще до того, как окончательно понял, что стреляли не в него. Он стоял на разделительной полосе, шатаясь как пьяный. Нижнюю часть его лица заливала кровь, к которой прилип песок, образуя маленькие островки на губах, щеках, подбородке.

— Эй, большая шишка, ты же обдулся, — донесся до него голос копа.

Джонни посмотрел вниз и увидел, что так оно и есть. *Как бы ты ни прыгал и ни скакал*, вспомнилось ему. Левое бедро пульсировало болью. Задница онемела, превратилась в кусок замороженного мяса. Джонни подумал, что ему надо поблагодарить копа. Ударь тот повыше, его разбил бы паралич.

— Ты жалкий писатель и жалкий человек. — Коп держал в руке огромный револьвер. Он посмотрел на мешок с «травкой» и покачал головой. — Я понял это не по твоим словам, а по рту, который эти слова произнес. Если б я чуть дольше смотрел на твой безвольный и надменный рот, убил бы тебя прямо здесь. Не смог бы сдержаться.

В пустыне по-прежнему были койоты, совсем как в старом фильме Джона Уэйна.

— Вы и так много чего наделали, — пробормотал Джонни.

— Отнюдь. — Коп улыбнулся. — Нос — это только начало. Кстати, тебе это к лицу. Выглядишь ты теперь получше. — Он открыл заднюю дверцу патрульной машины. А Джонни задался вопросом, сколько секунд, минут, часов заняла эта маленькая трагедия. Он не имел об этом никакого представления. Но за это время ни одна машина не проехала мимо. — В машину, большая шишка.

— Куда вы меня везете?

— Куда я, по-твоему, могу отвезти обкурившееся красное дерьмо вроде тебя? Естественно, в кутузку. А теперь быстро в машину.

Забираясь на заднее сиденье, Джонни коснулся рукой правого нагрудного кармана кожаной мотоциклетной куртки.

Сотовый телефон на месте.

На заднице Джонни сидеть не мог, не позволяла боль, поэтому он устроился на правом бедре, одной рукой обхватив сломанный нос. Джонни чувствовал, как что-то живое и мерзкое, выпустив щупальца, все глубже проникает в его плоть, но на какое-то время сумел заставить себя этого не замечать. *Позволь сотовому телефону заработать*, взмолился он

тому самому Богу, которого высмеивал в течение всей своей творческой жизни, в последний раз в рассказе, названном «Погода, посланная небесами», опубликованном в «Харперс» и встреченном достаточно доброжелательно. *Пожалуйста, позволь сотовому телефону заработать, Боже, и, пожалуйста, пусть меня услышит Стив.* Потом, осознав, что он ставит телегу впереди лошади, Джонни добавил третью просьбу. *Пожалуйста, дай мне шанс использовать телефон по назначению, хорошо?*

Как бы в ответ на его молитву коп прошел мимо водительской дверцы патрульной машины и направился к мотоциклу Джонни. Он надел на голову шлем Джонни и перекинул ногу через седло. Впрочем, при его росте скорее можно сказать, что он переступил через седло. Мгновением позже взревел двигатель. Под таким гигантом «харлей» как-то уменьшился в размерах. Коп раз пять прибавлял и убавлял газ, словно вслушиваясь в музыку мотоциклетного мотора, потом осторожно тронул мотоцикл с места (Джонни вспомнил, как он сам с такой же осторожностью вывел в свет своего железного скакуна после того, как тот три года простоял в гараже) и медленно скатился с откоса, не забывая про ручной тормоз и зорко высматривая возможные препятствия. А уже в пустыне прибавил скорость и помчался прочь от дороги.

Чтоб тебе провалиться в чью-нибудь нору, гребаный садист, пожелал ему Джонни, втянув воздух раздувшимся, налившимся болью носом. *Чтоб тебе налететь на что-нибудь твердое, разбиться и сгореть.*

— Не стоит тратить на него время, — пробормотал Джонни, большим пальцем правой руки откинул клапан нагрудного кармана и достал «Моторолу» (идея взять с собой сотовый телефон принадлежала Биллу Харрису, за последние четыре года он впервые предложил что-то хорошее). Затаив дыхание, Джонни смотрел на дисплей, моля теперь Бога о том, чтобы там появились буква S и две горизонтальные черты. *Ну же, Господи, пожалуйста!* Пот тек по щекам Джонни, из сломанного носа все еще капала кровь. *Должны появиться буква S и две черты, иначе эта штуковина ни на что не годится!*

Телефон пикнул. В левом окошке дисплея появилась буква S, означающая, что телефон к работе готов, и одна черта.

Только одна.

— Нет, пожалуйста, — простонал Джонни. — Пожалуйста, не поступай со мной так жестоко. Еще одну черту, пожалуйста, еще одну.

В гневе он тряхнул телефон... и заметил, что забыл вытащить антенну. Вытащил. Над первой чертой появилась вторая. Замерцала, исчезла, появилась вновь и, продолжая мерцать, осталась.

— Есть! — прошептал Джонни. — Есть!

Он повернулся к окну. Коп остановил «софтейл» в трехстах ярдах от дороги и слез с него. Мотоцикл тут же завалился набок. Двигатель заглох. Даже в такой ситуации Джонни охватила ярость. «Харлей» мчал его через всю Америку, работая как часы, а тут с ним обращались, словно с какой-то банкой из-под пива.

— Говнюк психованный, — пробормотал он, втянул носом кровь, выплюнул сгусток на бумагу, устилавшую пол перед задним сиденьем, и вновь посмотрел на телефон, на вторую кнопку справа под дисплеем с надписью NAME/MENU. Стив запрограммировал эту функцию, прежде чем они отправились в путь. Джонни нажал кнопку, и на дисплее высветилось имя его агента — БИЛЛ. Второе нажатие, и появилось имя ТЕРРИ. Третье вызвало на дисплей ДЖЕКА, то есть Джека Эплтона, редактора Джонни. Почему все эти

люди оказались впереди Стива Эмеса? Стив был его единственной надеждой.

А в трехстах ярдах от дороги безумный коп снял с головы шлем и с его помощью забрасывал песком «харлей» Джонни. Вот и славненько. Пока этот псих будет закапывать мотоцикл, ему, Джонни, хватит времени позвонить... если, конечно, телефон не забастует. Лампочка ROAM горела, добрый знак, но вторая черта по-прежнему мигала.

— Давай, давай, — обратился Джонни к сотовому телефону, который он держал в дрожащих, выпачканных кровью руках. — Пожалуйста. Пожалуйста!

Джонни вновь нажал кнопку NAME/MENU и увидел на дисплее долгожданное имя СТИВ. Он тут же большим пальцем вдавил кнопку SEND и приложил телефон к уху, одновременно откинувшись назад. Коп забрасывал песком двигатель «харлея».

Пошли гудки, но Джонни знал, что до цели еще далеко. Сейчас он только выходил в сеть роуминга. И лишь через нее мог добраться до Стива.

— Давай, давай, давай... — Капелька пота стекла в глаз, и Джонни смахнул ее костяшкой пальца.

Звонки прекратились, что-то щелкнуло.

«Добро пожаловать в Западную роуминговую сеть! — послышался радостный голос автомата. — Ваш вызов передается адресату. Благодарим за терпение и хорошего вам дня!»

— Соединяй, скорее соединяй, — прошипел Джонни.

В трубке стояла тишина. А в пустыне коп отступил на шаг от мотоцикла, соображая, достаточно ли он замаскировал «харлей». Джонни Маринвилл, сидя на грязном, заваленном бумагой заднем сиденье патрульной машины, расплакался. Он ничего не мог с собой поделать. Так сказать, вновь обдурлся, только на сей раз потекло из глаз.

— Нет, — шептал он, — нет, ты еще не закончил, надо набросать побольше песка.

Коп стоял, глядя на мотоцикл, и тень его вытянулась чуть ли не на полмили. Джонни не отрывал от него глаз и облегченно вздохнул, когда коп вновь придвинулся к мотоциклу и начал засыпать песком руль.

Телефон вновь зазвонил, только очень уж далеко. По силе сигнала чувствовалось, что второй телефонный аппарат, та же «моторола», звонит на приборном щитке «райдера»^[22] как минимум в пятидесяти милях от того места, где Джонни так неудачно решил справить малую нужду.

А в пустыне коп все сыпал и сыпал песок на руль «харлея».

Два гудка... три... четыре...

Еще один, максимум два, и другой автомат скажет ему, что абонент то ли не отвечает, то ли находится вне пределов досягаемости сигнала. Джонни закрыл глаза, и перед его мысленным взором предстали пустая кабина «райдера», стоящего на автозаправке где-нибудь на границе Юты и Невады, и Стив, покупающий коробку сигар в магазинчике при заправке и болтающий с продавщицей. А телефон в кабине звонит, звонит, звонит...

Пятый гудок...

И тут сквозь помехи до него донесся техасский говорок Стива, прозвучавший для Джонни, словно глас ангела, спустившегося с небес.

— Привет... вы... босс?

Мимо проскочил здоровенный трейлер, державший курс на восток. Джонни даже не заметил его, не предпринял попытки остановить. Все его внимание сосредоточилось на телефоне и голосе Стива. Трейлер шел на скорости семьдесят миль в час. Что мог увидеть водитель за две десятых секунды, которые потребовались ему, чтобы миновать патрульную

машину, тем более что ее окна покрывал толстый слой пыли?

Джонни выдохнул через нос — воздух вышел с кровью — и, стараясь не замечать боли, заговорил, чеканя каждое слово.

— Стив! Стив, я попал в передрагу! Серьезную передрагу!

Ему ответил треск помех. Он уже решил, что потерял Стива, но тут отчетливо услышал:

— ...Стряслось, босс? Повторите!

— Стив, это Джонни! Ты меня слышишь?

— ...Слышу... Что... — И вновь помехи. Они полностью поглотили следующее слово, но Джонни подумал, что слово это — «случилось». Видимо, Стив сказал: *Я вас слышу. Что у вас случилось?*

Господи, не допусти, чтобы Стив не услышал меня. Прошу Тебя, Господи.

Коп перестал бросать песок, вновь отступил на шаг, критически оглядел результаты своего труда, повернулся и направился к шоссе, опустив голову и засунув руки в карманы. Тень от полей шляпы полностью скрывала его лицо. И вот тут, к полному своему ужасу, Джонни неожиданно понял, что не знает, какие же слова он должен сказать Стиву. Все его внимание сосредоточилось лишь на том, как до него дозвониться.

А что теперь?

Он понятия не имел, где находится, разве только...

— Я к западу от Эли, на шоссе пятьдесят. — Едкий пот заливал глаза. — Не знаю, как далеко, наверное, милях в сорока. Тут впереди, на обочине, стоит кемпер. Здесь коп, не из дорожной полиции, городской коп, только я не знаю, из какого города... Я не видел, что написано на дверце патрульной машины... не знаю его фамилии... — По мере приближения копа Джонни говорил все быстрее, еще немного, и он начал бы тараторить.

Спокойнее, приказал себе Джонни, до этого типа еще добрая сотня ярдов. Так делай то, к чему ты привык... то, за что тебе всю жизнь платили деньги. Ради Бога, доноси до людей свою мысль!

Однако такого ему никогда еще не приходилось делать. Деньги он зарабатывал, иной раз поднимал свой голос в защиту справедливости, все так, но ни разу ему еще не приходилось защищать свою жизнь. Если коп поднимет голову и увидит его... Сам-то Джонни спрятался за дверцу, но антенна наверняка видна через окно, конечно, видна...

— Он взял мой мотоцикл, Стив. Он взял мой мотоцикл и отогнал его в пустыню. Засыпал «харлей» песком. Это в миле или чуть дальше на восток от кемпера, о котором я тебе говорил. К северу от дороги. Ты сможешь его увидеть, если не зайдет солнце.

Джонни шумно сглотнул.

— Позвони копам... в полицию штата. Скажи им, что на меня набросился коп, светловолосый и огромный... настоящий гигант. Ты меня понял?

Из трубки доносились только помехи.

— Стив! Стив, ты меня слышишь?

Нет. Похоже, не слышит.

На дисплее темнела только одна черта, вторая исчезла. Связь оборвалась, а Джонни думал лишь о том, что ему надо сказать, и поэтому не заметил, когда это произошло и что успел услышать Стив.

Джонни, а ты уверен, что он вообще тебя услышал?

Голос Терри, который он иной раз любил, но иногда ненавидел. Сейчас ненавидел. Ненавидел больше любого другого голоса, когда-либо слышанного им. Ненавидел еще больше

за звучащее в нем сочувствие.

Ты уверен, что тебе все это не привиделось?

— Нет, он выходил на связь, выходил. — Джонни слышал в своем голосе молящие нотки, и это тоже вызывало ненависть. — Выходил, можешь в этом не сомневаться, сука. Выходил, по крайней мере на несколько секунд.

Коп отделяли от патрульной машины всего пятьдесят ярдов. Джонни убрал антенну и попытался засунуть телефон в нагрудный карман. Но тот скользнул по клапану, упал Джонни на колени и отскочил к дверце. Поначалу Джонни не увидел его среди бумаги, главным образом листовок, призывающих к борьбе с распространением наркотиков, и оберток от гамбургеров, покрытых пятнами жира. Его пальцы сомкнулись на чем-то твердом на ощупь, но слишком узком, чтобы быть телефоном. Короткого взгляда, которым удостоил сей предмет Джонни, прежде чем отбросить его в сторону, хватило, чтобы у него похолодело внутри: это была пластиковая заколка для волос, явно принадлежавшая маленькой девочке.

Не бери в голову, у тебя нет времени думать о том, что мог делать ребенок на заднем сиденье патрульной машины. Найди этот чертов телефон, коп уже...

Да. Почти. Джонни слышал, как скрипит песок под сапогами гиганта, слышал, несмотря на завывания ветра, раскачивающего патрульную машину.

Пальцы нащупали пластиковые кофейные чашки, а среди них и телефон. Джонни схватил его, сунул в карман и защелкнул клапан. Подходя к машине спереди, коп наклонился, словно хотел увидеть Джонни через ветровое стекло. Лицо гиганта обгорело еще больше. Кое-где солнце просто сожгло его. Нижнюю губу, отметил про себя Джонни, и кожу около правого виска.

Хорошо бы ему совсем сгореть!

Коп открыл водительскую дверцу, пригнулся и уставился на пленника. Ноздри его расширились. Джонни показалось, что каждая из них размером с дорожный тоннель.

— Ты набздел в моей машине, лорд Джим? Если так, то в городе я прежде всего поставлю тебе большую клизму.

— Нет, — ответил Джонни, почувствовав, что из носа в горло вновь потекла кровь. — Воздух я не портил.

Слова копа разом успокоили его. *В городе я прежде всего поставлю тебе большую клизму.* Значит, этот псих не вытащит его из машины, не размажет мозги по асфальту, не похоронит рядом с мотоциклом.

А может, так он пытается ублажать мою бдительность? Ждет, пока я расслаблюсь, чтобы ему было легче сделать... Что? Да все, что ему заблагорассудится.

— Ты боишься? — спросил коп, все еще глядя на Джонни через металлическую сетку. — Говори правду, лорд Джимми, лгать мне бесполезно. Тэк!

— Конечно, я боюсь. — «Конечно» превратилось у Джонни в «конесно», он гнусавил, как при сильной простуде.

— Хорошо. — Коп сел на краешек сиденья, снял шляпу и посмотрел на нее. — Не подходит. Ту, что подходила, уничтожила эта чертова певица. Даже не спела «Улетая на гребаном самолете».

— Это плохо, — вырвалось у Джонни, хотя он понятия не имел, о чем идет речь.

— Губы, которые лгут, надобно держать на замке. — Коп бросил шляпу, которая ему не подходила, на пассажирское сиденье. Она приземлилась на металлическую ленту, усеянную сотнями острых штырей. А коп всей своей массой обрушился на водительское сиденье.

Спинка прижала левую ногу Джонни к заднему сиденью.

— Приподнимитесь! — завопил Джонни. — Вы сломаете мне ногу! Приподнимитесь, чтобы я мог вытащить ее! Господи, вы же меня убиваете!

Коп не ответил, но давление на ногу Джонни усилилось. Он обхватил ее обеими руками и с неимоверным усилием вырвал из зазора между спинкой и задним сиденьем. В результате кровь вновь хлынула ему в горло, и он едва не задохнулся.

— Мерзавец! — выкрикнул Джонни, харкнув кровью.

Коп ничего не замечал. Он сидел, наклонив голову и барабанил пальцами по рулю. Дыхание с трудом вырывалось у него из груди, и Джонни сначала подумал, не копирует ли коп его, но потом решил, что нет. *Надеюсь, что у него астма. Надеюсь, этот приступ его и задушит.*

— Послушайте. — Он попытался изгнать ненависть из своего голоса. — Мне нужно что-нибудь обезболивающее. Ужасно болит нос. Хотя бы аспирин. У вас есть аспирин?

Коп молчал и лишь барабанил пальцами по рулю.

Джонни открыл было рот, чтобы сказать что-то еще, но передумал. Боль страшная, это точно, такой он никогда еще не испытывал, даже в восемьдесят девятом, когда выходил камень, и то было легче, но умирать-то он не хотел. А судя по позе копа, пусть и безумца, тот о чем-то думал, и мешать ему не следовало, потому что он мог выбрать самый простой способ, чтобы избавиться от помехи.

Поэтому Джонни молчал и ждал.

Время шло. Тени от гор стали гуще, надвинулись, но койоты молчали. Коп все сидел, наклонив голову и барабанил пальцами по рулю, словно в глубоком раздумье, даже не поднял головы, когда на восток промчался еще один трейлер, а на запад — легковушка, обогнувшая неподвижную патрульную машину с включенной мигалкой по широкой дуге.

Потом коп поднял с переднего сиденья двустволку и уставился на нее.

— Наверное, та женщина не певица, но она пыталась меня убить, тут-то сомнений нет. Из этой вот штуковины.

Джонни молчал. Лишь гулко колотилось сердце.

— Тебе не удалось написать роман, возвышающий душу. — Говорил коп медленно, словно он тщательно подбирал каждое слово. — Эта неудача прошла мимо внимания критиков, чем и обусловлено твое наглое самодовольство. У тебя нет интереса к духовности. Ты насмехаешься над Богом, который создал тебя, и тем самым ты умерщвляешь свою *пневму* и прославляешь грязь, которая и есть твой *сарк*. Ты меня понимаешь?

Джонни открыл было рот и снова закрыл. Отвечать или не отвечать, вот в чем вопрос.

Дилемму разрешил за него коп. Не оглядываясь, даже не посмотрев в зеркало заднего обзора, он положил двойной ствол на правое плечо, направив его на сетку. Джонни, следуя интуиции, метнулся влево, подальше он черных зияющих дыр.

А стволы, хоть коп и не поднимал головы, последовали за ним, словно ими двигал управляемый радаром сервомотор.

Должно быть, у него на коленях зеркало, подумал Джонни. Но ведь оно ему никак не может помочь. Он увидит разве что крышу этой гребаной машины. Что же тут происходит?

— Отвечай мне. — Голос копа звучал мрачно и задумчиво. Головы он так и не поднял. Пальцы свободной руки продолжали барабанировать по рулю. Очередной порыв ветра хлестнул пылью по ветровому стеклу. — Теперь отвечай мне. Я ждать не буду. Не могу ждать. Еще

один едет сюда. Поэтому... Ты понял, что я тебе сказал?

— Да. — Голос Джонни дрожал. — Пневма — древнее слово, обозначающее душу. Сарк — тело. Вы сказали, поправьте меня, если я не прав,
(только не двустволкой, пожалуйста, не двустволкой)

что я игнорировал свою душу ради тела. И вы, возможно, правы. Еще как правы.

Джонни сдвинулся вправо. Стволы последовали за ним, хотя он мог поклясться, что пружины заднего сиденья не скрипнули, а коп не мог видеть его, если, конечно, не смотрел на экран монитора, а заднее сиденье при этом не обозревала скрытая камера.

— Не лсти мне, — устало бросил коп. — Этим ты лишь усугубишь свою вину.

— Я... — Джонни облизал губы. — Извините. Я не хотел.

— *Сарк* — не тело; сома — тело. *Сарк* — плоть тела. Тело сотворено из плоти, слово это часто повторяется после рождения Иисуса Христа, но тело — нечто большее, чем плоть, из которой оно сотворено. Сумма больше, чем составляющие. Неужели такому интеллектуалу, как ты, это трудно понять?

Двойной ствол двигался и двигался. Как самонаводящаяся боеголовка.

— Я... я никогда...

— Так не думал? Да перестань. Даже при твоей духовной наивности ты должен понимать, что курица, поданная на обед, и живая курица не одно и то же. *Пневма... сома... с-с-с...*

Голос копа завибрировал, как у человека, что-то рассказывающего, внезапно захотевшего чихнуть, но все равно пытающегося закончить мысль. Он бросил ружье на пассажирское сиденье, глубоко вдохнул, отчего спинка подалась назад, вновь едва не прищемив левую ногу Джонни, а затем чихнул. Из рта вылетели не слюна и сопли, а кровь и что-то красное, блестящее, похожее на нейлоновую сетку. Все это, плоть гортани и бронхов, а может, и легких копа, выплеснулось на ветровое стекло, руль, приборный щиток. Пошел отвратительный запах гнилого мяса.

Джонни закрыл руками лицо и закричал. Не мог не закричать. Он чувствовал, как под пальцами в глазницах пульсируют глаза, как мгновенно подпрыгнул уровень адреналина в крови.

— Господи, нет ничего хуже летней простуды, правда ведь? — пробасил коп, откашлялся и выплюнул остатки гадости, забивавшей горло, на приборный щиток. Плевков на мгновение застыл, а потом пополз вниз, на рацию, оставляя за собой кровавую полосу, повисел на боковой поверхности рации и упал на коврик.

Джонни застонал, не отрывая рук от лица.

— Это был *сарк*. — Коп завел двигатель. — Ты, возможно, хочешь это запомнить. Я бы мог сказать «для своей следующей книги», но не думаю, что будет следующая книга. Не так ли, мистер Маринвилл?

Джонни не ответил, он по-прежнему сидел, прижав руки к лицу и закрыв глаза. Возникла мысль, что ничего этого нет, что он сидит в каком-нибудь дурдоме и галлюцинирует. Но разумом Джонни понимал, что это неправда. Запах той гадости, которую отхаркнул коп...

Этот псих умирает, он должен умереть, это инфекция и внутреннее кровотечение, он болен, его безумие — лишь симптом другой болезни, возможно, облучения, возможно, свинки, возможно...

Коп развернул «каприс» и погнал его на восток. Джонни еще немного подержал руки у

лица, чтобы хоть немного прийти в себя, потом убрал их и открыл глаза. Он посмотрел в окно рядом с собой, и у него отвисла челюсть.

Койоты сидели вдоль дороги через каждые пятьдесят ярдов, как почетный караул. Молчаливые, желтоглазые, с вывалившимися языками. Вроде бы улыбались.

Джонни развернулся к противоположному окну. Те же койоты, сидящие в пыли, в лучах катящегося к горизонту солнца, наблюдающие за проносящейся мимо патрульной машиной.

Это тоже симптом? — спросил себя Джонни. То, что я вижу перед собой, это тоже симптом? Если так, то каким образом я могу его видеть?

Он посмотрел в заднее стекло. Койоты разбегались; как только «каприс» проезжал мимо, они поворачивались и убегали в пустыню.

— Ты многому научишься, лорд Джим, — раздался голос копа, и Джонни повернулся к нему. Серые глаза наблюдали за ним в зеркало заднего обзора. — До того, как твое время истечет, я думаю, ты будешь понимать куда больше, чем теперь.

Впереди возник щит со стрелкой, обозначающей поворот к какому-то маленькому городку. Коп включил поворотник, хотя, кроме «каприса», других машин на шоссе не было.

— Я везу тебя в школьный класс, — продолжал коп. — Скоро начнутся занятия.

Он резко повернул направо, два колеса патрульной машины оторвались от земли, потом вновь коснулись асфальта. Теперь они мчались на юг, к огромному валу, опоясывающему открытый карьер, и городку, прилепившемуся у его подножия.

Стив Эмес нарушал одну из пяти заповедей, кстати сказать, последнюю в списке.

Пять заповедей были ему вручены месяц тому назад, но не Господом Богом, а Биллом Харрисом. Они сидели в кабинете Джека Эпплтона. В последние десять лет все книги Джонни Маринвилла шли через Эпплтона. Он присутствовал при передаче заповедей, но в разговоре принял участие разве что в самом конце, а так просто сидел, разглядывая свои ногти. Сам мэтр отбыл пятнадцатую минутой раньше, с высоко поднятой головой и развевающейся гривой седых волос, заявив, что у него назначена встреча в художественной галерее в Сохо^[23].

— Все эти заповеди начинаются со слов «ты не должен», и, я думаю, тебе не составит труда их запомнить, — изрек Харрис. Это был невысокий, полноватый, похоже, безвредный человек, который, однако, держался с королевским достоинством. — Ты меня слушаешь?

— Слушаю, — кивнул Стив.

— Первое, ты не должен с ним пить. Какое-то время он не пьет, по его словам, пять лет, но он перестал ходить на встречи «Анонимных алкоголиков», а это плохой признак. Но даже когда он еще туда ходил, Джонни иной раз позволял себе рюмку-другую. Однако один он пить не любит, поэтому, если он предложит тебе составить ему компанию после тяжелого дня на «харлее», ты должен ответить отказом. Он может начать настаивать, говоря, что это твоя работа, но ты все равно должен отказать ему.

— Нет проблем, — ответил Стив.

Харрис пропустил его слова мимо ушей. Он произносил речь и не желал отвлекаться.

— Второе, ты не должен снабжать его наркотиками. Чтоб ни единого «косяка». Третье, ты не должен искать для него женщин... а он может попросить тебя, особенно если заметишь смазливую мордашку на одном из приемов, которые я организую для него на маршруте. Если он сам добудет женщину, спиртное или наркотики, это его личное дело. Но ты ему не помогай.

Стив уже хотел сказать Харрису, что он не сутенер и что Харрис, должно быть, перепутал его с собственным папашей, однако решил в данной ситуации обойтись без грубостей и промолчать.

— Четвертое, ты не должен прикрывать его. Если он начнет пить или баловаться наркотиками, особенно если у тебя появятся основания думать, что он опять взялся за кокаин, немедленно связывайся со мной. Ты понял? *Немедленно!*

— Я понял, — ответил Стив, однако это еще не значило, что он выполнит все то, о чем его просят. Он решил, что хочет принять участие в этом проекте, несмотря на связанные с ним проблемы, а скорее именно из-за этих самых проблем, ведь без них жизнь теряет остроту. Но его решение отнюдь не означало, что он готов выполнять все указания этого пузатого недомерка с голосом переросшего ребенка, который всю свою взрослую жизнь пытался расквитаться за действительные или мнимые обиды, нанесенные ему на игровой площадке начальной школы. И хотя Джон Маринвилл тоже не подарок, Стив ничего против него не имел. А вот Харрис... Харрис дело другое.

В этот момент Эпплтон наклонился вперед и внес в разговор свою лепту, прежде чем

агент Маринвилла успел перейти к пятой заповеди.

— Какое впечатление произвел на вас Джонни? — спросил он. — Ему пятьдесят шесть лет, вы знаете, и он не слишком баловал свой организм, особенно в восьмидесятых. Трижды попадал в реанимацию, два раза в Коннектикуте, один раз здесь. Дважды с передозировкой наркотиков. Тут я не открываю каких-то тайн, пресса все это довольно долго мусолила. Последний раз Джонни попал в больницу после неудачной попытки самоубийства. Вот об этом никто не знает. И я прошу вас держать эту информацию при себе.

Стив кивнул.

— Так что вы скажете? — спросил Эпплтон. — Он действительно сможет протащить этот мотоцикл, весящий добрых полтонны, от Коннектикута до Калифорнии, по пути приняв участие в двадцати или больше встречах и презентациях? Я хочу знать ваше мнение, мистер Эмес, потому что лично я сомневаюсь в успехе.

Стив ожидал, что Харрис бросится в бой, защищая железные здоровье и волю клиента, но Харрис предпочел промолчать. Может, он не так уж и глуп, подумал Стив. А может, испытывает к этому клиенту какие-то человеческие чувства.

— Вы, парни, знаете его лучше меня. Черт, да я впервые встретился с ним две недели назад и не читал ни одной его книги.

По лицу Харриса Стив понял, что вторая часть фразы того не удивила.

— Именно поэтому я и спрашиваю вас, — ответил Эпплтон. — Я знаю Маринвилла с 1985 года, когда он еще тусовался в высшем свете, Билл — с 1965-го. Джонни — это Джерри Гарсия литературного мира^[24].

— Неудачное сравнение, — вставил Харрис.

Эпплтон пожал плечами:

— Как говаривала моя бабушка, свежему глазу виднее. Так скажите мне, мистер Эмес, ему это по силам?

Стив пришел к выводу, что вопрос серьезный, даже ключевой, поэтому подумал с минутой, прежде чем ответить. Эпплтон и Харрис его не торопили.

— Ну, я не знаю, сможет ли Маринвилл есть сыр на презентациях и держаться подальше от вина, а вот насчет того, доберется ли он на мотоцикле до Калифорнии... Вероятно, да. Парень он еще крепкий. И силенок у него, похоже, побольше, чем у Джерри Гарсия перед смертью. Я работал с многими рокерами моложе Маринвилла лет на двадцать пять, которые были отнюдь не здоровее его.

Однако Эпплтон все еще сомневался.

— А больше всего меня радует выражение его лица. Он *хочет* ехать в Калифорнию. Хочет вырваться на дорогу, дать кому-то под зад, записать чьи-то имена. И... — Стив подумал о своем любимом фильме «Омбре» с Полом Ньюменом и Ричардом Буном, который он смотрел по видео не реже раза в год, и улыбнулся. — Мне он кажется человеком с крепким стержнем.

— Ага. — Эпплтон, похоже, его не понял. Стива это не удивило. Если у Эпплтона и был когда-либо крепкий стержень, он лишился его за пару лет до выпускного вечера в Экзетере, или Чоуте, или в другом привилегированном учебном заведении, где его научили носить блейзеры и полосатые галстуки.

Харрис прокашлялся.

— Если мы с этим покончили, перейдем к последней заповеди...

Эпплтон застонал. Харрис повернулся к Стиву, делая вид, что не слышит.

— Пятая, и последняя, заповедь, — повторил он. — Ты не должен брать попутчиков в кабину твоего грузовика. Ни мужчин, ни женщин, особенно женщин.

Именно поэтому Стив Эмес не колебался ни секунды, когда увидел девушку, стоявшую на обочине на выезде из Эли. Худенькую девушку со сбитым набок носиком и волосами, выкрашенными в два цвета. Просто свернул на обочину и остановился.

2

Девушка открыла дверцу, но не стала сразу залезать в кабину, а уставилась на Стива своими большими синими глазами.

— Вы хороший человек? — спросила она.

Стив обдумал вопрос, потом кивнул:

— Да, полагаю, что да. Два или три раза в день я люблю выкурить сигару, но я никогда в жизни не ударил собаку, если она не бросалась на меня, и каждые шесть недель посылаю деньги своей маме.

— И вы не собираетесь распускать руки?

— Нет, — с улыбкой ответил Стив. Ему нравилось, как она смотрит на него, широко раскрыв глаза, не отрывая взгляда от его лица. Словно маленький ребенок на веселые картинки. — В этом вопросе я могу себя контролировать.

— И вы не маньяк-убийца?

— Нет, но с чего вы взяли, что я бы признался, если бы был им?

— Я, наверное, прочтала бы это по вашим глазам. — Она чуть улыбнулась. — Я экстрасенс. Не такой уж сильный, но кое-что могу. Есть у меня шестое чувство.

Мимо пролетел рефрижератор. Водитель не снимал руку с клаксона, хотя Стив выкатил «райдер» на обочину, а встречных машин не было видно. По наблюдениям Стива, в жизни встречаются люди, у которых руки так и тянутся или к клаксону, или к концу. И они постоянно нажимают то на одно, то на другое.

— Хватит вопросов, барышня. Хотите, чтобы вас подвезли, или нет? Мне пора ехать. — По правде говоря, он находился гораздо ближе к боссу, чем тот мог бы одобрить. Маринвиллу нравилось думать, будто он едет по Америке в полном одиночестве. Мистер Свободная Птичка, вырвавшаяся из клетки. Стив полагал, что именно в таком настроении Маринвилл и должен писать свою книгу. Ощущение полной свободы, что может быть лучше. Но и он, Стивен Эндрю Эмес из Лаббока^[25], должен делать свою работу, которая состояла в том, чтобы Маринвилл писал свою книгу за компьютером, а не на больничной койке или, не дай Бог, в гробу. С его точки зрения, проблема решалась просто: держись поближе к боссу и не позволяй ситуации выйти из-под контроля. Поэтому его отставание от Маринвилла не превышало семидесяти миль, хотя уговаривались они на сто пятьдесят. Но босс этого знать не мог, а потому не имел ничего против.

— Так поехали. — Она запрыгнула в кабину и захлопнула дверцу.

— Премного вам благодарен, булочка. Я тронут вашим доверием. — Стив убедился, что дорога свободна, и вырулил на асфальт.

— Не зовите меня так. Это сексуально.

— Булочка — сексуально?

Девушка поджала губы.

— Не зовите меня булочкой, а я не буду звать вас тортом.

Стив расхохотался. Ей, возможно, это и не понравилось, но он не мог сдержаться.

Искося глянув на девушку, он увидел, что она тоже смеется, снимая рюкзак, и решил, что все нормально. Он прикинул, что рост у нее пять футов шесть дюймов, а весит она при ее худобе никак не больше ста фунтов, скорее даже девяносто пять. Безрукавка, которую она носила, позволяла любому, кто сидел сбоку, обозревать ее грудь. Так что оставалось только удивляться, почему она опасалась столкнуться с насильником в кабине «райдера». С другой стороны, смотреть было не на что: бюст даже не нулевой номер, а скорее минус первый. Украшала безрукавку улыбающаяся черная физиономия на фоне сине-зеленых психоделических разводов. Поверх этой физиономии, складываясь в ореол, шли слова: «СДАВАТЬСЯ НЕ СОБИРАЮСЬ!»

— Вам, должно быть, понравился Питер Тош, — заметила девушка. — Не могли же вы заглядеться на мои сиськи.

— Я работал с Питером Тошем, — ответил Стив.

— Не может быть!

— Может. — Он глянул в зеркало заднего обзора и обнаружил, что Эли уже скрылся из виду. Просто удивительно, как быстро в здешних краях меняется ландшафт. Стив решил, что, будь он юной девушкой, которая ловит попутки, он бы тоже задал пару-тройку вопросов, прежде чем залезть в кабину к незнакомому мужчине. Не то чтобы из этого вышел какой-нибудь толк, но на всякий случай. Ведь в пустыне могло случиться что угодно.

— И когда вы работали с Питером Тошем?

— В восьмидесятом или восемьдесят первом. Точно не помню. «Мэдисон-сквер-гарден», потом Форест-Хиллз. В Форест-Хиллз компанию Тошу составил Дилан.

Девушка взирала на него с изумлением, однако в глазах ее не было ни тени сомнения.

— Однако! А что вы делали?

— Помогал ставить декорации. Потом занимался подготовкой электроаппаратуры. А теперь...

Действительно, чем он занимается теперь? Уж, во всяком случае, электроаппаратуру к концертам не готовит. Сопровождает знаменитостей. Иной раз берет на себя функции психоаналитика. И уж конечно, работает Мэри Поппинс, только в образе хиппи с длинными каштановыми волосами, в которых уже начала пробиваться седина.

— Теперь у меня другие дела. А как вас зовут?

— Синтия Смит. — Она протянула руку.

Стив ее пожал. Кисть длинная, легонькая, с тонкими косточками. Похожа на птичью лапку.

— Я Стив Эмес.

— Из Техаса.

— Да, из Лаббока. Наверное, акцент чувствуется, правда?

— Есть немного. — Синтия широко улыбнулась. — «Вырви парня из Техаса, он...»

Куплет они допели вместе, улыбаясь друг другу уже как друзья. Так случается часто, когда люди встречаются на пустынных дорогах Америки, проложенных по забытым Богом медвежьим углам.

хотя он уже мог считаться ветераном. Естественно, нельзя провести немалую часть сознательной жизни в музыкальном бизнесе и не стать непоседой. Впрочем, он не видел в этом ничего зазорного. Синтия рассказала ему, почему опасается мужчин: один чуть не оторвал ей левое ухо, а другой не так давно сломал нос.

— И тот, кто покусился на мое ухо, мне нравился, — добавила она. — К ушам я отношусь очень трепетно. К носу тоже, я думаю, по носу можно судить о характере человека, но уши мне дороже. Не знаю почему.

Стив посмотрел на ее ухо.

— Если уж тебе так дороги уши, — на ты они перешли, спев песню о тexasском парне, — почему ты не отращишь волосы? Прикрыла бы их.

— Никогда. — Синтия взбила волосы и наклонилась вправо, чтобы посмотреть в боковое зеркало. Половина волос, обращенная к Стиву, была зеленой, вторая — оранжевой. — Моя подружка Герт говорит, что я выгляжу, как бедная сиротка Энни. Поэтому я ничего менять не хочу.

— Так, может, стоит их завить, а?

Она улыбнулась, оправила юбку и положила руки на колени.

— Я пойду своим путем... совсем как Питер.

На свой путь Синтия вышла в семнадцать лет, когда покинула отчий дом и родителей, обычно не одобрявших ее поступки. Какое-то время она провела на Восточном побережье («Уехала, когда поняла, что скоро меня будут трахать только из жалости», — буднично объяснила она), потом перекочевала на Средний Запад, где «старалась избегать спиртного и наркотиков», и познакомилась с симпатичным парнем на вечеринке, устроенной «Анонимными алкоголиками». Симпатичный парень заявлял, что теперь он убежденный трезвенник. Как выяснилось позже, он лгал. Еще как лгал. Синтия, однако, все равно переехала к нему («Я так и не научилась разбираться в мужчинах», — тем же будничным голосом поведала она Стиву). В итоге как-то вечером симпатичный парень чем-то накачался и решил, что из левого уха Синтии получится отличная книжная закладка. Потом Синтия пожила в коммуне для наркоманов, решивших избавиться от своей пагубной привычки, даже какое-то время поработала там воспитателем, после того как женщину, возглавлявшую коммуну, убили и она могла закрыться.

— Энни убил тот самый парень, что сломал мне нос, — объяснила Синтия. — Плохой парень. Ричи, ну тот, что хотел использовать мое ухо в качестве книжной закладки, он только иногда становился буйным. А вот Норман был плохим человеком. Да еще и психом.

— Его арестовали?

Синтия покачала головой:

— Мы не могли допустить закрытия ДИС только потому, что один парень обезумел, когда от него ушла жена. Поэтому мы объединились, чтобы спасти коммуну. И спасли.

— ДИС?

— Сокращение от «Дочери и сестры». Там ко мне вернулась вера в себя. — Она смотрела в окно на проплывающую мимо пустыню, рассеянно потирая указательным пальцем сбитый набок нос. — В каком-то смысле этому помог и парень, который сломал мне нос.

— Норман.

— Да, Норман Дэниэлс, так его звали. По крайней мере я и Герт, это моя подружка, которая говорит, что я выгляжу, как сиротка Энни, выступили против него.

— Понятно.

— А в прошлом месяце я написала своим старикам. И указала обратный адрес. Думала, в ответном письме они постараются стереть меня в порошок, особенно отец. Он у меня был священником. Теперь-то он оставил приход, но...

— Вы можете вытащить парня из адского огня, но вам не вырвать адский огонь из парня, — вставил Стив.

Синтия улыбнулась.

— Именно этого я и ожидала, но письмо пришло совсем другое. Отличное письмо. Я позвонила им. Мы поговорили. Отец плакал. — По голосу чувствовалось, что Синтию это поразило. — Действительно плакал. Ты можешь в это поверить?

— Слушай, я восемь месяцев ездил с «Блэк саббат», так что я могу поверить всему. Значит, ты отправилась домой? Возвращение блудной булочки?

Она бросила на него сердитый взгляд.

Стив улыбнулся:

— Извини.

— Да ладно. В общем, ты прав.

— И где твой дом?

— В Бейкерсфилде^[26]. Кстати, а куда ты едешь?

— В Сан-Франциско. Но...

Синтия заулыбалась.

— Ты шутишь? Это же потрясающе.

— Но я не могу обещать, что повезу тебя туда. Я лишь могу сказать, что мы доедем до Остина, того, что в Неваде, а не в Техасе.

— Я знаю, где находится Остин, у меня есть карта. — Синтия одарила его взглядом, каким достаивают глупого старшего брата. Стив не возражал: девушка ему нравилась.

— Я готов подвезти тебя как можно ближе к дому, но затея, в которой я участвую, довольно-таки странная. Я, конечно, понимаю, что шоу-бизнес по природе не такой, как все остальное, но в данном случае... я хочу сказать... то есть...

Стив замолчал. А что, собственно, он хотел сказать? Его наняли сопровождать писателя, он его и сопровождал, но никак не мог определить своего отношения ни к этой поездке, ни к Джонни Маринвиллу. Знал он лишь одно: Джонни ни разу не попросил достать ему наркотики или женщину, а когда он открывал дверь номера на стук Стива, от него не пахло спиртным. Это все, что он мог сказать о поездке. А резюме он сформулирует позже.

— И что это за затея? В таком грузовике оборудование для целой группы не увезти. Или ты работаешь теперь с исполнителями народной музыки? Вроде Гордона Лайтфута?

Стив улыбнулся.

— Моего босса народ знает, только он не играет на гитаре или на гармонии. Он...

И тут заверещал сотовый телефон, лежавший на приборном щитке: *Би-и-и-н! Би-и-и-н!* Стив схватил его, но раскрыл не сразу. Повернулся к девушке.

— Не говори ни слова! — Телефон зазвонил в третий раз. — Иначе у меня могут быть неприятности. Понятно?

Би-и-и-н! Би-и-и-н!

Синтия кивнула. Стив откинул микрофон и нажал кнопку SEND на панели, принимая сигнал. Приложив трубку к уху, он отметил, что помехи очень сильные, и подивился, как это Джонни вообще удалось дозвониться до него.

— Привет, это вы, босс?

Помимо помех, в трубке что-то загудело, Стив подумал, что мимо босса проехал большой грузовик, а потом послышался голос Джонни Маринвилла. Сквозь помехи Стив уловил переполняющую этот голос панику, и у него учащенно забилося сердце. Ему доводилось слышать, как люди начинали говорить с такими интонациями (на любых гастролях такое случалось хотя бы раз), так что ошибиться он не мог. На Джонни Маринвилла наехала беда.

— Стив! Стив, я...редрягу! Серьез...

Он смотрел на дорогу, стрелой уходящую в пустыню, и чувствовал, как на лбу выступают капельки пота. Подумал о толстяке — агенте писателя с его заповедями и менторским тоном и тут же отмел эти мысли. Не время сейчас забивать голову Биллом Харрисом.

— Вы попали в аварию? Да? Что случилось, босс? Повторите!

Сплошной треск.

— Джонни... меня слышишь?

— Да, я вас слышу! — кричал Стив в телефонную трубку, зная, что это ничего не изменит. Но все равно кричал. Уголком глаза он отметил тревогу, появившуюся на лице девушки. — Что у вас случилось?

Ответа не было долго, и Стив решил, что связь утеряна. Он уже собрался положить трубку на приборный щиток, когда из нее донесся голос босса. Издалека, словно из соседней галактики.

— ...западу... Эли...тьдесят.

Пятьдесят, понял Стив. *«Я к западу от Эли на шоссе пятьдесят»*. Наверное, это он и сказал. Авария. Скорее всего. Маринвилл слетел на мотоцикле с дороги и теперь сидит со сломанной ногой и разбитой физиономией. А когда я привезу его в Нью-Йорк, эти парни разорвут меня на куски лишь по той причине, что не смогут разорвать его...

— ...знаю, как далеко... наверное, милях... впереди, на обочине... кемпер...

Опять треск помех, потом что-то про копов. Из дорожной полиции и городских.

— Что... — начала девушка.

— Ш-ш-ш! Не сейчас!

Из трубки вновь донеслось:

— ...мой мотоцикл... в пустыню... песком... в миле или чуть дальше на восток от кемпера...

На этом связь оборвалась. Стив раз десять выкрикнул: «Джонни!», но ответом ему была тишина. Стив кнопкой NAME/MENU вызвал на экран инициалы Джонни, Дж. М., вновь нажал на кнопку SEND. Заранее записанный голос вежливо пригласил его в Западную роуминговую сеть, затем последовала пауза, после которой другой записанный голос не менее вежливо сообщил, что не может соединить его с абонентом, и начал перечислять причины. Стив нажал кнопку END и захлопнул микрофон.

— Черт бы тебя побрал! — вырвалось у него.

— Все так плохо? — Синтия вновь смотрела на него широко раскрытыми глазами. — Я это вижу по твоему лицу.

— Возможно. — Стив нетерпеливо мотнул головой. — Звонил мой босс. Он на этом шоссе. Милях в семидесяти впереди, но может, и дальше. Едет на «харлее». Он...

— На большом красно-кремовом мотоцикле? — оживившись, спросила Синтия. — У него длинные седые волосы, как у Джерри Гарсия?

Стив кивнул.

— Я видела его сегодня утром, но гораздо восточнее. На автозаправке-кафетерии в Претти-Найс. Ты знаешь этот город, Претти-Найс?

Новый кивок.

— Я как раз завтракала и увидела его в окно. Еще подумала, что лицо у него знакомое. Вроде бы я видела его по телевизору, в программе у Опри или Рики Лейк.

— Он писатель. — Стив взглянул на спидометр. Стрелка колебалась у цифры 70, и он решил, что можно еще прибавить. Стрелка подкралась к 75. Пустыня за окнами побежала назад чуть быстрее. — Он едет через всю страну, собирая материал для новой книги. Иногда выступает, но главным образом ходит по улицам, беседует с людьми, записывает что-то интересное. А сейчас он попал в аварию. Во всяком случае, я думаю, что он попал в аварию.

— Связь отвратительная, правда?

— Даже хуже.

— Хочешь остановиться? Высадить меня? Это не проблема, если ты этого хочешь.

Стив задумался. Теперь, когда первоначальный шок прошел, к нему вернулось умение хладнокровно просчитывать варианты, которые могли возникнуть в аналогичных ситуациях. *Нет*, решил он, *я не хочу ее высаживать, совсем не хочу*. Обстоятельства, конечно, чрезвычайные, действовать надо без промедления, но это не означает, что он должен напрочь забыть о будущем. Эпплтон, несмотря на его блейзеры и полосатые галстуки, из тех, кто смиритсЯ с неудачей Маринвилла и поймет, что на трассе всякое может случиться. А вот Билл Харрис обязательно будет искать виновного и постарается, чтобы крайним оказался именно он, Стив.

И если уж ему отводилась такая роль, совсем неплохо запастьсЯ свидетелем... да еще таким, который раньше его в глаза не видел.

— Нет, я бы хотел, чтобы ты поехала со мной. Но должен прямо тебе сказать, я не знаю, что мы найдем. Может, и кровь.

— Крови я не боюсь, — отмахнулась Синтия.

4

Она никак не прокомментировала увеличение скорости, но пристегнулась, когда на восьмидесяти пяти милях грузовик затрясло мелкой дрожью. Стив еще сильнее вдавил в пол педаль газа, и на девяноста милях вибрация стихла. Обеими руками он крепко держал руль. Ветер усиливался, а на такой скорости его порыв вполне мог вынести грузовик на обочину, откуда недалеко и до откоса. Переворачиваться не хотелось. Да и не имел он на это права. *Боссу*, подумал Стив, *прикрытому лишь стеклом, ветер досаждал еще сильнее. Может, так все и произошло — мотоцикл вылетел на обочину*.

Он уже рассказал Синтии о своих основных обязанностях: бронировать номера в гостиницах, проверять маршруты, опробовать микрофоны в залах, где предстояло выступать боссу. А главное, не путатьсЯ у Джонни Маринвилла под ногами, не смазывать тот образ, в который входил Джонни: одинокий волк, писатель, который не потерял хватки и умения общаться с простыми людьми без посредников.

Кузов грузовика, сказал он Синтии, пуст, за исключением кое-каких запасных деталей да длинного деревянного трапа, по которому Джонни смог бы загнать мотоцикл в кузов, если б погода не позволила ему оставаться в седле. Поскольку дело происходило летом, вероятность

стихийных бедствий приближалась к нулю, но трап мог потребоваться по иной причине, которая не упоминалась ни Стивом, ни Джонни, хотя оба знали о ней еще до выезда из Уэстпорта, штат Коннектикут. В одно прекрасное утро Джонни Маринвилл мог проснуться и решить, что не хочется ему и дальше ехать на «харлее».

Или у него нет больше сил.

— Я слышала о нем, — Синтия смотрела в окно, — но не читала ни одной его книги. Мне нравится Дин Кунц и Даниэла Стил. Читаю-то я для удовольствия. А вот мотоцикл у него отличный. И седые волосы. Рок-н-рольные волосы.

Стив кивнул.

— Ты действительно тревожишься из-за него или тебя волнует, что будет с тобой?

Если бы этот вопрос задал кто-то еще, Стив бы возмутился, но в тоне Синтии он не уловил осуждения. Только любопытство.

— И первое, и второе.

Она понимающе качнула головой.

— Сколько мы проехали?

Стив взглянул на счетчик километража.

— Сорок пять миль с того момента, как оборвалась связь.

— Но ты не знаешь, откуда он звонил?

— Нет.

— Думаешь, он сам влетел в аварию или кого-то сбил?

Стив в изумлении взглянул на девушку. Именно этого он опасался больше всего. Того, что Джонни кого-то сбил, но вслух он об этом не говорил.

— Боюсь, что, кроме Джонни, пострадал кто-то еще. Он что-то сказал насчет дорожной полиции и городских копов. Возможно: «Не звони в дорожную полицию, только городским копам». Но полной уверенности у меня нет.

Синтия указала на сотовый телефон на приборном щитке.

— Нет. — Стив покачал головой. — В полицию я не стану звонить, пока не пойму, в какую он вляпался историю.

— И я обещаю, что не напишу об этом в свидетельских показаниях, если ты больше не будешь называть меня булочкой.

Он улыбнулся, хотя ему было не до веселья:

— Возможно, это хорошая идея. Ты всегда можешь сказать...

— Что твой телефон не работал, — закончила она. — Я знаю, какие они привередливые.

— Ты молодец, Синтия.

— Да и ты неплохой парень.

На скорости девяносто миль в час они буквально летели над дорогой. В шестидесяти милях западнее того места, где оборвалась связь с Джонни, Стив начал снижать скорость. По две мили на каждую оставленную позади. Ни одна патрульная машина им не повстречалась, и Стив расценил это как добрый знак. Он поделился своими выводами с Синтией, но девушка с сомнением покачала головой.

— Странно это, знаешь ли. Если б в аварию попали твой босс и кто-то еще, нас бы обязательно обогнала хотя бы одна патрульная машина. А может, и «скорая помощь».

— Они могли подъехать с другой стороны, с запада...

— Если верить моей карте, следующий город на шоссе — Остин, а до него гораздо

дальше, чем до Эли. Так что машины с сиренами могли приехать только с востока. То есть догнать и обогнать нас. Я права?

— Похоже на то.

— Так где же они?

— Не знаю.

— Я тоже.

— Что ж, будем поглядывать по сторонам... Только что нам искать? Наверное, что-нибудь необычное.

— Я поглядываю. Только сбавь скорость.

Стив посмотрел на часы: без четверти шесть. Тени заметно удлиннились, но жара не спадала. Если Маринвилл на дороге, они обязательно его увидят.

Увидим, вне всякого сомнения, думал Стив. Он будет сидеть на обочине с разбитой головой и порванными при падении джинсами. И записывать в блокнот свои ощущения. Слава Богу, он едет в шлеме. Если б не шлем...

— Я что-то вижу! Впереди! — прозвенел голос девушки.левой рукой она прикрывала глаза от солнца, а правой тыкала в ветровое стекло. — Вон там. Может... черт, нет. Для мотоцикла великовато. Больше похоже на дом на колесах.

— Я думаю, отсюда он и звонил. Плюс-минус полмили.

— С чего ты так решил?

— Он сказал, что чуть дальше на обочине стоит кемпер. Эти слова я услышал отчетливо. Сказал, что находится примерно в миле к востоку от него. Там, где мы сейчас, поэтому...

— Можешь не напоминать. Я смотрю во все глаза. Смотрю.

Стив сбросил скорость до тридцати миль в час, а по мере приближения к кемперу «райдер» уже полз как черепаха. Синтия опустила стекло и высунулась из окна. Безрукавка задралась, обнажив худенькую спинку, разделенную пополам выпирающим позвоночником.

— Что-нибудь увидела? — спросил Стив. — Хоть что-нибудь?

— Нет. Что-то блестит, но далеко от дороги, туда бы его не вынесло, если бы он перевернулся. Или если бы ветер снес его с асфальта.

— Может, это солнце отражается от кварца?

— Может быть.

— Не вывались из окна, девочка.

— Не вывалюсь. — Она моргнула и дернула щекой: ветер швырнул песком ей в физиономию.

— Если это тот самый кемпер, о котором он упоминал, то мы проехали место, откуда он звонил.

Синтия кивнула:

— Но ты не останавливайся. Если в кемпере кто-то есть, они могли видеть его.

Стив хмыкнул.

— «Они могли видеть его». Ты этому научилась, читая Дина Кунца и Даниэлу Стил?

Синтия бросила на него лишь один взгляд, но Стив увидел, что шпилька задела ее.

— Извини. Я пошутил.

— Правда? — холодно ответствовала она. — А вот скажи мне, мистер Большой Техасский Сопровождающий, ты читал хоть что-нибудь, написанное твоим боссом?

— Ну, он дал мне номер «Харперса» со своим рассказом «Погода, посланная небесами». Так, кажется, он назывался. Естественно, я его прочитал. От первого до последнего слова.

— И ты понял каждое слово?

— Да нет. Послушай, напрасно я тебя поддел. Я извиняюсь. Искренне.

— Хорошо. — Но по тону чувствовалось, что ему дан испытательный срок.

Стив открыл рот, надеясь выдать что-то забавное, чтобы развеселить ее, но тут его взгляд упал на кемпер, благо они находились совсем рядом.

— Эй, а что это такое? — спросил он скорее себя, чем девушку.

— Ты о чем? — Она повернулась и уставилась в ветровое стекло, когда Стив осторожно свернул на обочину и поставил «райдер» в затылок кемперу.

— Парень, видать, проехался по гвоздям. Все колеса спущены, — пояснил Стив.

— Да. А почему те же гвозди не прокололи твои колеса?

К тому времени как он сформулировал мысль о том, что обитатели кемпера из чувства гражданского долга собрали все гвозди, девушка с панковской двухцветной прической уже выскочила из кабины и шагала к кемперу.

Спрыгнул на землю и Стив. Ветер с такой силой ударил ему в лицо, что едва не отбросил назад. Обжигающий ветер, словно дул он из печи.

— Стив! — Голос девушки изменился. Присущая ей дерзость, даже развязность, пропала. — Подойди сюда. Мне это не нравится.

Синтия стояла у боковой двери кемпера. Сама дверь не заперта, лесенка опущена. Но смотрела Синтия не на дверь и не на лесенку. На земле, наполовину занесенная песком, лежала кукла со светлыми волосами и в ярко-синем платье. Лежала лицом вниз, покинутая хозяйкой. Стив на куклу смотреть не стал. Странно, конечно, кукла около кемпера, на пустынной дороге, но едва ли она заслуживала особого внимания.

Он открыл дверь, сунул голову в кемпер. В салоне царила жара, не меньше ста десяти градусов^[27].

— Эй? Есть тут кто-нибудь?

Ответ он знал заранее. Если бы в кемпере кто-то был, двигатель бы работал, обеспечивая энергией систему кондиционирования.

— Побереги голосовые связки. — Синтия подняла куклу, вытряхнула песок из ее волос и складок платья. — Кукла не из тех, что продаются в дешевеньких магазинчиках. Конечно, стоит она не миллионы, но достаточно дорогая. И кто-то ее очень любил. Смотри. — Синтия расправила подол, и Стив увидел маленькую аккуратную заплатку того же цвета, что и все платье. — Если бы девочка, которой принадлежала эта кукла, была здесь, ее любимица не валялась бы на земле, это я могу гарантировать. Вопрос в том, почему она не взяла куклу с собой и куда отправилась вместе с родителями? Или почему хотя бы она не положила куклу в салон?

Синтия поднялась на одну ступеньку, замялась и посмотрела на Стива.

— Заходим?

— Не могу. Я должен найти босса.

— На минутку, хорошо? Не хочу входить туда одна. Прямо-таки «Андреа Дориа».

— Ты хочешь сказать: «Мария Селеста». «Андреа Дориа»^[28] утонула.

— Ладно, пусть так. Зайдем, много времени это не займет. И потом... — Она замолчала.

— По-твоему, покинутый кемпер как-то связан с моим боссом? Ты так думаешь?

Синтия кивнула:

— Связать одно с другим не так уж сложно. Я хочу сказать, пропал и твой босс, и обитатели кемпера, так ведь?

Стиву не хотелось с этим соглашаться — к чему взваливать на себя лишние заботы. Синтия это поняла по выражению его лица и махнула рукой.

— Черт с тобой, погляжу сама.

Она вошла в кемпер с куклой в руках. Стив пару секунд задумчиво смотрел на девушку, потом последовал за ней. Синтия оглянулась, кивнула, положила куклу на одно из кресел и вытерла лоб.

— Жарко, однако.

И прошла в салон кемпера. Стив же направился в кабину. На приборном щитке перед пассажирским сиденьем лежали три стопки фотографий бейсболистов, аккуратно рассортированные по командам: «Кливлендские индейцы», «Краснокожие из Цинциннати», «Пираты Питсбурга». Повертев их в руках, Стив увидел, что половина снимков подписана. На обороте фотографии Элберта Белля он прочитал: «Дэвиду. Не останавливайся на полпути! Элберт Белль». На другой, из стопки Питсбурга: «Посмотри на мяч, прежде чем ударить, Дэйв. Твой друг Энди ван Стайк».

— Тут был и мальчик, — слышался голос Синтии. — Если, конечно, девочка играла не только в куклы, но и в «Джи-ай Джо», «Судью Дредда» и «Мотокопов».

— Да, был. — Стив положил карточки Элберта Белля и ван Стайка в соответствующие стопки. *Мальчик взял их только потому, что они ему очень дороги*, подумал Стив, чуть улыбнувшись. *Просто не мог оставить их дома*. — Его зовут Дэвид. Я узнал об этом из архивных документов.

Стив вытащил из-под зажима в средней части приборного щитка квитанцию, полученную на автозаправке. Выдана Ральфу Карверу из Огайо, вроде бы из Уэнтурта, буквы в названии города немного расплылись.

— А больше ты ничего о нем не знаешь? — спросила Синтия. — Фамилию? Город?

— Дэвид Карвер. — Улыбка Стива стала шире. — Папа — Ральф Карвер. Едут они из Уэнтурта, штат Огайо. Это рядом с Колумбусом. Я побывал в Колумбусе в восемьдесят шестом, когда там гастролировал Южный Джонни.

Синтия подошла к кабине с куклой в руке. Снаружи завывал ветер, бросая песок в борт кемпера.

— Ты это все выдумал!

— Нет. — Он протянул Синтии квитанцию. — Отсюда я узнал о Карвере. А Дэвиду посвящены надписи на этих фотографиях. Причем сделаны они очень дорогими чернилами, это я знаю точно.

Синтия взяла фотографии, просмотрела их и повернулась к Стиву. Лицо ее блестело от пота. Стив тоже вспотел, он чувствовал, что все его тело покрыто липкой пленкой.

— Куда же они отправились?

— В ближайший город, за помощью. Может, их кто-то подвез. Ты не помнишь из своей карты, что тут есть?

— Нет. Город вроде бы был, но названия я не припоминаю. Но если они и отправились туда, почему не заперли все двери? Все вещи-то остались здесь. — Она обвела рукой салон. — Знаешь, что лежит на кушетке?

— Нет.

— Шкатулка с драгоценностями жены. Керамическая лягушка. Кольца и сережки кладут ей в рот.

— Кучеряво. — Стиву хотелось побыстрее выбраться из кемпера. Не только из-за жары

или потому, что ему не терпелось найти босса. Стив хотел выбраться отсюда, потому что этот кемпер действительно напоминал гребаную «Марию Селесту». Очень уж легко представить себе вампиров, прячущихся в шкафах, вампиров в бермудах и футболках с надписью: «Я ВЫЖИЛ НА ШОССЕ ПЯТЬДЕСЯТ, САМОЙ ПУСТЫННОЙ ДОРОГЕ АМЕРИКИ».

— Действительно, шкатулка изящная, но не в этом дело. В ней две пары сережек и кольцо. Не очень дорогие, но и не бижутерия. Кольцо, мне кажется, с турмалином. Так почему?..

Тут Синтия увидела что-то под зажимом для карт, в стопке зажатых им бумажек, протянула руку и достала несколько купюр, схваченных серебряной скрепкой. Она быстро пересчитала их и всунула обратно под зажим.

— Сколько? — спросил Стив.

— Примерно сорок. А скрепка стоит раза в три больше. Говорю тебе, путник, здесь дурно пахнет.

Ветер с такой силой бросил песок в северный борт кемпера, что его качнуло на спущенных колесах. Стив и Синтия переглянулись. Стив посмотрел в застывшие глаза куклы. *Что здесь произошло, дорогая? Что ты видела?*

Он повернулся к двери.

— Пора звать копов? — спросила Синтия.

Стив быстро глянул на нее, потом протиснулся к двери и спустился по лестенке.

Синтия догнала его.

— Слушай, считай, что мы квиты, ладно? Ты посмеялся над моей речью, я — над твоей... уж не знаю чем.

— Интуицией.

— Интуицией, ты это так называешь? Хорошо. Скажи, что мы квиты. Пожалуйста. Я так испугана, что боюсь описать.

Стив улыбнулся:

— Ладно. Квиты так квиты.

— Хочешь, чтобы я села за руль грузовика? Я смогу отсчитать милю по счетчику, чтобы определить границу поиска.

— Ты сможешь развернуться... — Тут мимо них со скоростью семьдесят миль промчался трейлер с надписью на борту «КЛИНЕКС СМЯГЧАЕТ УДАР». Синтию качнуло, она прикрыла глаза рукой от летящего песка. Стив обнял девушку за худенькие плечики, опасаясь, что ветер сшибет ее с ног. — ...не завязнув?

Она бросила на него оскорбленный взгляд и высвободилась.

— Естественно.

— Ну... пусть будет полторы мили, ладно? Возьмем с запасом.

— Хорошо. — Синтия направилась к «райдеру», но у кабины обернулась. — Я как раз вспомнила название маленького городка, что находится неподалеку. — Она махнула рукой на восток. — Славненькое название. Тебе понравится, Лаббок.

— Как он называется?

— Безднадега. — Синтия улыбнулась и забралась в кабину.

Стив медленно шел на восток по обочине полосы, ведущей на запад. Он помахал рукой, но не поднял головы, когда Синтия медленно проехала мимо.

— Я понятия не имею, что ты ищешь, — крикнула она.

И уехала, прежде чем он успел ответить, что и сам этого не знает. Следы? Нелепо, при таком-то ветре. Кровь? Осколки хрома или стекла? Скорее всего. А вот знал он другое. В-первых, интуиция не просто просила, но настаивала на поиске. А во-вторых, у него из памяти не выходили синие стеклянные глаза куклы. Любимой куклы одной маленькой девочки... только эта маленькая девочка оставила свою синеплатьевую Алису валяться в пыли. Мама оставила драгоценности, папа — деньги, сынишка Дэвид — фотографии бейсболистов с автографами.

— Почему?

Далеко впереди Синтия развернула желтый грузовик, теперь его ветровое стекло вновь смотрело на запад. Прodelала она это очень аккуратно, лишь один раз подав грузовик назад. Потом Синтия выскочила из кабины и направилась к Стиву, практически не глядя под ноги, однако именно она нашла то, что требовала найти его интуиция.

— Эй! — Синтия наклонилась, что-то подобрала и стряхнула с этого чего-то песок.

Стив поспешил к ней.

— Что? Что это?

— Маленький блокнот. — Синтия протянула блокнот Стиву. — Он тут действительно был. На обложке вытиснено «Дж. Маринвилл». Видишь?

Стив взял блокнот, быстро пролистал его. Схемы маршрутов, которые он сам и рисовал, торопливые записи, главным образом насчет прошедших приемов и презентаций. *Патриция Франклин, Сент-Луис. Рыженькая, большие буфера. Не называть ее при всех Пат или Патти! Название организации «Друзья открытых пространств». Билл также говорил, что П.Ф. — известная защитница прав животных.* На последней использованной им странице нацарапано начало размашистой подписи босса:

И все. Словно он собрался дать кому-то автограф, но расписаться так и не успел.

Стив посмотрел на Синтию. Она стояла, скрестив руки под худосочной грудью, и потирала локти.

— Б-р-р-р! Я понимаю, что замерзнуть здесь невозможно, но мне холодно. Чем дальше, тем страшнее.

— Как получилось, что блокнот не унесло ветром?

— Повезло. Он приткнулся к большому камню, а потом нижнюю часть прижало песком. Совсем как куклу. Если бы твой босс выронил блокнот в шести дюймах левее или правее, тот сейчас был бы на полпути к Мексике.

— С чего ты решила, что он выронил блокнот?

— А ты придерживаешься другого мнения?

Стив открыл рот, чтобы сказать, что пока он об этом даже не думал, но тут все мысли вылетели из его головы. Потому что он разглядел в пустыне что-то блестящее, наверное, в том же месте, где и Синтия, когда они еще ехали к кемперу. Только теперь они стояли на

месте, так что не двигался и блестящий предмет. И уж конечно, речь шла не о вкраплениях кварца, в этом Стив мог поклясться. Вот тут он впервые по-настоящему испугался и побежал в пустыню, побежал к блестящему предмету, прежде чем окончательно осознал, что делает.

— Эй, чего ты так припустил? — В голосе Синтии слышалось изумление. — Подожди!

— Нет, оставайся на дороге! — бросил он в ответ.

Первые сто ярдов Стив действительно пробежал, держа курс на блестящий в лучах солнца предмет (очертания его становились все более знакомыми), а потом у него закружилась голова, и пришлось останавливаться. Стив нагнулся, уперевшись руками в колени, чувствуя, как дают о себе знать все сигары, выкуренные им за последние восемнадцать лет.

Когда же приступ головокружения прошел и каждый удар сердца перестал молотом отдаваться в ушах, он услышал позади себя учащенное дыхание. Синтия предпочитала спринту бег трусцой. Она вспотела, кудряшки немного распрямились, но в остальном девушка прекрасно себя чувствовала.

— Ты прицепилась... как... банный лист, — прокомментировал Стив ее появление.

— Как приятно это слышать. Можешь отцепить этот лист и использовать как закладку в гребаной книжке. У тебя, часом, не сердечный приступ? Сколько тебе лет?

Он с трудом выпрямился.

— Слишком много, чтобы интересоваться такими цыплятами, как ты, и со мной все в порядке. Благодарю за заботу.

На шоссе легковушка бибикнула, но промчалась мимо грузовика, не снижая скорости. Синтия и Стив обернулись. На этой дороге появление каждой машины — событие.

— Слушай, а может, оставшуюся часть пути пройдем пешком? То, что там лежит, никуда не денется.

— Я знаю, что это, — ответил Стив.

Но последние двадцать ярдов он все-таки пробежал. После чего рухнул на колени, словно туземец перед божеством. Кто-то похоронил в пустыне «харлей» босса. Похоронил небрежно, частично забросав песком. Ветер уже очистил половину руля и принялся за вторую.

Тень девушки упала на Стива, он поднял голову, хотел сказать, что он не какой-то идолопоклонник, но ни звука не сорвалось с его губ. Впрочем, он сомневался, что Синтия услышала бы его. Ее широко раскрытые, испуганные глаза не отрывались от мотоцикла. Она встала на колени рядом с ним, начала рыть песок справа от руля и сразу же нашла шлем босса. Подняла его, высыпала песок и отложила в сторону. Порылась там, где он лежал. Стив наблюдал за ней, не зная, выдержат ли ноги тяжесть его тела, если он попытается подняться. В голову лезли истории, вычитанные в газетах, о телах, найденных совершенно случайно там, где им быть не следовало.

Синтия отрыла часть корпуса. Металл, выкрашенный в кремовый и красный цвета. И буквы. ХАРЛ... Начальные буквы названия известнейшей фирмы и ее мотоциклов.

— Он самый, — выдохнула Синтия. — Этот мотоцикл я и видела, все точно.

Стив схватился за рукоятки, потянул. Никакого эффекта. Его это не удивило. Тянул-то он слабовато. Внезапно его осенило. Тревожился-то он не из-за босса. Нет. Волновало его другое. Да еще это ощущение, странное ощущение, словно...

— Стив, мой новый добрый друг, — пискнула Синтия, оторвавшись от бака с горючим, который она уже наполовину отрыла, — ты подумаешь, что это глупо, что именно такие

слова произносят бестолковые барышни в фильмах, но, мне кажется, за нами наблюдают.

— Не вижу ничего глупого. — Он продолжил очистку бака. Крови нет. Спасибо, Господи, и на этом. Впрочем, кровь могла обнаружиться на другой части мотоцикла. Или похороненное под ним тело. — Я ощущаю то же самое.

— Может, нам убраться отсюда? — В голосе девушки слышалась мольба. Рукой она стерла со лба пот. — Пожалуйста.

Стив встал, и они зашагали к шоссе. Когда Синтия протянула руку, он с радостью сжал ее.

— Господи, чувство-то какое сильное. Тебе тоже так показалось?

— Да. Я не думаю, будто это значит что-то, кроме сильного испуга, но все так... сильно. Как...

Издалека долетел вой. Синтия дернулась, что есть силы стиснув руку Стива.

— Что это? Господи, что это?

— Койот, — объяснил он. — Как в вестернах. Они нам вреда не причинят. Разожми пальцы, Синтия, мне больно.

Она вроде бы разжала, но к первому койоту присоединился второй, так что они завывали дуэтом. И пальцы Синтии сжались с прежней силой.

— Они же от нас далеко. — Теперь Стив думал лишь о том, как высвободить руку. Такая хрупкая на вид девушка, а силища о-го-го. — Не волнуйся, детка, они скорее всего в соседнем округе.

Синтия освободила его руку и повернулась к нему, на лице ее читался испуг.

— Ладно, они от нас далеко, они в соседнем округе, они звонят из Калифорнии по сотовому телефону, но я не люблю кусачих тварей. Я их боюсь. Мы возвращаемся к грузовику?

— Да.

Синтия шагала бок о бок со Стивом, а когда вновь послышался вой, не схватила его за руку: койот действительно выл очень далеко, и вой не повторился. Стив обошел кабину и тут же почувствовал, что ощущение, будто за ним наблюдают, пропало. Страх остался, но исключительно за босса. Если Джон Эдуард Маринвилл умрет, первые полосы газет заполнят аршинные заголовки, и уж про Стива Эмеса упомянуть не забудут. Причем едва ли напишут что-то хорошее. Стив Эмес не уберег великого человека, не смог натянуть страховочную сеть, когда Большой Папа свалился с трапеции.

— Чувство, что за тобой наблюдают... — нарушила молчание Синтия. — Может, это койоты? Как по-твоему?

— Возможно.

— Что теперь?

Стив глубоко вздохнул и потянулся за сотовым телефоном.

— Время звонить копам.

Он набрал 911, но услышал то, что и ожидал. Голос автомата принес извинения за то, что в данный момент не может соединить его с абонентом. Босс-то прорвался сквозь помехи, но, похоже, ему просто повезло. Стив сложил телефон, бросил его на приборный щиток и завел двигатель «райдера». В пустыне начали сгущаться сумерки. Хреново. Они провели слишком много времени в кемпере и около мотоцикла босса.

— Нет связи? — сочувственно спросила Синтия.

— Нет. Поедем в городок, о котором ты упоминала. Как там он называется?

— Безднадега. К востоку отсюда.

Стив тронул «райдер» с места.

— Будешь за штурмана, хорошо?

— Конечно. — Синтия коснулась его руки. — Нам помогут. Даже в самом маленьком городке должен быть хотя бы один коп.

Подъезжая к кемперу, Стив увидел, что дверь они оставили полуоткрытой. Он остановил грузовик, поставил ручку переключения передач в нейтральное положение и открыл дверцу.

Синтия схватила его за плечо, прежде чем он успел выпрыгнуть из кабины.

— Эй, ты куда? — Панических ноток, правда, в ее голосе не было.

— Расслабься, девушка. Через секунду вернусь.

Стив подошел к кемперу, который почему-то называли «уэйфарером»^[29], захлопнул дверь и вернулся к «райдеру».

— Ты у нас аккуратист? — спросила Синтия.

— Обычно нет. Просто мне не нравится, как эта дверь колотится на ветру. — Он помолчал, потом поднял голову и посмотрел на девушку. — Совсем как ставня в доме, где живут привидения.

— Понятно, — кивнула Синтия.

И тут вновь завывли койоты, то ли на юге, то ли на востоке, ветер мешал определить, где именно. Завывли на пять или шесть голосов. Видать, сбились в стаю. Стив забрался в кабину и захлопнул дверцу.

— Поехали. — Он выжал сцепление и решительно передвинул ручку переключения передач. — Призовем на помощь закон.

Дэвид Карвер увидел патрон, когда женщина в вылинявших джинсах и синей футболке все-таки сдалась, вжалась спиной в прутья решетки камеры для пьяных и локтями прикрыла грудь. Коп отодвинул стол, чтобы подойти к ней.

Не трогай, сынок, сказал Дэвиду седовласый мужчина после того, как женщина отбросила двустволку и она, заскользив по деревянному полу, замерла у решетки их камеры. *Она разряжена, пусть себе лежит.*

Дэвид послушался старика, но, помимо ружья, увидел и патрон, который подкатился к самому левому вертикальному пруту решетки. Толстый зеленый ружейный патрон, один из тех, что разлетелись в разные стороны после того, как безумный коп начал размазывать эту женщину, Мэри, по решетке спинкой кресла, чтобы заставить ее бросить ружье.

Старик дал Дэвиду дельный совет, хватать ружье не имело смысла. Даже в том случае, если бы одновременно он смог схватить и патрон. Коп не только большой, высокий, как баскетболист, и широкий, как футболист, но и очень проворный. Он бы набросился на Дэвида, который никогда в жизни не держал в руках ружья, прежде чем тот понял бы, куда вставлять патрон. Но если у него появится шанс подобрать патрон... тогда... кто знает, вдруг это пригодится?

— Ты можешь идти? — спрашивал коп женщину, которую звали Мэри, подчеркнуто участливым тоном. — Ничего не сломано?

— Какая тебе разница? — Ее голос дрожал, но Дэвид чувствовал, что дрожать его заставляет ярость, а не страх. — Убей меня, если хочешь, и покончим с этим.

Дэвид искоса глянул на старика, с которым делил камеру, чтобы понять, заметил ли тот патрон. Вроде бы нет, хотя старик наконец-то покинул койку и подошел к решетке.

Вместо того, чтобы кричать на женщину, которая очень старалась снести ему полголовы и которую он едва не размазал по решетке, коп обнял Мэри. Совсем как близкую подругу. Этот жест искренней привязанности удивил Дэвида больше, чем все то насилие, что вершилось у него на глазах.

— Я не собираюсь убивать тебя, Мэри!

Коп огляделся, как бы спрашивая трех оставшихся в живых Карверов и седовласого старика, могут ли они поверить этой чокнутой даме. Его ярко-серые глаза встретились с синими глазами Дэвида, и мальчик непроизвольно отступил на шаг. Нахлынувшая волна ужаса разом лишила его сил. И он почувствовал себя *уязвимым*. Более уязвимым, чем раньше, хотя он и не мог объяснить почему. Почувствовал, и все.

Глаза копа были пусты. Настолько пусты, словно он потерял сознание, а глаза при этом остались открытыми. Они напомнили Дэвиду его друга Брайена и визит к нему в больничную палату в ноябре прошлого года. Однако глаза копа отличались от глаз Брайена: в них отсутствовало сознание, но появилось что-то другое. Дэвид не знал, что именно, не понимал, как могут глаза выглядеть одновременно пустыми и непустыми. Он мог лишь сказать, что таких глаз, как у копа, видеть ему еще не доводилось.

Коп вновь посмотрел на Мэри.

— Господи, да нет же! — воскликнул он, всем своим видом показывая, что не может

взять в толк, откуда у нее появились такие мысли. — Зачем мне убивать тебя, когда начинается самое интересное!

Он сунул руку в правый карман, достал связку ключей и выбрал один, совсем непохожий на ключ: квадратный, с черной поперечной полосой. Совсем как карточка-ключ в отеле. Коп вставил его в замок большой камеры и открыл дверь:

— Заходи, Мэри. Будь как дома.

Женщина словно и не услышала его, она смотрела на родителей Дэвида. Те стояли бок о бок у решетки маленькой камеры, напротив той, что занимали Дэвид и седой мистер Молчун.

— Этот человек... этот маньяк... убил моего мужа. Положил... — У нее перехватило дыхание, она шумно сглотнула, а здоровяк коп умильно смотрел на нее, как бы говоря: *Давай же, Мэри, выговорись, тебе сразу полегчает.* — Положил руку ему на плечо, так же, как только что положил мне, а потом четыре раза выстрелил в него.

— Он убил нашу маленькую девочку, — ответила ей Эллен Карвер, и на мгновение Дэвиду показалось, что его мать потеряла чувство реальности, что она и эта женщина, Мэри, забывшись, затеяли игру «А что вы на это скажете?». И сейчас Мэри ответит, он, мол, убил нашу собаку, а мама...

— Мы этого не знаем, — подал голос отец Дэвида. Выглядел он ужасно. Лицо распухшее, в крови, как у боксера-тяжеловеса, которого мутузили все двенадцать раундов. — Не знаем наверняка.

Он посмотрел на копа, и его изуродованное лицо осветила надежда, но коп не удостоил его даже взглядом. Для него существовала только Мэри.

— Хватит болтать. — Тон как у самого доброго в мире дедушки. — На место, Мэри-крошка. В золоченую клетку, мой маленький синеглазый попугайчик.

— Или что? Ты меня убьешь?

— Я уже сказал, что нет, — все тот же дедушкин голос, — но ты не должна забывать, что в нашем мире смерть не самое страшное. — Тон не менялся, но теперь женщина взидала на него как кролик на удава. — Я могу причинить тебе боль, такую боль, что ты будешь молить меня о смерти. Ты ведь мне веришь?

Какое-то мгновение она еще смотрела на него, потом оторвала взгляд, так, во всяком случае, показалось Дэвиду с двадцати разделявших их ярдов, *оторвала*, как отрывают клейкую ленту от коробки, и вошла в камеру. По телу женщины пробежала дрожь, а когда коп захлопнул за ней дверь, мужество покинуло ее. Она упала на одну из четырех коек у дальней стены, закрыла лицо руками и разрыдалась. Коп, наклонив голову, наблюдал за ней. Дэвид воспользовался моментом, чтобы взглянуть на патрон, успел подумать, а не поднять ли его. Но тут коп вскинул голову, в некотором недоумении огляделся, словно выйдя из транса, отвернулся от рыдающей женщины и направился к Дэвиду.

Седой мужчина тут же отпрянул от решетки и пятился до тех пор, пока не ударился о край койки. Ноги его согнулись, он сел и тут же закрыл руками глаза. Прежде Дэвиду казалось, будто это жест отчаяния. Теперь он понял, что мужчина панически боится взгляда копа и делает все, что в его силах, лишь бы не встретиться с ним глазами.

— Как дела, Том? — спросил коп сидящего на койке мужчину. — Еще дышим, старина?

Мистер Седые Волосы от голоса копа сжался в комок, но рук от лица не убрал. Коп еще мгновение смотрел на него, потом медленно перевел свои серые глаза на Дэвида. И Дэвид почувствовал, что не в силах отвести взгляд. Теперь его глаза не могли двинуться ни вправо,

ни влево. Но этим дело не ограничилось. Он словно услышал зов.

— Развлекаемся, Дэвид? — спросил светловолосый здоровяк коп. Глаза его становились все больше, превращаясь в ярко-серые, светящиеся изнутри шары. — Заполняешь промежутки? Око за око?

— Я... — пискнул Дэвид, потом облизал губы и попробовал еще раз: — Я не понимаю, о чем вы говорите.

— Неужели? Я в этом сомневаюсь. Потому что вижу... — Коп поднес руку к уголку рта, коснулся его и опустил руку. На лице копа отразилось искреннее изумление. — Я не знаю, что я вижу. Это вопрос, да, сэр, это вопрос. Кто ты, мальчик?

Дэвид посмотрел на отца с матерью и быстро отвел взгляд, такой ужас прочитал он на их лицах. Они решили, что коп собирается убить его, как убил Пирожка и мужа Мэри.

Дэвид вновь встретился взглядом с копом.

— Я Дэвид Карвер. Живу в доме двести сорок восемь на Тополиной улице. В Уэнтурте, штат Огайо.

— Да, я уверен, что это правда, но кто сотворил тебя? Не можешь ли ты сказать мне, маленький Дэйв, кто сотворил тебя? *Тэк?*

Он не читает мои мысли, подумал Дэвид, но, судя по всему, может прочитать. Если захочет.

Взрослый, наверное, выругал бы себя за то, что в голову лезут такие глупости, не поддался бы паранойе. *Именно этого коп и добивается, чтобы я решил, будто он может читать мои мысли* — вот к какому выводу пришел бы взрослый. Но одиннадцатилетний Дэвид оставался ребенком. Пусть и не обычным ребенком, каким был до ноября прошлого года. С тех пор в нем произошли серьезные изменения. И теперь он надеялся, что эти изменения позволят ему справиться с тем, что он видел перед собой, что чувствовал.

Коп тем временем, прищурившись, пристально смотрел на него.

— Я полагаю, меня сотворили мама и папа, — ответил Дэвид. — Так ведь всегда случается.

— Мальчик, который понимает птиц и пчел! Великолепно! Так как насчет другого моего вопроса, Солдат, развлекаешься?

— Вы убили мою сестру, так что не задавайте глупых вопросов.

— Сынок, не провоцируй его, — пронзительно, испуганно закричал Ральф. Дэвид не сразу признал голос отца.

— Я далеко не глуп. — Коп нагнулся к Дэvidу. Зрачки его находились в постоянном движении. Дэвида начало мутить, но он все равно не мог оторвать от них глаз. — У меня есть недостатки, но глупость в их число не входит. Я много чего знаю, Солдат. Очень много.

— Оставь его в покое! — воскликнула мать Дэвида. Мальчик ее не видел, Эллен заслонял коп. — Разве мало того, что ты уже наделал? Если ты тронешь его, я тебя убью!

Коп пропустил ее слова мимо ушей. Он поднес указательные пальцы к нижним векам и оттянул их, отчего глаза словно вылезли из орбит.

— У меня орлиные глаза, Дэвид, и эти глаза издали видят истину. Можешь мне поверить. Орлиные глаза, да, сэр. — Коп продолжал смотреть на Дэвида через решетку, словно одиннадцатилетний мальчик загнипотизировал его.

— Ты та еще штучка, так ведь? — выдохнул коп. — Действительно, та еще штучка. Да, думаю, это так.

Думай о чем хочешь, только не читай мои мысли насчет ружейного патрона.

Зрачки копа расширились, и Дэвид решил, что именно эти мысли коп сейчас считает из его головы, словно расшифровывает кодированное радиосообщение. Но тут снаружи донесся вой койота, и коп повернул голову. Возникшая между ним и мальчиком связь, возможно, телепатическая, а возможно, основанная на страхе и гипнозе, разорвалась.

Коп наклонился, чтобы поднять ружье. Дэвид замер в уверенности, что сейчас тот увидит лежащий справа от него патрон, но коп даже не взглянул в его направлении. Он выпрямился и переломил двустволку пополам. Стволы легли на его предплечье, словно послушное, выдрессированное животное.

— Не уходи, Дэвид. — Коп говорил доверительным, дружеским голосом. — Нам есть что обсудить. Этого разговора я буду ждать с нетерпением, поверь мне, но сейчас у меня есть другие дела.

Он направился к середине комнаты, по пути подбирая патроны. Первые два загнал в стволы, остальные рассовал по карманам. Больше Дэвид ждать не мог. Мальчик наклонился, протянул руку между прутьев, схватил толстый зеленый цилиндр и сунул в карман джинсов. Женщина, которую звали Мэри, этого не видела, она все еще лежала на койке, уткнувшись лицом в руки. Родители тоже не видели, они стояли у решетки, обняв друг друга за плечи, не в силах оторвать глаз от гиганта в хаки. Дэвид повернулся. Старый мистер Седые Волосы, Том, сидел, закрыв руками лицо. Может, он тоже ничего не видел? Но нет, свои водянистые глаза, прикрывая их пальцами, Том держал открытыми, поэтому скорее всего маневр Дэвида от него не укрылся. Впрочем, мальчик все равно уже не мог вернуть патрон на прежнее место. Не сводя глаз с мужчины, которого коп назвал Томом, Дэвид поднес палец к губам, призывая мистера Седые Волосы к молчанию. Старый Том никак не показал, что понял мальчика. Его глаза, заточенные в отдельную темницу, таращились сквозь решетку пальцев.

Коп, убивший Пирожка, поднял с пола последний патрон, заглянул под стол, поднялся и вернул стволы в исходное положение. Дэвид пристально наблюдал за ним, пытаясь понять, считает ли коп подобранные патроны. Коп постоял, наклонив голову, потом повернулся и зашагал к камере Дэвида. У мальчика душа ушла в пятки.

Несколько мгновений коп стоял перед решеткой, глядя на мальчика.

Он пытается залезть в мои мозги, как взломщик в чужой дом, подумал Дэвид.

— Ты размышляешь о Боге? — спросил коп. — Не утруждай себя. Владения Господа заканчиваются у Индиан-Спрингс, и даже раздвоенное копыто господина Сатаны не ступало севернее Топопах. В Безднадеге, мой милый, Бога нет. Здесь можно найти только *де лаи*.

На том разговор и оборвался. Коп вышел из комнаты с ружьем под мышкой. Не меньше пяти секунд тишину нарушали лишь приглушенные рыдания женщины по имени Мэри. Дэвид смотрел на родителей, они — на него. Ральф и Эллен все еще стояли обнявшись. Глядя на них, Дэвид представил себе, как они, должно быть, выглядели, когда были маленькими детьми, задолго до того, как встретились в университете Огайо, и это перепугало его сверх всякой меры. Уж лучше бы он застал их голыми и трахающимися. Дэвид хотел нарушить молчание, но не знал, что сказать.

Внезапно коп вновь появился в комнате. Ему пришлось наклонить голову, чтобы не удариться о дверной косяк. На его лице играла безумная улыбка, заставившая Дэвида вспомнить о Гарфилде, коте из комиксов. Кот точно так же улыбался, готовясь к очередной проказе. И тут зазвонил висевший на стене телефон. Коп схватил трубку, поднес ее к уху, заорал в микрофон:

— Бюро обслуживания! Пошлите мне наверх комнату! — бросил трубку на рычаг и все с

той же безумной гарфилдовской улыбкой повернулся к своим пленникам. — Старая шутка Джерри Льюиса^[30]. Американские критики не понимают Джерри, а вот во Франции он пользуется колоссальным успехом. Я имею в виду, пользуется успехом как жеребец. — Он посмотрел на Дэвида. — Во Франции тоже нет Бога, Солдат. Поверь мне. Только чинзано, улитки и женщины, которые не бреют подмышки.

Коп оглядел остальных пленников, и его улыбка исчезла.

— Вы, люди, должны сидеть за решеткой. Я знаю, вы меня боитесь, может, это и правильно, что боитесь, но вы посажены не без причины, поверьте мне. На много миль вокруг это единственное безопасное место. Здесь действуют силы, о существовании которых вам не стоит и думать. А когда наступит ночь... — Коп вновь оглядел их и печально покачал головой, показывая, что тут лучше промолчать.

Ты лжешь, ты лжешь, подумал Дэвид... но тут из открытого окна на лестнице опять донесся вой, заставивший его засомневаться: а вдруг коп говорит правду?

— В любом случае, — продолжал коп, — замки тут хорошие, решетки крепкие. Строили камеры в расчете на шахтеров, а их природа силой не обделила, поэтому на побег не рассчитывайте. Если у вас возникла такая мысль, отправьте ее куда подальше. Вы можете со мной не согласиться, но другого вам не дано. Поверьте мне, если сумеете выбраться из камер, вам же будет хуже. — И он ушел, на этот раз действительно ушел: Дэвид услышал, как грохотали по ступеням его сапоги, сотрясая все здание.

Мальчик постоял в нерешительности, зная, что он сейчас должен сделать, просто обязан сделать, но он не хотел этого делать на глазах у родителей. Однако разве у него был выбор? И насчет копа он не ошибся. Здоровяк не мог читать его мысли, словно газету, но что-то он улавливал... к примеру, о Боге. Может, это и к лучшему. Пусть коп знает о Боге, но не о патроне.

Дэвид повернулся и направился к койке. Он чувствовал, как патрон оттягивает карман. Словно золотой слиток.

Нет, патрон опаснее золота. Пожалуй, лучше сравнить его с куском чего-то радиоактивного.

Дэвид постоял перед койкой, лицом к стене, потом медленно, очень медленно опустился на колени. Сложил руки на грубом шерстяном одеяле и коснулся их лбом.

— Дэвид, что с тобой? — закричала мать. — Дэвид!

— С ним все в порядке, — ответил отец, и Дэвид улыбнулся, закрывая глаза.

— Что значит все в порядке? — не унималась Эллен. — Посмотри на него, он упал, потерял сознание! Дэвид!

Голоса затихали, таяли вдали, но, прежде чем они пропали, Дэвид услышал слова отца: «Он не потерял сознание. Он молится».

В Бездне нет Бога. Что ж, давайте разберемся.

И Дэвид отключился. Его больше не волновало, что могут подумать родители, не тревожило то, видел ли мистер Седые Волосы, как он прикарманил патрон, и скажет ли он об этом копу-чудовищу. Дэвид не горевал о смерти младшей сестренки, которая за свою короткую жизнь мухи не обидела и не заслужила такой жуткой смерти. Собственно, он даже покинул свое тело. И оказался в крошечной тьме, слепой, но не глухой. Оказался во тьме, вслушиваясь в голос своего Бога.

Как и у большинства обретших Бога, у Дэвида Карвера это сопровождалось драматическими внешними событиями. В душе же его все произошло спокойно, если не сказать буднично. Объяснять случившееся законами логики или категориями здравого смысла бесполезно. Когда дело касается души, привычная логика неприменима. Тут в ходу иная логика, не менее ясная и понятная для посвященных. Он нашел Бога, этим все сказано. И (возможно, это представлялось Дэвиду более существенным) Бог нашел его.

В ноябре прошлого года, когда лучший друг Дэвида ехал на велосипеде в школу, его сбил автомобиль. Брайена Росса отбросило на двадцать ярдов в стену дома. Друзья всегда ездили в школу вместе, но в тот день Дэвид остался дома, так как подхватил простуду. Телефон зазвонил в половине девятого. Десять минут спустя мать Дэвида, бледная как полотно, вернулась в гостиную:

— Дэвид, с Брайеном несчастье. Пожалуйста, постарайся взять себя в руки.

Дальнейшего разговора он не помнил, в памяти остались только слова *надежды на то, что он выживет, нет*.

Позвонив вечером в больницу и убедившись, что его друг еще жив, Дэвид решил, что на следующий день сам поедет туда.

— Дорогой, я понимаю, что ты сейчас чувствуешь, но эта идея не из лучших, — покачал головой его отец. «Дорогим» он не называл Дэвида с тех пор, как тот перестал играть плюшевыми зверьками. Одного этого слова хватило, чтобы понять, насколько Ральф Карвер расстроен. Он посмотрел на Эллен, но та стояла у раковины спиной к столу, нервно теребя полотенце. На ее помощь рассчитывать не приходилось. Да и сам Ральф не знал, что сказать. Не приведи Господь вести такие разговоры с ребенком. Мальчику-то всего одиннадцать, Ральф еще не успел познакомить его со многими жизненными явлениями, а тут речь зашла о смерти. Слава Богу, Кирсти сидела в другой комнате и смотрела по телевизору мультфильмы.

— Нет, — возразил Дэвид, — это хорошая идея. Единственная идея. — Он хотел было добавить: *Кроме того, Брайен обязательно приехал бы, окажись я на его месте*, — но воздержался. Потому что не знал наверняка, приехал бы Брайен или нет. Впрочем, это ничего не меняло. Дэвид уже чувствовал, пусть и не отдавая в этом отчета, что ехать он собирается не ради Брайена, а ради себя.

Мать покинула свой бастион у раковины и нерешительно шагнула к сыну:

— Дэвид, у тебя самое доброе сердце в мире... самое доброе... на Брайен... его... ну... бросило...

— Мама хочет сказать, что он ударился о кирпичную стену головой. — Отец наклонился над столом и накрыл своей рукой руку сына. — У него обширное поражение мозга. Он в коме. Мозг ни на что не реагирует. Ты знаешь, что это означает?

— Они думают, что Брайен превратился в растение.

Ральф поморщился, потом кивнул.

— Он в таком состоянии, что для него наилучший выход — скорый конец. Если ты поедешь к нему, то увидишь не своего друга, которого ты хорошо знаешь, с которым никогда бы не расставался...

При этих словах Эллен вышла в гостиную, посадила ничего не понимающую Кирсти на колени и заплакала.

Ральф посмотрел ей вслед, словно хотел последовать примеру жены, но потом вновь повернулся к Дэвиду:

— Будет лучше, если ты запомнишь Брая, каким видел его в последний раз. Понимаешь?

— Да, но я не могу так поступить. Я должен его повидать. Если не хочешь подвезти меня, нет проблем. После школы я доеду в больницу на автобусе.

Ральф тяжело вздохнул:

— Нет, я, конечно, тебя отвезу. И не обязательно ждать окончания занятий. Только, ради Бога, не говори об этом... — Он мотнул головой в сторону гостиной.

— Пирожку? Конечно, не скажу. — Дэвид не стал упоминать, что Кирсти уже приходила в его комнату и спрашивала, что случилось с Брайеном, сильно ли ему досталось, умрет ли он, поедет ли Дэвид к нему в больницу и многое, многое другое. Слушала внимательно, стояла такая печальная... Но родителям далеко не все следует знать. Они такие старые, у них расшатанная нервная система.

— Родители Брайена не пустят тебя в палату, — заявила Эллен, вернувшись на кухню. — Я знаю Марка и Дебби много лет. Они потрясены случившимся, в этом сомнений нет, я на их месте просто сошла бы с ума, но они знают, что негоже разрешать маленькому мальчику смотреть на... другого маленького мальчика, который умирает.

— Я позвонил им после того звонка в больницу, — ответил Дэвид. — Миссис Росс не возражает. — Отец все еще сжимал его руку. Дэвида это только радовало. Он любил родителей, сожалел, что его поездка в больницу так огорчает их, но твердо знал, что обязательно поедет. Словно его направляла внешняя сила. Точно так же, как опытная рука ведет руку ребенка, помогая нарисовать собаку, курицу или снеговика.

— Что это на нее нашло? — выдохнула Эллен Карвер. — Хотела бы я знать, что это на нее нашло?

— Миссис Росс сказала, что будет рада, если я смогу прийти попрощаться. Ведь в конце недели собираются отключить систему жизнеобеспечения, после того как с Брайеном попрощаются бабушки и дедушки. Она сказала, что будет рада, если я приду к Брайену первым.

На следующий день Ральф отпросился с работы на вторую половину дня и заехал в школу за Дэвидом. Тот уже стоял на тротуаре с синим пропуском «ОТПУЩЕН РАНЬШЕ», торчащим из нагрудного кармана. Они приехали в больницу и на самом медленном в мире лифте поднялись на пятый этаж, в отделение интенсивной терапии. По пути Дэвид готовил себя к тому, что ему предстояло увидеть. *Не ужасайся тому, что увидишь, Дэвид, предупредила его по телефону миссис Росс. Выглядит он не ахти. Мы уверены, что боли он не чувствует, слишком велико поражение мозга... но выглядит он не ахти.*

— Хочешь, чтобы я пошел с тобой? — спросил отец у двери палаты Брайена.

Дэвид покачал головой. Он по-прежнему ощущал, что его действия направляются могучей силой, которая проявила себя, как только его побледневшая мать принесла весть о случившемся с Брайеном. Он чувствовал, что сила эта мудрее, чем он, она поддержит его, если его мужество даст слабину.

[Купить полную версию книги](#)

Примечания

Smokey Bear — талисман службы леса, симпатяга медведь в джинсах, шляпе и форменной рубашке лесника. Форма патрульных полиции штата похожа на форму лесников. — *Здесь и далее примеч. пер.*

Имеется в виду американский футбол, где рост, вес и ширина плеч имеют первостепенное значение.

«Grateful Dead» — известная американская рок-группа, на концертах которой употребление наркотиков считалось хорошим тоном.

Специализированный автомобиль для любителей автотуризма, изготавливаемый на основе пикапов и микроавтобусов, может быть также оснащен прицепом.

Стоянка с передвижными домами, установленными на постоянном месте, к которым подведены инженерные коммуникации (водопровод, канализация, электричество), для сдачи внаем малоимущим.

По принятой в Америке шкале Фаренгейта. 100 градусов по Фаренгейту соответствуют приблизительно 38 градусам по Цельсию.

«Питер, Пол и Мэри» — популярная в 60-х годах группа, исполнявшая песни в стиле кантри. В ее состав входили Питер Ярроу (Peter Yarrow), Пол Стуки (Paul Stookey) и Мэри Трэверс (Mary Trevers).

туалет.

Испанская католическая миссия-крепость, место героической обороны двухсот техасских повстанцев во время борьбы за независимость от Мексики (23 февраля — 6 марта 1836 г.). Миссия отреставрирована и является историческим памятником.

Перечень прав лица, подозреваемого в совершении преступления, которыми оно обладает при задержании и которые должны быть разъяснены ему при аресте до начала допроса. Эти права были сформулированы верховным судом в деле «Миранда против штата Аризона».

В Америке азартные игры разрешены только в штате Невада и в нескольких городах, в том числе в Атлантик-Сити.

Пекос — городок в штате Техас. «К западу от Пекоса» — идиома, означающая дикие и опасные места.

Премия, присуждаемая ежегодно (с 1950 г.) американскими издателями.

Нагорье в Кордильерах.

Френк Винсент Заппа (1940–1993) — музыкант, звезда рока, создатель калифорнийского фрик-рока. Пытался слить воедино джаз, классическую музыку и рок.

престижный частный гуманитарный колледж.

Международная общественная организация, объединяющая желающих излечиться от алкоголизма. Основана в 1935 г.

Джей Гулд (1836–1892) — финансист, железнодорожный магнат.

Фордхэмский университет в Бронксе, основан в 1841 г. Университеты почитают за честь, если известный писатель передает им на хранение свои опубликованные произведения и архивы.

По аналогии с книгой Джона Стейнбека «Путешествие с Чарли в поисках Америки».

Автобусные поездки из северных штатов в южные, организованные по инициативе конгресса расового равенства в 1961 г. в знак протеста против сегрегации на автовокзалах южных штатов.

«Райдер» (Ryder truck) — взятый напрокат грузовик (по названию компании «Райдер систем», первой предложившей эту услугу).

Район в Южном Манхэттене (примерно 20 кварталов) с многочисленными мастерскими художников, художественными лавками и галереями.

Джерри Гарсия — лидер группы «Грейтфул дэд», умер в 1995 г., злоупотреблял спиртным и наркотиками.

Лаббок — город на северо-западе штата Техас.

Бейкерсфилд — город на юге Калифорнии.

около 44 градусов по Цельсию.

«Мария Селеста» — найденное в открытом море торговое судно, с которого загадочным образом пропала вся команда, «Андреа Дория» — пассажирский лайнер.

Wayfarer (*англ.*) — путник, странник.

Джерри Льюис (р. 1926) — звезда Голливуда, известный комедийный актер. Из американских деятелей кино только он и Альфред Хичкок награждены французским орденом Почетного легиона.